

ДЖИМ БАТЧЕР

БИТВА
ЗА КАЛЬДЕРОН

КОДЕКС АЛЕРЫ

Книга 2

Джим Батчер
Битва за Кальдерон
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Кодекс Алеры», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70107193

*Битва за Кальдерон: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2024
ISBN 978-5-389-24714-7*

Аннотация

Впервые за тысячу лет народы Алеры объединились. К этому их вынудила необходимость сражаться с воинственными чужеродными расами, населяющими соседние земли. Но хотя у алеранцев есть могущественные помощники, укрощенные ими фурии земли, воздуха, огня, воды, дерева и металла, спасительное единство висит на волоске. Состарившийся правитель не в силах защитить страну от нашествий и задушить в зародыше гражданскую войну, и теперь судьба Алеры в руках юного Тави, еще вчера – безвестного пастуха, а ныне студента престижнейшей Академии, и его новых товарищей.

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Глава 1	27
Глава 2	47
Глава 3	62
Глава 4	76
Глава 5	89
Глава 6	95
Глава 7	113
Глава 8	121
Глава 9	136
Глава 10	154
Глава 11	167
Глава 12	185
Глава 13	200
Конец ознакомительного фрагмента.	212

Джим Батчер

Битва за Кальдерон

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2009

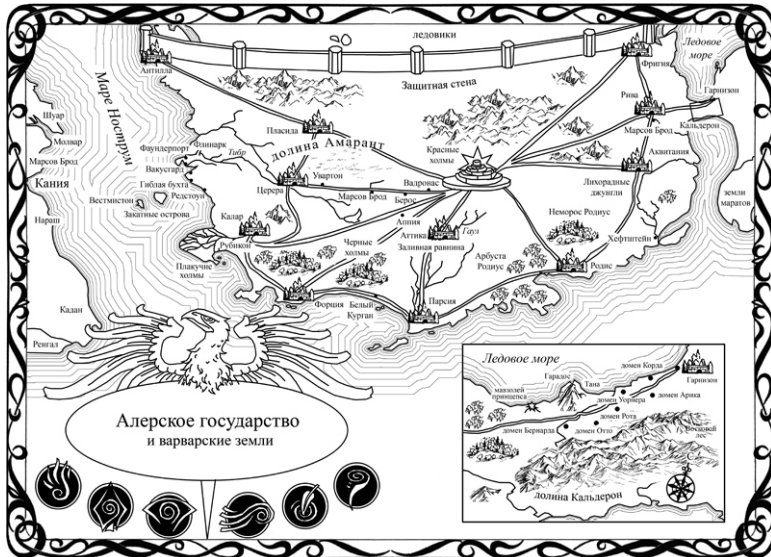
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

*Посвящаю всем старым членам банды на
«AmberMUSH» и «Too». Мы славно проводили
вместе время, и я бы никогда не променял те
славные деньки ни на что другое*

Благодарности

Я мог бы поблагодарить очень многих, кто помогал мне в таком крупном проекте, как работа над книгой, но на этот раз я хотел бы поблагодарить только одного человека, который сделал для меня очень многое, не пытаясь получить что-либо взамен.

Спасибо тебе, Шеннон. За все, что ты сделала, хотя многого я просто и не упомяну.

Я не понимаю, как тебе удастся сладить с таким человеком, как я, мой ангел, но надеюсь, ты не прекратишь этого делать.

Пролог

Если начало мудрости лежит в осознании того, что мы ничего не знаем, то начало понимания заключено в осознании того, что все в мире существует, подчиняясь одной-единственной правде: большое состоит из малого.

Капли чернил превращаются в буквы, буквы – в слова, слова образуют предложения, а предложения объединяются, чтобы выразить мысль. Точно так же из семян рождаются растения, а стены строятся из множества камней. То же самое можно сказать и про человечество – традиции и обычаи наших предков, соединяясь вместе, дают начало нашим городам, истории и образу жизни.

Этому закону подчиняется все: будь то мертвый камень, живая плоть или бушующее море; будь то время застоя или события грандиозных масштабов, ярмарочные дни или отчаянные сражения. Большое состоит из малого.

Значение этого закона огромно, хотя и не всегда очевидно.

Из записок Гая Секундуса, Первого консула Алеры

Ветер завывал над пологими, поросшими редкими деревьями холмами земель, принадлежащих маратам. Он гнал перед собой шершавые хлопья снега, и, хотя Единственный летел высоко в небе, тучи скрывали его лицо.

Китай впервые с тех пор, как наступила весна, замерзла.

Она повернулась и, прищурившись, посмотрела назад, прикрыв глаза рукой от мокрого снега. Она была в короткой набедренной повязке и поясе, на котором висели нож и охотничья сумка, – и все. Ветер швырял ей в лицо пряди густых белых волос, и их цвет сливался с цветом падающего снега.

– Поторопись! – крикнула она.

В ответ раздалось глухое ворчание, а в следующее мгновение появился гаргант по кличке Ходок. Он был громаден по сравнению со своими сородичами, его рост в холке был равен росту двух мужчин. Его косматая зимняя шкура, густая и черная, защищала его от холода, и он не обращал внимания на снег. Когти, каждый больше алеранской сабли, легко вгрызались в замерзшую землю.

Отец Китаи, Дорога, в набедренной повязке и выцветшей алеранской рубашке красного цвета, сидел на спине гарганта, спокойно покачиваясь на чем-то вроде седла – замысловатой конструкции, сплетенной из веревок, грубо свитых из волос гарганта. Грудь, руки и плечи Дороги были такими мощными, что ему пришлось оторвать от рубашки рукава. Но поскольку он получил рубашку в подарок, выбросить ее было бы невежливо, поэтому он сплел из рукавов веревку и надел ее на лоб, чтобы в глаза не лезли волосы, такие же белые, как у дочери.

– Мы должны спешить, потому что долина может от нас убежать. Наверное, нам следовало остаться с подветренной стороны.

– Если ты думаешь, что это смешно, так ты ошибаешься, – заявила Китаи, наградив сердитым взглядом отца, который решил пошутить.

Дорога улыбнулся, и морщины на его широком квадратном лице стали заметнее. Ухватившись за седельную веревку гарганта, он с ловкостью, неожиданной для его могучего тела, соскользнул на землю. Затем он хлопнул рукой по передней ноге Ходока, и тот мирно улегся, не переставая жевать траву.

Китаи повернулась и прошла вперед, навстречу ветру, и, хотя ее отец не издал ни звука, она знала, что он идет за ней.

Через пару мгновений они достигли края утеса, и их глазам открылся огромный провал, дно которого сплошь поросло деревьями. Снег мешал как следует разглядеть его, и лишь между порывами ветра удавалось увидеть тропинку, ведущую к основанию утеса.

– Смотри, – сказала она.

Дорога встал рядом и рассеянно обнял дочь за плечи здоровенной ручищей. Китаи ни за что на свете не позволила бы отцу увидеть, что она дрожит, по крайней мере не во время самого обычного снегопада, но она все равно к нему прижалась, безмолвно поблагодарив за тепло. Она наблюдала, как ее отец всматривался вниз, дожидаясь, когда ветер на время стихнет и он сможет рассмотреть место, которое алеранцы называли Восковым лесом.

Китаи закрыла глаза, вспоминая это место. Мертвые дере-

вья в несколько слоев покрывал кроч – густое, вязкое вещество, словно Единственный залил воском множество свечей. Кроч был в провале везде, включая землю и бо́льшую часть склонов. Тут и там птицы и животные были запечатаны в нем и лежали не шевелясь, пока не становились мягкими и не распадались на части, точно мясо, сваренное на небольшом огне. Бледные существа размером с собаку, прозрачные, похожие на пауков, со множеством лап, почти невидимые, прятались в кроче, в то время как другие бродили по лесу, безмолвные, быстрые и совершенно чуждые.

Китаи вздрогнула от этого воспоминания, но тут же прикусила губу, заставив себя снова замереть на месте. Она подняла голову и взглянула на отца, но он смотрел вниз и сделал вид, будто ничего не заметил.

На памяти ее народа этот провал никогда не покрывался снегом. Там всегда, даже зимой, было тепло, словно кроч, подобно громадному диковинному зверю, согревал воздух теплом своего тела.

Теперь же в Восковом лесу царили лед и гниение. Старые мертвые деревья были покрыты чем-то коричневым и мерзким, похожим на смолу. Земля замерзла, хотя тут и там виднелись участки сгнившего кроча. Несколько деревьев лежали на земле, а в центре леса упал и развалился курган. От него исходило столь мерзкое зловоние, что Китаи и ее отец почувствовали его даже на расстоянии.

Дорога еще некоторое время не шевелился, а затем ска-

зал:

– Нам нужно спуститься и выяснить, что произошло.

– Я уже выяснила, – сказала Китая.

– Делать это в одиночку было глупо, – нахмурившись, сказал ее отец.

– Из нас троих, находящихся здесь, кто чаще остальных спускался вниз и возвращался оттуда живым?

Дорога фыркнул, и его темные глаза потеплели.

– Может, ты и права. – Улыбка погасла, когда ветер и мокрый снег снова скрыли провал от их глаз. – И что ты обнаружила?

– Мертвых Хранителей, – ответила она. – Мертвый крош. Тепла нет. Ничто не двигается. Хранители превратились в пустые оболочки. Крош рассыпался в пыль, когда я к нему прикасалась. – Она облизнула губы. – И кое-что еще.

– Что?

– Следы, – тихо ответила она. – Ведущие прочь с дальней стороны. На запад.

– Какие следы? – проворчал Дорога.

Китая покачала головой:

– Старые. Может, мараты или алеранцы. Рядом с ними я нашла много мертвых Хранителей. Словно они маршировали и умирали один за другим.

– Чудовище направляется в сторону алеранцев! – прорычал Дорога.

Китая кивнула, и на ее лице появилось беспокойство.

Дорога посмотрел на нее и спросил:

– Что еще?

– Его сумка. Рюкзак, который мальчишка из долины потерял в Восковом лесу во время нашего состязания. Я нашла его на тропе рядом с последними мертвыми пауками, на нем еще оставался его запах. Начался дождь. И я потеряла след.

Лицо Дороги потемнело.

– Мы расскажем хозяину долины Кальдерон. Это может ничего не значить.

– А может значить. Я пойду, – сказала Китаи.

– Нет, – заявил Дорога.

– Но, отец...

– Нет, – повторил он жестче.

– А что, если оно его ищет?

Ее отец помолчал немного, а потом ответил:

– Твой алеранец умный. Быстрый. И в состоянии о себе позаботиться.

– Он маленький. И глупый. И ужасно меня раздражает, – с хмурым видом возразила Китаи.

– Храбрый. Бескорыстный.

– Слабый. У него даже нет колдовства его народа.

– Он спас тебе жизнь, – напомнил ей Дорога.

Китаи нахмурилась еще сильнее:

– Да. Он меня раздражает.

– Даже лев сначала бывает детенышем, – улыбнувшись, сказал Дорога.

– Я могла бы сломать его пополам! – прорычала Китай.

– Сейчас – возможно.

– Я его презираю.

– Сейчас – возможно.

– Он не имел права.

– Это не ему было решать, – покачав головой, сказал Дорога.

Китай сложила руки на груди и заявила:

– Я его ненавижу.

– И поэтому хочешь предупредить его об опасности.

Китай покраснела так сильно, что краска залила ее щеки и шею. Ее отец сделал вид, будто ничего не заметил.

– Сделанного не воротишь, – сказал он, повернулся к дочери и положил свою громадную руку на ее щеку, затем наклонил голову, разглядывая ее. – Мне нравятся его глаза, когда он на тебя смотрит. Они точно изумруды. Или молодая трава.

Китай почувствовала, как на ее глаза наворачиваются слезы. Она закрыла их и поцеловала руку отца:

– Я хотела лошадь.

Дорога громко, раскатисто расхохотался:

– Твоя мать хотела льва, а получила лиса. Она никогда об этом не жалела.

– Я хочу, чтобы это ушло.

Дорога, продолжая обнимать Китай, зашагал к гаргантю.

– Это не уйдет. Ты должна встать на стражу и наблюдать.

– Я не хочу.

– Так принято у нашего народа, – напомнил ей Дорога.

– Я не хочу.

– Упрямое отродье. Ты останешься здесь до тех пор, пока в голове у тебя не прояснится.

– Я не отродье, отец.

– А ведешь себя именно так. Ты останешься с Сабот-га.

Они подошли к гаргант, и Дорога без видимого усилия подбросил дочь вверх по седельной веревке.

Китай забралась на широкую спину Ходока.

– Но, отец...

– Нет, Китай. – Он устроился позади нее и щелкнул языком. Гаргант спокойно поднялся и начал пятиться по тропе, по которой они сюда пришли. – Тебе запрещено туда идти. Это решено.

Китай молча ехала, сидя за спиной отца, повернув голову на запад и подставив ветру встревоженное лицо.

Старая рана Майлса болезненно ныла, когда он тяжело спускался по винтовой лестнице в глубины земли под дворцом Первого консула, но он не обращал на нее внимания. Постоянная пульсирующая боль в левом колене занимала его не больше, чем уставшие ноги или натруженные за целый день тяжелых тренировок мышцы плеч и рук. Он о них не думал, и его лицо оставалось холодным и неумолимым, как выдавший виды меч на поясе.

Все это беспокоило его гораздо меньше, чем предстоящий

разговор с самым могущественным человеком мира.

Майлс добрался до комнатки у основания лестницы и взглянул на свое искаженное отражение в тщательно отполированном щите, висящем на стене. Он поправил свой красный с синим плащ – это были цвета Коронной гвардии – и попытался пригладить всклокоченные волосы.

Рядом с закрытой дверью на скамейке сидел юноша, почти мальчик, нескладный и долговязый, совсем недавно переставший расти, в слишком коротких брюках и куртке, из которых торчали лодыжки и запястья. Темные волосы падали на лицо, на коленях лежала раскрытая книга. И хотя палец его уткнулся в строку, он явно спал.

Майлс остановился и пробормотал:

– Студент.

Мальчик дернулся, и книга упала на пол. Он выпрямился, заморгал и, заикаясь, пробормотал:

– Да, господин... что... ах да.

Майлс положил руку ему на плечо, прежде чем тот успел вскочить.

– Полегче, приятель. Итоговые экзамены на носу, да?

Мальчик покраснел и, опустив голову, наклонился, чтобы поднять учебник.

– Да, дон Майлс. А мне в последнее время не удастся выспаться.

– Я знаю, – ответил Майлс. – Он все еще там?

Мальчик снова кивнул:

– Насколько мне известно. Мне сообщить о вас?

– Пожалуйста.

Тот встал, расправил серую форму студента и поклонился. Затем тихонько постучал в дверь и открыл ее.

– Принцепс, – сказал он, – к вам пришел дон Майлс.

Наступило долгое молчание, затем мягкий голос ответил:

– Спасибо, студент. Пусть войдет.

Майлс вошел в покои для медитаций Первого консула, а мальчик закрыл за ним звуконепроницаемую дверь. Майлс опустился на одно колено и склонил голову, дожидаясь, когда Первый консул обратит на него внимание.

Гай Секстус, Первый консул Алеры, высокий мужчина с суровым лицом и усталыми глазами, стоял посреди выложенного плиткой пола. Хотя обладание водяными фуриями позволяло Гаю выглядеть так, будто ему около сорока лет, Майлс знал, что ему почти в два раза больше. Его волосы, когда-то темные и роскошные, за последний год заметно поседели.

На плитках под ногами Гая переливались разные цвета, возникали и пропадали постоянно меняющиеся картины. Майлс узнал часть южного побережья Алеры, возле Парсии, изображение замерло на мгновение, и тут же на его месте появились горные пустоши, находившиеся на дальнем севере, у Защитной стены.

Гай покачал головой и, помахав рукой в воздухе перед собой, пробормотал:

– Хватит.

Цвета погасли, и плитки превратились в самые обычные серые плитки пола. Гай повернулся и, тяжело вздохнув, опустился в кресло, стоявшее у стены.

– Что-то ты сегодня поздно не спишь, дон.

Майлс встал:

– Я был в цитадели и решил поздороваться с вами, принцепс.

– Ты спустился на пятьсот ступенек, чтобы со мной поздороваться? – удивленно спросил Гай.

– Я их не считал, правитель.

– И если я не ошибаюсь, тебе предстоит на рассвете провести инспекцию командования нового легиона. У тебя почти не осталось времени на сон.

– Да. Почти так же мало, как и у вас, принцепс.

– Ха, – только и сказал Гай, затем потянулся и взял со стола, стоявшего возле кресла, бокал вина. – Майлс, ты солдат, а не дипломат. Говори, что тебя привело сюда.

Майлс вздохнул и кивнул:

– Спасибо. Вы мало спите, правитель. На церемонии открытия Зимнего фестиваля вы будете выглядеть так, будто вас пожевал гаргант. Вам пора в постель.

Первый консул махнул рукой:

– Может, скоро я туда отправлюсь.

– Нет, Секстус, вам не удастся от меня отмахнуться. Вы проводите здесь каждую ночь вот уже три недели, и это ста-

новится заметно. Вам необходимы теплая постель, нежная женщина и отдых.

– К сожалению, я вряд ли получу что-нибудь из твоего списка.

– Проклятье, – заявил Майлс, сложив на груди руки и расставив ноги. – Вы – Первый консул Алеры и можете получить все, что пожелаете.

В глазах Гая промелькнула тень удивления, приправленного гневом.

– Моя постель вряд ли будет теплой, пока в ней находится Кария. Майлс, ты же знаешь, какие у нас отношения.

– А чего вы ожидали? Вы женились на глупом ребенке, Секстус. Она думала, будто ей предстоит эпический роман, а обнаружила, что получила вместо прекрасного принца высушенного старого паука, интересующегося только политикой.

Гай поджал губы, и теперь гнев в его глазах было уже ни с чем не спутать. Каменный пол у него под ногами заволновался, и стол рядом с креслом покачнулся.

– Как ты смеешь так со мной разговаривать?

– Так вы приказали мне, принцепс. Но прежде чем вы меня прогоните, подумайте хорошенько. Если бы я не был прав, разве мои слова вызвали бы у вас такой гнев? Если бы вы так не устали, показали бы вы мне, что мои слова вас разозлили? Вы сумели бы это скрыть.

Пол успокоился, и взгляд Гая стал еще более усталым, но

менее сердитым. Майлс почувствовал, как его охватывает разочарование. В прежние времена Первый консул так легко не поддался бы усталости.

Гай сделал еще глоток вина и сказал:

– А что, по-твоему, я должен сделать, Майлс? Скажи мне.

– Постель, – ответил Майлс. – Женщина. Сон. Фестиваль начинается через четыре дня.

– Кария не оставляет свою дверь открытой для меня.

– В таком случае заведите любовницу, – сказал Майлс. – Проклятье, Секстус, вам нужно расслабиться, а державе нужен наследник.

– Нет, – поморщившись, сказал Первый консул. – Возможно, я себя плохо вел с Карией, но я не стану унижать ее и заводить любовницу.

– Тогда добавьте в ее вино афродин и хорошенько ее отделайте, вы же мужчина.

– Я и не знал, что ты такой романтик, Майлс.

Тот фыркнул:

– Вы так напряжены, что воздух вокруг вас трещит, когда вы шевелитесь. А стоит вам пройти по комнате, как огонь в камине разгорается в два раза сильнее. Даже фурия столицы чувствует это, а вам совсем не нужно, чтобы консулы, которые приедут на фестиваль, догадались, что вас что-то беспокоит.

Гай на мгновение устался в свой бокал с вином, а потом сказал:

– Ко мне снова вернулись те сны, Майлс.

Беспокойство пронзило Майлса, точно физическая боль, но он постарался скрыть его и не показать своих чувств Первому консулу.

– Сны. Вы же не ребенок, чтобы бояться снов, Секстус.

– Это больше чем обычные кошмары, Майлс. Рок посетит Зимний фестиваль.

Майлс заставил себя заговорить так, чтобы в его голосе прозвучало презрение:

– Вы стали предсказателем, принцепс, вы предвидите смерть?

– Не обязательно смерть, – ответил Гай. – Я употребил старое слово. Рок. Судьба. Фатум. Вместе с приближением Зимнего фестиваля к нам приближается Рок, и я не могу разглядеть, что прячется за его спиной.

– Нет никакой судьбы, – заявил Майлс. – Ваши сны начались два года назад, но государство продолжает существовать, и никакие силы его не уничтожили.

– Благодаря одному упрямому подпаску и отваге ополченцев. Мы чудом спаслись. Но если тебе не подходит слово «судьба», можешь назвать это моментом отчаяния, – сказал Гай. – История полна такими мгновениями, когда судьбы тысяч людей находятся в равновесии, которое легко нарушить в ту или иную сторону руками и волей тех, кто готов это сделать. Трагический час приближается. Нынешний Зимний фестиваль изменит путь государства, и будь я проклят, если

я знаю как. Но это грядет, Майлс. Оно приближается.

– В таком случае мы с этим справимся, – сказал Майлс. – Но будем разбираться с проблемами по очереди.

– Именно, – сказал Гай, встал со своего кресла и вернулся на мозаичные плитки, позвав за собой Майлса. – Давай я тебе покажу.

Майлс нахмурился, глядя, как Первый консул снова провел рукой над плитками. Он ощутил едва уловимый шепот силы, струящейся сквозь плитки, фурии со всех концов страны ответили на призыв Первого консула. На полу появилась созданная фуриями разноцветная карта, и вскоре у Майлса возникло ощущение, будто он превратился в великана, стоящего над призрачным образом цитадели Алеры – столицы государства Алера. У него закружилась голова, когда картинка затуманилась и помчалась на запад, в сторону великолепной холмистой долины Амарант, перебралась через Черные холмы к побережью. Она стала ярче, четче, превратившись в живое изображение моря, где бушевал яростный шторм.

– Вот, смотри, – сказал Гай. – Восьмой ураган за эту весну. Майлс помолчал несколько мгновений, а потом вздохнул: – Ужасный.

– Да. Но еще не самый худший. Они делают их все страшнее и страшнее.

Майлс резко вскинул голову и посмотрел на Первого консула:

– Кто-то напускает на нас эти штормы?

Гай кивнул:

– Думаю, шаманы канимов. Прежде они никогда не демонстрировали такой силы на море. Посол Варг, естественно, все отрицает.

– Лживый пес, – возмутился Майлс. – А почему бы вам не попросить помощи у консулов побережья? Если объединить усилия нескольких заклинателей ветра, можно остановить штормы.

– Они уже нам помогают, – тихо ответил Гай. – Хотя и не знают этого. Я ломал шторму хребет и давал консулам возможность защищать свои территории, когда шторм становился управляемым.

– Тогда попросите дополнительной помощи, – предложил Майлс. – Не сомневаюсь, что Рива и Пласида смогут отправить в прибрежные города рыцарей Воздуха.

Гай взмахнул рукой, и карта затуманилась, а на полу появилось изображение северных провинций государства и надежная гладкая каменная Защитная стена. Майлс нахмурился и наклонился, вглядываясь в картинку. На расстоянии нескольких миль от Стены он увидел движущиеся фигурки, окутанные покрывалом тонкого снега. Он попытался их сосчитать, но быстро сообразил, что их там слишком много.

– Ледовики. Но они же много лет вели себя тихо!

– Теперь это не так, – сказал Гай. – Они собираются в огромных количествах. Антилла и Фригия уже отразили два нападения на Защитную стену, но ситуация с каждым днем

ухудшается. Весенняя оттепель задержалась, и нас ждет плохой урожай. Значит, южане будут рассчитывать, что города, расположенные вдоль Защитной стены, помогут им с продовольствием, а учитывая нынешнее напряженное положение, из-за этого могут возникнуть новые проблемы.

Майлс нахмурился еще сильнее:

– Но если на южан обрушатся новые штормы, урожая им не видать.

– Совершенно верно, – подтвердил Гай. – Северные города будут голодать, а южане не готовы к наступлению ледовиков, которые обязательно попытаются перебраться через Защитную стену.

– А может так быть, что канимы и ледовики действуют заодно? – спросил Майлс.

– Только не это! – вскричал Гай. – Будем надеяться, это всего лишь совпадение.

Майлс скрипнул зубами:

– А тем временем консул Аквитейн изо всех сил старается внушить всем, будто причина несчастий в вашей неспособности управлять страной.

Гай криво ухмыльнулся:

– В некотором смысле Аквитания более приятный, хотя и опасный, противник. Она действует напрямик. Меня гораздо больше беспокоят Родис, Калар и Форция. Они перестали отправлять жалобы в Сенат. И это вызывает у меня подозрения.

Майлс кивнул. Он несколько мгновений молчал, чувствуя, как беспокойство, с которым он почти справился, вновь растет.

– Я этого не знал.

– Никто не обратил на это внимания. Я вообще сомневаюсь, что кто-то владеет полной информацией, чтобы понимать серьезность наших проблем, – сказал Гай, снова провел рукой над мозаичными плитками, и призрачная карта исчезла. – И так должно быть и дальше. В стране сложилась взрывоопасная ситуация, Майлс. Паника или один-единственный неверный шаг приведут к вражде между городами, и тогда Алера, раздираемая на части, может пасть от рук канимов или ледовиков.

– Или маратов, – добавил Майлс, уже не пытаясь скрыть горечь в своем голосе.

– На этот счет я не беспокоюсь. Новый граф Кальдерона сумел установить дружеские отношения с несколькими самыми крупными кланами маратов.

Майлс кивнул, но больше не стал ничего говорить про маратов.

– У вас очень много забот.

– Да, все, о чем я тебе сказал, и кое-что еще, – подтвердил Гай. – Обычное давление со стороны Сената, Лиги Дианы, Консорциума работоторговцев и Торгового консорциума. Многие считают принятый мною закон о возрождении Коронного легиона признаком слабости или даже слабоумия. –

Он вздохнул. – Тем временем все государство обеспокоено тем, что я, возможно, уже пережил свою последнюю зиму и так и не назначил наследника, который займет мое место. В то же время консулы, вроде Аквитейна, судя по всему, готовы захватить власть и, если понадобится, пролить реки крови.

Майлс молча обдумывал его слова.

– Проклятье.

– Мм, – протянул Гай. – Да уж, будем решать проблемы по очереди, по мере поступления.

На миг он показался Майлсу очень старым и измученным. Он смотрел, как старик закрыл глаза, придал лицу спокойное выражение, расправил уставшие плечи и заговорил со своей обычной резкой деловой интонацией.

– Мне нужно последить за штормом еще пару часов. Я посплю, сколько смогу, Майлс. Но у меня мало времени.

– Я плохо подумал, когда говорил те слова, принцепс, – склонив голову, сказал командир.

– Но зато был честен. Мне не следовало на тебя сердиться. И я приношу тебе свои извинения, Майлс.

– Не стоит, правитель.

Гай тяжело вздохнул и кивнул:

– Ты можешь кое-что для меня сделать, дон?

– Разумеется.

– Удвой на время фестиваля стражу, охраняющую цитадель. У меня нет никаких точных сведений, но вполне

возможно, кто-нибудь попытается прибегнуть к дипломатии кинжала во время празднеств. Особенно с тех пор, как Фиделиас покинул нас. — На лицо Первого консула набежала тень, когда он произнес эти слова, и Майлс поморщился от сочувствия. — Он знает почти все проходы в цитадель и во дворец.

Майлс посмотрел ему в глаза и кивнул:

— Я позабочусь об этом, принцепс.

Гай опустил руку. Майлс посчитал его жест за разрешение уйти и направился к двери. Но остановился на пороге и оглянулся через плечо:

— Отдохните. И подумайте о том, что я сказал вам о прямом наследнике, Секстус, прошу вас. Это решило бы многие ваши проблемы.

— Я об этом думаю, больше я тебе ничего не могу сказать.

Майлс низко поклонился, повернулся и открыл дверь. В комнату тут же ворвался громкий, раскатистый звук, и Майлс заметил:

— Ваш паж очень громко храпит.

— Не будь к нему слишком строг, — сказал Гай. — Его рас-
тили, чтобы он стал пастухом.

Глава 1

Тави выглянул из-за угла общежития для мальчиков, расположенного в центральном дворе Академии, и сказал юноше, стоявшему рядом с ним:

– У тебя опять такое же выражение лица.

Эрен Патронус Вилиус, молодой человек всего пяти футов роста, тощий, бледный, темноглазый, принялся теревить край своей развевающейся академической мантии серого цвета.

– Какое выражение?

Тави отступил назад и тоже принялся теревить свою форму. Казалось, что, как бы часто портниха ни перешивала его форму, тело Тави опережало ее на пару шагов. Форма плотно обтягивала его плечи и грудь, а рукава не доходили до запястий.

– Знаешь, Эрен, такое выражение появляется на твоем лице всякий раз, когда ты собираешься дать кому-то совет.

– На самом деле такое выражение лица появляется у меня, когда я собираюсь дать совет, хотя точно знаю, что его проигнорируют. – Эрен тоже выглянул из-за угла и добавил: – Тави, они там все собрались. Лучше нам уйти. К столовой другой дороги нет, и они нас обязательно увидят.

– Там не все, – настаивал на своем Тави. – Близнецов нет.

– Нет. Только Бренсис, Ренцо и Вариен. И любой из них

без труда спустит с нас обоих шкуру.

– Мы можем оказаться сильнее, чем они думают, – возразил Тави.

Его товарищ вздохнул:

– Тави, это всего лишь вопрос времени, они обязательно кого-нибудь из нас обидят. Возможно, очень сильно.

– Они не посмеют, – сказал Тави.

– Они – граждане, Тави. А мы с тобой – нет. Все очень просто.

– Все совсем не так просто.

– Ты что, не слушаешь уроков истории? – поинтересовался Эрен. – Конечно, все именно так просто. Они скажут, что произошел несчастный случай и они ужасно сожалеют. Это если дело вообще дойдет до суда. Магистрат заставит их заплатить штраф твоим родным. А ты тем временем лишишься глаз или ног.

Тави сжал зубы и собрался выйти из-за угла:

– Я не желаю пропускать завтрак. Я просидел в цитадели всю ночь, Гай дюжину раз заставил меня бегать по этой проклятой лестнице, и если я не поем, то сойду с ума.

Эрен схватил его за руку. Шнурок на его форме с тремя бусинами – белой, голубой и зеленой – заскользил по тощей груди. Три бусины означали, что преподаватели Академии пришли к выводу, что Эрен практически не обладает даром заклинателя фурий.

Разумеется, у него было на три бусины больше, чем у Та-

ви.

Эрен встретился глазами с Тави и тихо сказал:

– Если ты пойдешь туда один, это будет настоящим безумием. Прошу тебя, давай подождем еще немного.

Именно в этот момент прозвучал третий колокол, три долгих глухих удара. Тави поморщился, глядя на колокольную:

– Последний колокол. Если мы не пойдем сейчас, у нас не останется времени, чтобы поесть. Нужно правильно рассчитать, и тогда нам удастся пройти мимо них, когда кто-нибудь будет выходить из столовой. Может, они нас не заметят.

– Я не понимаю, куда подевался Макс, – сказал Эрен.

Тави снова огляделся по сторонам:

– Понятия не имею. Я ушел во дворец перед комендантским часом, а утром обратил внимание на то, что он не ложился спать.

– Значит, снова болтался где-то всю ночь, – пробормотал Эрен. – Не знаю, как он собирается сдавать экзамены, если будет продолжать в том же духе. Даже я не смогу ему помочь.

– Ты же знаешь Макса, – заметил Тави. – Он не думает о будущем. – Желудок Тави сжался от голода и принялся бурно протестовать. – Так, всё, – сказал он. – Пора. Ты идешь со мной или нет?

Эрен закусил губу и покачал головой:

– Я не настолько хочу есть. Увидимся на занятиях?

Тави почувствовал разочарование, но все же похлопал Эрена по руке. Он понимал его нежелание ввязываться в

драку. Эрен вырос в тихом доме своих родителей, среди книг и таблиц, и его выдающиеся способности к математике и острая память намного перевешивали отсутствие у него сильных способностей к заклинанию фурий. До Академии Эрону не приходилось сталкиваться с холодной, мелочной жесткостью, с которой сильные молодые заклинатели, имевшие собственных фурий, обращались с теми, кого считали ниже себя.

Тави же, в отличие от него, приходилось сталкиваться с этой проблемой всю свою жизнь.

– Увидимся на занятиях, – сказал он Эрону.

Тот принялся теревить шнур на форме перепачканными в чернилах пальцами:

– Уверен?

– Не волнуйся. Со мной все будет хорошо.

С этими словами Тави завернул за угол и зашагал через двор в сторону столовой.

Через пару секунд он услышал торопливые шаги у себя за спиной, и вскоре его догнал запыхавшийся Эрен, на лице которого застыло испуганное и одновременно решительное выражение.

– Мне следует больше есть, – заявил он. – Тогда я вырасту.

Тави ухмыльнулся, и они пошли дальше вместе.

Весеннее солнце, более теплое, чем горный воздух вокруг столицы Алеры, заливало двор Академии, который представлял собой роскошный сад с дорожками, выложенными

гладким белым камнем. Ранние цветы на фоне зеленой травы радовали глаз после зимних холодов, их яркие красные и синие головки расцветчивали двор. Студенты в серой форме, устроившиеся на скамейках, разговаривали, читали, ели завтраки. Птицы резвились в лучах солнца, сидели на скалах крыш, словно диковинные украшения, потом бросались вниз, увидев какое-нибудь насекомое, выбравшееся из своего укрытия, или чтобы полакомиться крошками, просыпанными не слишком аккуратными студентами.

Мирная, простая картина, необыкновенно красивая, несмотря на все, что происходило за пределами могущественной столицы Алеры.

Тави ненавидел это.

Бренсис Калар и его дружки стояли на своем обычном месте у фонтана, у самого входа в столовую. Тави хватило одного взгляда, чтобы у него испортилось настроение. Бренсис был высоким красивым юношей с узким лицом и царственной осанкой. Длинные волосы – по последней моде, принятой в южных городах, а особенно в его родном Каларе, – ниспадали роскошными локонами на плечи. Форма из великолепной ткани была сшита лично для него и украшена нитями из чистого золота. Шнур сверкал бусинами из полудрагоценных камней – Бренсис не опускался до бусин из простого стекла, – по одной на каждую область магии: красная, голубая, зеленая, коричневая, белая и серебряная.

Когда Тави и Эрен подошли к фонтану, группа студен-

тов из Парсии, золотисто-коричневая кожа которых блестела в лучах утреннего солнца, оказалась между ними и бандой головорезов. Тави пошел быстрее. Им нужно было остаться незамеченными еще несколько шагов.

Им не повезло. Бренсис встал со скамейки, стоявшей у фонтана, и его губы искривились в широкой радостной ухмылке.

– Так-так, – сказал он. – Маленький писец и его приятель-урод вышли прогуляться. Не уверен, что уroda пустят в столовую, если ты не наденешь на него ошейник с поводком, писаришка.

Тави даже не посмотрел в сторону Бренсиса, продолжая идти вперед и не замедляя шага. Существовала вероятность того, что, если он притворится, будто не видит Бренсиса, тот оставит его в покое.

Однако Эрен остановился и хмуро посмотрел на Бренсиса. Облизнув губы, он заявил ледяным тоном:

– Он не урод.

Ухмылка Бренсиса стала еще шире, и он подошел поближе:

– Конечно урод, писаришка. Любимая обезьянка Первого консула. Она его повеселила своими трюками, и теперь Гай желает продемонстрировать его всем, точно дрессированное животное.

– Эрен, пойдем, – позвал приятеля Тави.

Неожиданно глаза Эрена заблестели, а нижняя губа нача-

ла дрожать. Но он поднял подбородок и не отвел от Бренсиса взгляда.

– О-он не урод, – повторил мальчик.

– Значит, по-твоему, получается, что я вру? – спросил Бренсис, его улыбка стала злобной, и он принялся сжимать и разжимать кулаки.

Тави сжал зубы, пытаясь успокоиться. Его возмущало, что идиоты вроде Бренсиса с такой легкостью и безнаказанностью демонстрируют всем свою силу, в то время как приличные люди, такие как Эрен, постоянно страдают от их выходок. Судя по всему, Бренсис не собирался пропускать их в столовую.

Тави посмотрел на Эрена и покачал головой. Мальчик никогда бы здесь не оказался, если бы не решил последовать за ним. И Тави чувствовал свою ответственность за то, что с ним могло произойти. Он повернулся к Бренсису и сказал:

– Бренсис, пожалуйста, оставь нас в покое. Мы всего лишь хотим позавтракать.

Бренсис приложил руку к уху, и на его лице появилось притворное удивление.

– Вы что-нибудь слышали, ребята? Вариен, ты слышал?

Один из прихвостней Бренсиса, стоявший у него за спиной, встал и двинулся в их сторону. Вариен был среднего роста, приземистый и плотный. Его форма была сшита не из такой великолепной ткани, как у Бренсиса, но все равно более дорогой, чем форма Тави. Из-за лишнего жира лицо

Вариена казалось слишком злым и испорченным, а тонкие, словно у ребенка, светлые волосы, в отличие от волос Бренсиса, свисали безжизненными прядями. Шнур на его форме украшали несколько бусин белого и зеленого цвета, которые каким-то непостижимым образом отвратительно сочетались с его мутными глазами цвета грязи.

– Кажется, я слышал, как пищала крыса.

– Может, и крыса, – с серьезным видом заявил Бренсис. – Ну хорошо, писаришка, что ты предпочитаешь – землю или воду?

Эрен с трудом сглотнул и сделал шаг назад:

– Послушайте, мне проблемы ни к чему.

Бренсис прищурился и принялся на него наступать. Схватив его за форму, он повторил:

– Земля или вода, ты, жалкий поросенок?

– Земля, сударь, – вмешался Вариен, и в его глазах загорелись злобные искры. – Закопай его по самую шею в землю, и пусть его умные мозги немного прожарятся на солнышке.

– Отпусти меня! – крикнул Эрен, и в его голосе прозвучали панические нотки.

– Значит, земля, – заявил Бренсис, указал рукой вниз, и земля у него под ногами зашевелилась, задрожала, ожила.

Несколько мгновений ничего не происходило, затем земля зашевелилась сильнее, стала мягче, появился пузырь, рожденный смешением магии воды и земли, раздался влажный булькающий звук.

Тави огляделся по сторонам в надежде на помощь, но вокруг никого не оказалось. Мимо не проходил ни один наставник, а никто из других студентов, за исключением Макса, не решался выступить против Бренсиса, когда тот развлекался за чужой счет.

– Подожди! – выкрикнул Эрен. – Прошу тебя, у меня нет других ботинок!

– В таком случае, – заявил Бренсис, – твоей семейке придется еще одно поколение копить деньги, чтобы прислать кого-нибудь сюда на обучение.

Тави понял, что должен отвлечь внимание Бренсиса от Эрена, но не смог придумать ничего лучше, как наклониться, взять горсть земли и швырнуть тому в глаза.

Молодой каларанин удивленно вскрикнул, когда земля попала ему в лицо. Бренсис стер ее и с изумлением уставился на свои грязные пальцы. Студенты, наблюдавшие за этой сценкой, тихонько захихикали, но, когда Бренсис повернулся к ним, опустили глаза и спрятали ухмылки, закрыв лицо руками. Бренсис окинул Тави хмурым взглядом, и в его глазах загорелась лютая злоба.

– Идем, Эрен, – позвал Тави и толкнул мальчика себе за спину, в сторону столовой.

Эрен споткнулся, но в следующее мгновение бросился к двери. Тави собрался последовать за ним, стараясь не поворачиваться к Бренсису спиной.

– Ты, – прорычал Бренсис, – как ты посмел?

– Успокойся, Бренсис, – сказал Тави. – Эрен не сделал тебе ничего плохого.

– Тави, – прошипел Эрен, и Тави услышал в его тоне предупреждение.

Тави почувствовал, что у него за спиной кто-то стоит, и отскочил в сторону, успев увернуться от кулака второго дружка Бренсиса, Ренцо.

Ренцо был огромным. Везде. Вверху, внизу, посередине. Словно его строили, как сарай или склад – большой, просторный и без прикрас. У него были темные волосы и намек на бороду, крошечные глазки терялись на квадратном лице. Форма Ренцо из самой обычной ткани была такого размера, что на нее пошло вдвое больше материала. Шнур на ней украшали только коричневые бусины, зато в огромном количестве. Он сделал еще шаг в сторону Тави и выбросил вперед громадный кулак.

Тави удалось увернуться и от этого удара, и он крикнул: – Эрен, найди мастера Галлуса!

Эрен вскрикнул, и Тави, обернувшись через плечо, увидел, что Вариен схватил мальчика за плечи и больно их сжал.

Тави отвлекся на них и не сумел избежать следующего выпада Ренцо, который схватил его и бесцеремонно швырнул в фонтан.

Тави плюхнулся в воду и задохнулся от холода. Пару мгновений он размахивал руками, пытаясь определить, где верх, а где низ, и вскоре, отплеываясь, сел на дно – вода в фон-

тане не достигала и двух футов.

Бренсис стоял около фонтана, и земля сыпалась с его щеки, пачкая роскошную форму. На красивом лице появилось сердитое выражение, он поднял руку и лениво пошевелил кистью.

Вода вокруг Тави заволновалась, словно по собственной воле. Пар и обжигающий жар поднимались над ее поверхностью, и Тави задохнулся, потом поднял одну руку, чтобы защитить глаза, а другой оперся о дно. Пар и жар исчезли так же внезапно, как и возникли.

Неожиданно Тави понял, что не может пошевелиться. Он огляделся по сторонам и увидел, что облако пара рассеялось, а вода в фонтане превратилась в крепкий лед. Тут же его тело сковал жуткий холод, и он попытался сделать вдох.

– К-как, – пробормотал он, глядя на Бренсиса, – как ты это сделал?

– Использовал заклинание фурий, урод, – ответил Бренсис. – Разве ты не знал, что фурии огня нужны для того, чтобы создавать жар? А я только что убрал из воды все тепло, которое в ней было. Разумеется, это новый продвинутый метод. Впрочем, я не надеюсь, что ты поймешь, как он работает.

Тави оглядел двор. Вариен продолжал крепко держать Эрена, и тот делал короткие, мучительные вдохи. Большинство студентов, наблюдавших за происходящим, ушли. Из полудюжины оставшихся никто не смотрел на фонтан, всех

вдруг страшно заинтересовали их книги, завтраки и устройство крыш зданий на территории кампуса.

Зубы холода превратились в острые клыки. В руках и ногах пульсировала мучительная боль, Тави было тяжело дышать. Сердце отчаянно колотилось, ему стало страшно.

– Бренсис, – начал Тави, – не делай этого. Мастер...

– Им на тебя плевать, урод. – Бренсис спокойно разглядывал Тави. – Я старший сын консула Алеры. Ты – никто. И ничто. Неужели ты до сих пор этого не понял?

Тави знал, что Бренсис пытается его оскорбить и разозлить и сознательно выбрал именно такие слова. Он понимал, что тот им манипулирует, но это не имело значения, его слова причинили ему боль. Большую часть своей жизни Тави мечтал о том, как он уедет из дома тети и дяди, отправится в Академию и, несмотря на полное отсутствие способностей к заклинанию фурий, сумеет сделать карьеру.

Ему было так холодно, что слова давались с трудом, но он все равно сказал:

– Бренсис, мы оба получим взыскание за это, если нас увидит кто-нибудь из наставников. Выпусти меня. Извини, что я бросил в тебя землю.

– Извинить тебя? Можно подумать, мне до этого есть дело, – заявил Бренсис. – Ренцо.

Ренцо размахнулся и ударил Тави по лицу. Его пронзила острая боль, он почувствовал, что Ренцо разбил ему губы, во рту появился привкус крови. Гнев победил страх, и он

крикнул:

– Вóроны тебя забери, Бренсис! Оставь нас в покое!

– У него еще остались зубы, Ренцо, – заметил Бренсис.

Ренцо молча ударил Тави, на этот раз еще сильнее. Тави попытался отвернуть голову, чтобы избежать кулака, но лед держал его крепко, и у него ничего не получилось. От боли на глаза навернулись слезы, которые он в отчаянии старался сдерживать.

– Отпусти его! – задыхаясь, выкрикнул Эрен, но никто не обратил на него внимания.

У Тави отчаянно болели руки и ноги, и он почувствовал, что у него онемели губы. Он попытался позвать на помощь, но лишь что-то пролепетал, и никто не пришел к нему на выручку.

– Ладно, урод, – заявил Бренсис, – ты хотел, чтобы я оставил тебя в покое. Думаю, я так и поступлю. Я навещу тебя после ужина, посмотрим, что ты мне тогда скажешь.

Тави поднял голову и увидел надежду на спасение, но ему нужно было отвлечь внимание Бренсиса. Он уставился на него и что-то тихонько прорычал.

Бренсис склонил голову набок и сделал шаг вперед:

– Что ты сказал?

– Я сказал, – прохрипел Тави, – что ты жалок. Ты испорченный маменькин сынок, который боится тех, кто сильнее. Ты вяжешься к таким, как мы с Эреном, ибо ты слабак. Ты ничтожество.

Бренсис прищурился и наклонился вперед:

– Знаешь что, урод, мне нет никакой необходимости оставлять тебя в покое.

Он положил одну руку на лед, и тот сразу же начал с глухим стоном ломаться и сдвигаться с места.

Тави почувствовал острую боль в плече, сильнее прежней.

– Если хочешь, – продолжал Бренсис, – я могу с тобой остаться.

– Бренсис! – завопил Вариен.

Тави вытянулся вперед и сказал:

– Валяй, маменькин сынок. Давай, сделай это. Чего ты боишься?

В глазах Бренсиса вспыхнула ярость, и лед еще немного сдвинулся.

– Ты сам напросился, дрянь.

Тави сжал зубы, чтобы не закричать от боли.

– Доброе утро! – раздался громкий веселый голос.

Крупный мускулистый парень с короткой легионерской стрижкой остановился за спиной Бренсиса и схватил его за ворот куртки и длинные волосы. Недолго думая, он впечатал его голову в лед, с силой ударив его лбом о твердую поверхность рядом с Тави. Затем юноша так же легко поднял Бренсиса и отшвырнул от фонтана; молодой патриций, словно безвольная марионетка, растянулся на траве.

– Макс! – крикнул Эрен.

Ренцо размахнулся, собираясь ударить Макса по шее, но

тот поднырнул под его руку и ударил его в живот. Ренцо выдохнул и покачнулся, а Макс схватил его за руку и отбросил к Бренсису, рядом с которым тот и улегся на землю.

Макс посмотрел на Вариена и прищурился.

Вариен побледнел, выпустил Эрена и, выставив перед собой руки, начал медленно пятиться назад. Они с Ренцо поставили оглушенного Бренсиса на ноги, и все трое ретировались с поля боя. Когда они отправились восвояси, собравшиеся студенты принялись возбужденно перешептываться.

– Фурии, Кальдерон! – крикнул Макс достаточно громко, чтобы его слышали все, кто не был глухим. – Я такой неуклюжий сегодня утром. Посмотрите, что случилось! Я нечаянно налетел на эту парочку.

Затем, не говоря больше ни слова, он подошел к фонтану, изучая положение, в котором оказался Тави. Макс кивнул, сделал глубокий вдох и сосредоточенно прищурился. Затем он размахнулся и ударил кулаком в лед рядом с Тави. По всей поверхности побежала паутина трещин, и осколки ужалили Тави в немеющее тело. Макс нанес еще несколько ударов кулаком, и его усиленная фурией рука смогла разбить лед, державший Тави. Через полминуты Тави почувствовал, что лед расступился, и Эрен с Максом вытащили его из фонтана на землю.

Тави лежал пару мгновений, пытаясь отдышаться. У него продолжали стучать зубы, холод сковал конечности, говорить он не мог.

– Проклятье, – лениво выругался Макс и принялся растирать руки и ноги Тави. – Ты чуть не замерз насмерть.

Тави почувствовал, что уже может пошевелить руками и ногами, когда огненные иголки боли начали вонзаться ему в тело. Как только он смог говорить, он с трудом выдавил из себя:

– Макс, остановись, забудь про это. Отведи меня в столовую, на завтрак.

– Завтрак? – удивленно переспросил Макс. – Ты шутишь, Кальдерон?

– Даже если после этого я умру, я хочу нормально поесть.

– Ну, в таком случае с тобой все будет в порядке, – заметил Макс и начал поднимать Тави с земли. – Кстати, спасибо, что отвлек его, чтобы я смог ему как следует врезать. А что случилось?

– Б-Бренсис, – выдавил из себя Тави. – Снова.

Эрен с мрачным видом кивнул:

– Он опять собрался закопать меня в землю по самую шею, а Тави швырнул ему в лицо пригоршню земли.

– Ха! – вскричал Макс. – Жаль, я этого не видел.

Эрен прикусил губу, затем, прищурившись, посмотрел на Макса и сказал:

– Если бы ты не болтался где-то всю ночь, может, ты бы и увидел.

Старший студент покраснел. Тави подумал, что Антиллара Максимуса нельзя назвать красивым ни по каким стан-

дартам, черты его лица были четкими, грубоватыми и сильными. Серые волчьи глаза и соединение могучего телосложения с кошачьей грацией выдавали в нем представителя одного из северных патрициев. Хотя он старательно брился каждый день, похоже, сегодня он не успел этого сделать, и темная щетина придавала его чертам некоторую бесшабашность, что прекрасно сочеталось с дважды сломанным носом. Форма Макса из простого материала, мятая и не слишком чистая, плотно обтягивала грудь и плечи. Шнур, завязанный узлами в тех местах, где он порвался, украшало огромное количество разноцветных бусин.

– Мне очень жаль, – пробормотал Макс, помогая Тави, который, спотыкаясь, направился в сторону столовой. – Так получилось. Есть некоторые вещи, которые мужчина не должен пропускать.

– Антилар, – промурлыкал женский голосок, низкий и гортанный, с аттиканским акцентом.

Тави открыл глаза и увидел потрясающую девушку, чьи темные волосы были заплетены в длинную косу, переброшенную через левое плечо. Она была невероятно красива, а в темных глазах плескалась чувственность, которая уже давно покорила всех молодых людей Академии. Ее студенческая форма не скрывала роскошной груди, а южный шелк, из которого она была сшита, облегал пышные бедра, когда девушка шла по двору.

Макс повернулся к ней и галантно поклонился:

– Доброе утро, Селина.

Селина улыбнулась, в ее глазах появилось ленивое обещание, она позволила Максу взять и поцеловать ее руку. Не убирая руки, она вздохнула:

– О Антиллар, я знаю, тебе нравится избивать до потери сознания моего жениха, но ты настолько... больше его. Мне кажется, это нечестно.

– Жизнь вообще штука несправедливая, – произнес другой женский голос.

Вторая красавица, как две капли воды похожая на Селину, если не считать того, что ее коса была переброшена через правое плечо, подошла к ним. Она положила руку Максу на плечо с другой стороны и добавила:

– Моя сестра бывает такой романтичной.

– Госпожа Селеста, – пробормотал Макс, – я всего лишь пытался преподать Бренсису урок хороших манер. Ему это только на пользу.

Селеста наградила Макса суровым взглядом и заявила:

– Ты такой грубый и злой.

Макс убрал руку за спину и отвесил девушкам низкий поклон.

– Селеста, – сказал он, – Селина. Надеюсь, вы хорошо спали ночью? Вы почти опоздали на завтрак.

Девушки улыбнулись одинаковыми улыбками.

– Чудовище, – сказала Селина.

– Невежа, – добавила ее сестра.

– Дамы. – Макс отвесил им еще один поклон и долго смотрел вслед, стоя рядом с Эреном и Тави.

– Меня т-тошнит от тебя, Макс, – сказал Тави.

Эрен оглянулся через плечо на близнецов, посмотрел на Макса, и на его лице появилось озадаченное выражение. Потом он заморгал и сказал:

– Так вот где ты провел всю ночь? С обеими?

– Они ведь и правда живут в одной комнате. Вряд ли было бы вежливо приласкать одну и оставить другую страдать от тоски и одиночества, – благочестивым тоном ответил Макс. – Я сделал всего лишь то, что сделал бы любой настоящий, хорошо воспитанный мужчина.

Тави оглянулся через плечо и не смог оторвать глаз от медленного покачивания округлых бедер обеих сестер.

– Тошнит, Макс. Меня от тебя тошнит.

– Ну и ладно, – рассмеялся Макс.

Они втроем вошли в столовую и успели получить последние порции еды, приготовленной на это утро, но в тот момент, когда друзья нашли место за одним из круглых столов, они услышали топот бегущих ног. Девочка – не старше Тави, невысокая, плотная, с самой обычной внешностью – остановилась около их стола, и ее зеленые и голубые бусины сверкнули в лучах солнца на фоне серого платья. Тонкие мышинного цвета волосы, выбившиеся из косы, ореолом окружили голову.

– Некогда, – задыхаясь, сказала она. – Идите за мной.

Тави поднял голову от тарелки, на которой лежали куски ветчины и свежий хлеб, и хмуро посмотрел на девочку.

– Ты даже представить себе не можешь, через что мне пришлось пройти, чтобы получить это, Гаэль, – сказал он. – Я ни на дюйм не сдвинулся, пока моя тарелка не опустеет.

Гаэль Патронус Сабинус быстро огляделась по сторонам, наклонилась к столу и прошептала:

– Мастер Киллиан говорит, что наше экзаменационное испытание начинается прямо сейчас.

– Сейчас? – заикаясь, спросил Эрен.

Макс бросил тоскливый взгляд на свою полную тарелку и спросил:

– До завтрака?

Тави вздохнул и отодвинул стул от стола.

– Проклятые вóроны и кровавая пададь! – Он встал и поморщился, почувствовав, как пульсирует боль в ногах и руках. – Ладно, ребята. Пошли.

Глава 2

Тави первым вошел в кабинет наставника – одноэтажное здание из серого камня площадью примерно в двадцать квадратных ярдов. Оно располагалось в западном внутреннем дворе Академии, который больше ни для чего не использовался. В здании не было окон. Мох вел безмолвную войну с ползучими растениями, постепенно захватывая крышу и стены. Оно почти ничем не отличалось от складского помещения, разве что табличка на двери скромно сообщала:

МАСТЕР КИЛЛИАН – СОЗДАНИЕ ЛЕЧЕБНЫХ
ФУРИЙ

Несколько выдавших виды, но достаточно мягких скамеек стояли вокруг подиума перед большой доской.

Трое друзей вошли следом за Тави, Макс замыкал шествие. Он закрыл дверь и оглядел кабинет.

– Все готовы? – спросил Макс.

Тави промолчал, Эрен и Гаэль дружно ответили, что они готовы. Макс приложил руку к двери и на мгновение закрыл глаза.

– Хорошо, – доложил он. – Все чисто.

Тави уверенно прижал ладонь к определенному месту на доске, и тут же появилась прямая и ровная трещина. Он надавил на доску плечом и с усилием открыл потайную дверь.

На него налетел порыв холодного воздуха, и он посмотрел вниз, на узкую каменную лестницу, которая, извиваясь, уходила в глубины земли.

Гаэль передала ему лампу, и все остальные тоже взяли себе по лампе. Затем Тави начал спускаться вниз, а его друзья последовали за ним.

– Я вам говорил, что нашел путь к берегу реки через подземелья? – пробормотал Макс.

Тави фыркнул, звук отразился от каменных стен и превратился в шипение.

– Прямо к кабакам. Да?

– По этой дороге легче из них выбираться, – сказал Макс. – Иначе приходится приложить столько сил, что игра почти не стоит свеч.

– Не шути про такие вещи, Макс, – сказала Гаэль, ее голос прозвучал приглушенно. – Подземелья тянутся на многие мили, и только великим фуриям известно, на что ты можешь там наткнуться. Тебе следует ходить по дорогам, проложенным для нас.

Тави добрался до конца лестницы и повернул налево, в широкий коридор. Он начал считать открытые двери, расположенные по правую руку.

– Все совсем не так плохо. Я тоже немного там побродил.

– Тави, – с отчаянием в голосе сказал Эрен, – именно поэтому мастер Киллиан так загружает тебя работой. Чтобы ты не вляпался в какие-нибудь неприятности.

– А я веду себя осторожно, – улыбнувшись, ответил Тави.

Они повернули и оказались в другом коридоре, который слегка уходил вниз.

– А вдруг ты совершишь ошибку? – спросил Эрен. – Что, если свалишься в какую-нибудь расщелину? Или в старую шахту, заполненную водой? Или наткнешься на фурию, которая решила порезвиться?

– Опасности и без того подстерегают нас на каждом шагу, – пожав плечами, заявил Тави.

Гаэль подняла одну бровь и сказала:

– Однако никто не слышал о том, чтобы какой-нибудь болван утонул, умер от голода или разбился насмерть в библиотеке или в пекарне.

Тави наградил ее мрачным взглядом, когда они добрались до конца уходящего вниз коридора, где его пересекал другой коридор. Он успел заметить что-то краем глаза и, повернувшись направо, постарался взглянуть в темноту.

– Тави? – спросил Макс. – В чем дело?

– Не знаю, – ответил Тави. – Мне показалось, я видел там свет.

Гаэль уже шагнула в левый коридор, идущий в противоположном направлении, и Эрен последовал за ней.

– Идем, – позвала она. – Ты же знаешь, как он не любит ждать.

– А он знает, как мы не любим пропускать завтрак, – пробормотал Макс.

Тави мимолетно ему улыбнулся. Коридор вел к двум прожавевшим железным дверям. Тави толкнул их, и студенты вошли в классную комнату.

Она была огромной, гораздо больше столовой Академии, потолок терялся где-то в тени вверху. Двойной ряд серых каменных колонн поддерживал крышу, а заговоренные лампы, установленные на них, озаряли комнату резким зеленовато-белым светом. В дальнем ее конце часть пола была застелена несколькими слоями тростниковых циновок, образующими большой квадрат. Рядом стояла бронзовая жаровня, и ее ярко-красные угли являлись здесь единственным источником тепла. По одну сторону ряда колонн на полу была размечена вытянутая в длину площадка для обучения владению оружием. Противоположный угол занимали мотки веревок, деревянные шесты, бревна и сооружения разнообразной высоты – полоса препятствий.

Мастер Киллиан сидел на коленях возле жаровни. Это был морщинистый старик с тонкими седыми волосами, окружавшими голову белым ореолом. Худой, невысокий и обманчиво хрупкий, он был в таком потрепанном и старом одеянии, что его черный цвет давно превратился в серый. На ногах несколько пар шерстяных носков, на полу рядом трость. Когда ученики подошли ближе, Киллиан поднял голову, и его слепые, затянутые пленкой глаза повернулись к ним.

– А быстрее не могли? – спросил он раздраженным скри-

пучим голосом. – В мое время провинившегося ученика курсора за то, что он не умеет быстро передвигаться, сначала выпороли бы, а потом положили в соляную постель.

Четверка медленно подошла к тростниковым циновкам и уселась в ряд лицом к старику.

– Извините, мастер, – сказал Тави. – Это моя вина. Снова Бренсис.

Киллиан ощупью нашел свою трость и поднялся на ноги.

– Никаких оправданий. Тебе придется найти способ не привлекать его внимания.

– Но, мастер, – запротестовал Тави, – я всего лишь хотел позавтракать.

Киллиан тихонько ткнул Тави тростью в грудь:

– Тебе не повредило бы поголодать до ужина. Очень помогает укрепить самодисциплину. А еще лучше, мог бы проявить сообразительность и оставить что-нибудь со вчерашнего ужина, чтобы поесть утром.

– Да, мастер, – поморщившись, сказал Тави.

– Вас видели, когда вы сюда входили?

– Нет, мастер, – дружно ответили все четверо.

– В таком случае, – сказал Киллиан, – если вы не возражаете, не пора ли нам приступить к экзамену? Ты первый, Тави.

Все встали, Киллиан поковылял к матам, и Тави последовал за ним. Он тут же почувствовал, как сгустился вокруг него воздух, когда старый наставник призвал фурий ветра, чтобы они помогли ему чувствовать и улавливать движения

его противника. Киллиан повернулся к Тави и, кивнув, сказал:

– Защищайся и атакуй.

С этими словами старик замахнулся своей тростью, собираясь нанести Тави удар в голову. Тот едва успел увернуться и в самый последний момент заметил, как его наставник поднял ногу в шерстяных носках, нацелившись ему в колено. Тави отскочил в сторону и, воспользовавшись инерцией, приготовился сделать ответный выпад в живот Киллиана.

Старый мастер отбросил трость, схватил Тави за лодыжку, легонько дернул, и Тави рухнул на циновку. Он так сильно ударился, что даже задохнулся, и лежал, хватая воздух ртом.

– Нет, нет, нет! – принялся ругать его Киллиан. – Сколько раз тебе нужно говорить? Одновременно с ногами необходимо двигать и головой, идиот. Не стоит рассчитывать, будто ненаправленная атака принесет тебе успех. Ты должен повернуть лицо, чтобы видеть цель. – Он поднял свою трость и стукнул Тави по голове. – Кроме того, время выбрано не идеально. Если когда-нибудь тебе поручат выполнение миссии и на тебя нападут враги, а ты будешь так сражаться, можешь сразу подготовиться к смерти.

Тави потер голову и поморщился. Старику совсем не нужно было так сильно его бить.

– Да, мастер.

– Иди и сядь, мальчик. Сюда, Антилар. Давай посмотрим, сможешь ли ты справиться лучше.

Макс встал на циновку и проделал то же самое упражнение с Киллианом. Он выполнил его безупречно, серые глаза сверкнули, когда он повернул голову, чтобы лучше видеть противника. Потом пришла очередь Гаэли и Эрена, и оба сражались лучше Тави.

– Ну, кое-как, – сердито заявил Киллиан. – Эрен, принеси шесты.

Эрен взял пару шестифутовых шестов из стойки у стены и принес их мастеру. Киллиан отложил свою трость в сторону и взял шесты.

– Так, Тави. Посмотрим, удалось ли тебе хоть чему-нибудь научиться.

Тави взял у мастера шест, они отсалютовали друг другу, вертикально подняв шесты, затем оба заняли боевую стойку.

– Защищайся! – рывкнул Киллиан и провел серию движений шестом.

Он вращал им, размахивал и делал резкие выпады, целясь в живот Тави. Тот отступил, блокируя и отбивая удары. Затем Тави пошел в контратаку, но он был сильно напряжен, что замедляло его реакцию.

Киллиан тут же отбил выпад Тави, нанес ему сильный удар по пальцам и неуловимым движением послал шест Тави к одному из каменных столбов, где тот с громким стуком упал на пол.

Киллиан с силой ударил концом своего шеста в пол, и на его лице появилось недовольное выражение.

– Сколько раз я тебе говорил, мальчик? Твое тело должно быть расслаблено до того момента, пока ты не нанесешь удар. Напряжение замедляет реакцию. В сражении жизнь и смерть иногда висят на волоске друг от друга.

Тави сжал в кулак руку, по которой Киллиан его ударил, и с трудом выговорил:

– Да, мастер.

Киллиан кивком показал на шест, лежавший у столба, и Тави отправился его поднимать. Старик покачал головой:

– Гаэль, попробуй показать Тави, что я имел в виду.

Остальные выполнили упражнение, все справились лучше Тави. Даже Эрен.

Киллиан передал шесты Тави и взял свою палку:

– На площадку, дети.

Они отправились за ним на тренировочную площадку. Киллиан вышел на середину и стукнул по полу своей тростью:

– И снова Тави. Чего уж откладывать?

Тави вздохнул и встал перед Киллианом. Мастер поднял трость так, словно это был меч.

– Я вооружен клинком, – сказал он. – Разоружи меня, не выходя за пределы площадки.

Конец трости метнулся к горлу Тави, тот легко отбил атаку одной рукой и отступил. Старик последовал за ним, нацелившись в голову Тави. Мальчик увернулся, откатился назад, чтобы избежать горизонтального удара, и, вскочив на ноги,

отразил новую атаку. Затем он начал наступать, собираясь схватить старика за запястья.

Но атака была слишком осторожной. В мгновение ока мастер увернулся, замахнулся слева, затем справа, и Тави вдруг почувствовал острую боль, расчертившую его грудь в форме буквы «Х». Старик нанес ему удар основанием ладони, заставив отступить, затем уверенно ткнул в него концом трости, причем с такой силой, что Тави растянулся на полу.

– Что с тобой происходит? – сердито спросил Киллиан. – Даже овца действовала бы решительнее. Как только ты собрался приблизиться к врагу, отступать и думать нельзя. Атакуй с максимальной скоростью и силой. Или умри. Все очень просто, и другого не дано.

Тави кивнул, не глядя на своих товарищей, и очень тихо ответил:

– Да, мастер.

– Хорошая новость, Тави, – ледяным тоном заявил Киллиан, – заключается в том, что тебе можно не беспокоиться о собственных внутренностях, вывалившихся на колени. Фонтан крови из твоего сердца убьет тебя гораздо быстрее.

Тави, морщась, поднялся на ноги.

– Плохая новость, – продолжал Киллиан, – состоит в том, что я не вижу возможности назвать твое выступление хотя бы отдаленно приемлемым. Ты провалил экзамен.

Тави ничего не сказал. Он подошел к одному из столбов и принялся тереть грудь.

Киллиан снова ударил тростью в пол:

– Эрен. Надеюсь, ради всех великих фурий, что у тебя больше решительности, чем у него.

Экзамен закончился, когда Гаэль аккуратно отбросила в сторону руку мастера и его трость отлетела в сторону. Тави наблюдал за тем, как трое его товарищей добились успеха там, где он потерпел поражение. Он потерял глаза и попытался не обращать внимания на то, что ему безумно хочется спать. В животе у него урчало, то и дело все внутри сжималось от голодных болей, когда он вместе с остальными учениками опустил на колени перед наставником.

– Очень слабо, – заявил Киллиан, когда Гаэль закончила. – Вам всем нужно больше времени проводить на тренировках. Одно дело – показать хороший результат на экзамене в зале, и совсем другое – настоящий бой. Я надеюсь, вы будете готовы к тесту на проникновение в тыл противника, который состоится в конце Зимнего фестиваля.

– Да, мастер, – ответили они более-менее одновременно.

– Ладно, – сказал Киллиан. – Прочь с моих глаз, щенки. Вы еще вполне можете стать курсорами. – Он замолчал и наградил Тави мрачным взглядом. – По крайней мере, большинство из вас. Сегодня утром я договорился на кухне, чтобы там подогрели для вас завтрак.

Все дружно встали, но Киллиан положил свою трость на плечо Тави и сказал:

– Для всех, кроме тебя. Нам с тобой нужно поговорить о

том, как ты сдавал сегодня экзамен. Остальные свободны.

Эрен и Гаэль взглянули на Тави и поморщились, затем смущенно улыбнулись и ушли.

Макс похлопал его по плечу громадной ручищей, когда проходил мимо, и тихонько сказал:

– Не поддавайся ему.

И они ушли, закрыв за собой мощные железные двери.

Киллиан вернулся к жаровне и сел, протянув к ней руки, чтобы немного согреться. Тави подошел к нему и опустился на колени. Киллиан на мгновение прикрыл глаза, и на его лице отразилось страдание, когда он принялся сжимать и разжимать кулаки, вытянув перед собой руки. Тави знал, что наставника мучает артрит.

– Я справился?

Лицо старика смягчилось, и на нем мелькнула улыбка.

– Ты прекрасно изобразил их слабости. Антиллар не забыл посмотреть на меня перед тем, как нанести удар. Гаэль постаралась расслабиться. Эрен действовал без колебаний.

– Это, наверное, здорово.

Киллиан склонил голову набок:

– Ты огорчен тем, что в глазах друзей выглядел настоящим неумехой?

– Думаю, да. Но... – Тави задумчиво нахмурился. – Мне трудно их обманывать. И мне это не нравится.

– Тебе и не должно это нравиться. Но мне кажется, тут что-то еще.

– Да, – сказал Тави. – Понимаете... только они знают, что я прохожу подготовку, чтобы стать курсором. Они единственные, с кем я могу поговорить почти обо всем, что люблю и что меня беспокоит. И я знаю, они так себя ведут из самых добрых побуждений, но еще мне известно то, что они недоговаривают. Я вижу, как осторожно они пытаются мне помогать, стараясь сделать это так, чтобы я ничего не заметил. Сегодня Эрен решил, будто должен защитить меня от Бренсиса. Эрен.

– Он верный друг, – улыбнувшись, сказал Киллиан.

Тави поморщился:

– Но ему не следовало этого делать. Я и без того совершенно беспомощен.

– Это в каком же смысле? – нахмурившись, спросил мастер.

– А в том смысле, что я могу выучить все приемы борьбы, какие только есть на свете, но это не поможет мне против сильного заклинателя, имеющего нескольких фурий. Кого-то вроде Бренсиса. Даже если у меня будет в руках оружие.

– Ты несправедлив к себе.

– Я вас не понимаю, – сказал Тави.

– Ты гораздо способнее, чем тебе кажется, – ответил Киллиан. – Возможно, ты никогда не станешь таким умелым мечником, каким может быть могущественный заклинатель металла, или не будешь обладать быстротой заклинателя вет-

ра или силой заклинателя земли. Но заклинание фурий – это еще не все. Мало кто из заклинателей наделен дисциплиной и оттачивает свои умения. Ты это сделал. Сейчас ты готов противостоять им даже в гораздо большей степени, чем многие из тех, кто обладает незначительным талантом заклинателя. Тебе есть чем гордиться.

– Как скажете. – Тави вздохнул. – Но мне трудно в это поверить. Почему-то у меня нет ощущения, будто мне есть чем гордиться.

Киллиан рассмеялся, и его смех был на удивление ласковым и теплым.

– Это говорит юноша, который помешал орде марафов напасть на Алеру и завоевал покровительство самого Первого консула. Твоя неуверенность происходит из-за того, что тебе семнадцать, а вовсе не из-за отсутствия фурий.

Тави почувствовал, что улыбается в ответ:

– Хотите, чтобы я сдал экзамен сейчас?

Киллиан махнул рукой:

– Нет нужды. У меня на уме кое-что другое.

Тави удивленно заморгал:

– Правда?

– Мм. В легионе проблемы с преступностью. В течение последних нескольких месяцев совершен ряд краж у купцов и в домах горожан, причем некоторые из них были защищены фуриями. Легионеры до сих пор не смогли поймать вора. Тави задумчиво прищурился:

– Мне казалось, они пользуются поддержкой городских фурий. Разве они не могут определить, кто ввел в заблуждение фурий, стоящих на страже имущества горожан?

– Они пользуются поддержкой фурий. И могут это определить. Но пока не добились успеха.

– Как такое возможно?

– Я не знаю наверняка, – ответил Киллиан. – Но у меня есть теория. А что, если вор совершает свои преступления, не прибегая к помощи фурий? Если это так, то пользы от городских фурий нет никакой.

– Но если вор не использует фурий, как ему удастся пробираться в охраняемые фуриями дома?

– Именно, – сказал Киллиан. – Твой экзамен будет состоять в том, чтобы понять, как действует вор Черный Кот, и сделать так, чтобы его поймали.

Тави почувствовал, как у него от удивления поползли вверх брови:

– Почему я?

– Ты находишься в уникальном положении, Тави, и я уверен, что ты лучше других подходишь для этого задания.

– Я должен поймать вора, которого не смогли вычислить легионеры?

Улыбка Киллиана стала еще шире.

– Простая задача для славного героя из долины Кальдерон. Постарайся справиться, причем так, чтобы никто об этом не знал, до того как закончится Зимний фестиваль.

– Что? – вскричал Тави. – Мастер, а как же мои занятия, да еще ночные дежурства в цитадели? Я не знаю, на что вы рассчитываете. Как я смогу справиться?

– И не нить, – заявил Киллиан. – Ты наделен настоящим мощным потенциалом, молодой человек. Но если у тебя возникли проблемы с организацией своих дел и занятий, возможно, тебе следует поговорить с принцепсом о возвращении домой.

– Нет, – сглотнув, ответил Тави, – я все сделаю.

Мастер с трудом поднялся на ноги.

– В таком случае я советую тебе приступить немедленно, у тебя мало времени.

Глава 3

Амара развела руки в стороны и выгнула спину, когда наконец выбралась в благословенное тепло восхода из густых облаков, затянувших небо над побережьем Ледового моря, и холодной спящей дымки. В течение нескольких секунд края облаков волновались, когда фурия воздуха Циррус вырвал ее из них, и Амара смогла разглядеть саму фурию – призрачные очертания изящного длинноногого коня, быстрого, грациозного и невероятно красивого.

Облака вздымались над вершинами и долинами подобно огромным горам – царство медленной грации и захватывающей дух красоты. Золотистое весеннее солнце превратило их в пламя, а они, в свою очередь, разбили свет на цветные полосы, которые танцевали и кружились вокруг нее.

Амара рассмеялась от переполнявшей ее радости. Сколько бы она ни летала, красота неба не переставала восхищать ее, а чувство свободы и силы становилось все более глубоким. Амара призвала Цирруса, и он понес ее вверх с такой скоростью, что ветер ударил ей в лицо, а часть облаков размером с цитадель в Алере мгновенно осталась за спиной. Амара раскинула руки так, чтобы ветер завертел ее в своем водовороте, и вскоре у нее закружилась голова, а воздух стал холодным и разреженным.

Присутствие Цирруса позволило ей дышать без проблем,

по крайней мере некоторое время, но голубое небо у нее над головой начало темнеть, а через пару мгновений она увидела звезды.

Стало еще холоднее, и Циррус начал уставать. Он призвал на помощь больше воздуха, чтобы удержать ее и не уронить на землю.

С бьющимся от возбуждения сердцем она подала Циррусу знак, чтобы он ее отпустил.

Амара почувствовала, как ее подъем замедлился, и на одну восхитительную секунду повисла между звездами и землей. А потом она развернула тело, словно ныряльщица, и начала падать. Сердце отчаянно билось в груди, замирало от страха, но она сдвинула ноги и прижала руки к бокам, повернув лицо в сторону земли. Через несколько мгновений она падала уже быстрее, чем поднималась, от ветра на глаза навернулись слезы, но Циррус прикрыл ее собой, чтобы защитить.

Когда воздух стал плотнее, она снова призвала Цирруса на помощь, ее скорость удвоилась, потом еще, и вскоре ее окружил едва различимый ореол света. Она увидела зеленые холмы долины Кальдерон, уже бросившие вызов зиме. Долина увеличивалась в размерах с обманчивой медлительностью.

Амара прибавила скорость, сосредоточив всю свою волю на том, чтобы управлять фурией, и выбрала дорогу, которая шла через всю долину к укрепленному поселению в восточ-

ной части. А вскоре она увидела и сам гарнизон.

Она издала победный клич и напрягла все свои силы до предела. Неожиданно раздался оглушительный гром. Она вскрикнула и расставила руки и ноги, чтобы замедлить падение, поскольку находилась всего в тысяче футов от земли. Циррус тут же бросился ей на выручку, они вместе изменили направление движения, и она промчалась вдоль дороги, словно ревущий от восторга циклон. Уставшая и задыхающаяся от бешеной скорости, Амара быстрее стрелы, пущенной из лука, направилась к воротам гарнизона. Окутанная ветрами, точно плащом, она приблизилась к воротам, и стражник помахал ей рукой, не поднимаясь со своего табурета.

Амара улыбнулась и изменила направление движения, чтобы опуститься на зубчатую стену над воротами. Сопровождавший ее ветер закрутил пыль и мусор, окутал ими стражника – седого центуриона по имени Джиральди. Коренастый старый солдат снимал кинжалом кожуру со сморщенного зимнего яблока, которое накрыл алым с голубой отделкой плащом, чтобы на него не попала пыль. Когда она осела, он вернулся к прерванному занятию.

– Графиня, – небрежно сказал он, – рад снова тебя видеть.

– Джиральди, большинство солдат встают и отдают честь, когда видят патрициев, – сказала Амара, расстегнула ремни курьерского рюкзака, который висел у нее на спине, и сбросила его на землю.

– У большинства солдат не такая натруженная старая задница, как у меня, – весело ответил он.

«А также они не носят на форменных брюках алой полосы ордена Льва, личной награды Первого консула за доблесть», – подумала Амара и постаралась скрыть улыбку.

– А что ты здесь делаешь? Почему стоишь на часах? Мне казалось, я в прошлом месяце доставила в гарнизон бумаги о твоём повышении.

– Доставила, – не стал спорить Джиральди и съел кусочек яблока. – Я его отклонил.

– Твое повышение?

– Вóроны, девочка! – выругался он, игнорируя правила, требующие деликатного обращения с представительницами слабого пола. – Я потешался над офицерами всю свою жизнь. Неужели ты думаешь, я такой дурак, что хочу стать офицером?

Амара больше не могла сдерживаться и расхохоталась.

– Ты не мог бы послать кого-нибудь сообщить графу, что я привезла почту?

– Ты уже сама ему об этом сообщила, – фыркнув, сказал Джиральди. – Не так много людей прибывают сюда с таким шумом и грохотом, что содрогаются все котелки и кастрюли в долине. Только глухие еще не знают, что ты здесь.

– В таком случае я благодарю тебя за любезность, центурион, – насмешливо сказала она, надела рюкзак на одно плечо и направилась к лестнице.

Ее кожаный костюм, предназначенный специально для подобных случаев, слегка поскрипывал на ходу.

– Возмутительно, – проворчал Джиральди. – Такая хорошенькая девушка и так безобразно одета. Мужской костюм. Да к тому же обтягивающий все части тела. Надень платье.

– В этой одежде мне удобнее, – бросила Амара через плечо.

– Я заметил, как практично ты одеваешься всякий раз, когда являешься, чтобы навестить Бернарда, – протянул Джиральди.

Амара почувствовала, как вспыхнули ее щеки, хотя сомневалась, что это очень заметно, учитывая холод и ветер, сопровождавшие ее прибытие сюда. Она направилась в западный двор лагеря. Когда Бернард стал командиром гарнизона, сменив на этом посту графа Грэма, он приказал убрать все следы сражения, произошедшего два года назад. Но Амаре постоянно казалось, будто она видит на земле пятна крови, хотя она знала, что пролитую здесь кровь давно смыли и от нее ничего не осталось.

Кроме следа в ее мыслях и памяти.

Она немного погрустнела, впрочем это нисколько не испортило ее радостного настроения. Жизнь здесь, на восточной границе Алеры, напомнила она себе, бывает трудной и жестокой. Тысячи алеранцев встретили смерть в долине Кальдерон, а вместе с ними десятки тысяч маратов. Это место пропитано опасностями, предательством и насилием.

Однако теперь положение начало меняться, в основном благодаря усилиям и храбрости человека, охранявшего эти места от имени Короны, человека, ради встречи с которым она оседлала опасные высокие ветры.

Бернард, улыбаясь, вышел из дома командира, расположенного в центре лагеря. Хотя его костюм был немного более модным и из лучшей ткани, чем раньше, он продолжал носить солидные зеленые и коричневые цвета свободного доминуса, которым был прежде, а не яркие цвета, сообщавшие о его теперешнем положении. Он был высоким, с темными волосами, коротко стриженными по правилам легиона, и бородой, которую припорошила ранняя седина. Бернард остановился, чтобы придержать дверь для служанки, вышедшей с полными руками грязного белья, а затем направился к Амаре уверенными широкими шагами. Бернард был сложен как медведь, но двигался с грацией кошки, и Амара считала его самым красивым из всех мужчин, каких ей довелось встретить. Однако больше всего ей нравились его глаза. Серо-зеленые, они отражали его сущность. Они были ясные, открытые, честные и все замечающие.

– Граф, – пробормотала она, когда он подошел поближе, и протянула ему руку.

– Графиня, – ответил он.

В его глазах вспыхнул огонь, когда он взял ее руку своими мягкими пальцами и склонился над ней. У Амары сильнее забилося сердце. Ей показалось, что его глубокий голос про-

рокотал у нее в желудке, когда он добавил:

– Добро пожаловать в гарнизон, госпожа курсор. Путешествие прошло нормально?

– Да, наконец-то погода установилась, и все прошло хорошо, – сказала она и не отняла руки, когда они направились в его кабинет.

– Как дела в столице?

– Гораздо веселее, чем обычно, – ответила она. – Консорциум работорговцев и Лига Дианы разве что на улицах не устраивают дуэлей, а стоит сенаторам высунуть нос из своих домов, как на них начинает наскакивать то одна партия, то другая. Южные города делают все, что в их силах, чтобы взвинтить цены на урожай этого года, вопят о жадности и взятках консулов севера, а города севера требуют увеличения налогов, которые платит скупой юг.

– А принцепс? – ворчливо поинтересовался Бернارد.

– В прекрасной форме, – ответила Амара и медленно втянула носом воздух. От Бернарда пахло сосновыми иголками, кожей и древесным дымом, и она любила его запах. – Но в этом году он меньше появлялся на людях, чем в прошлом, и ходят слухи, будто у него пошатнулось здоровье.

– А когда таких слухов не ходило?

– Именно. По всем докладам, твой племянник прекрасно справляется в Академии.

– Правда? А он наконец...

Амара покачала головой:

– Нет. К нему призывали дюжину разных заклинателей, чтобы те его проверили и поработали с ним. Ничего.

Бернард вздохнул.

– Но в остальном у него блестящие результаты. Наставники, все до единого, в полном восторге от его способностей.

– Хорошо, – сказал Бернард. – Я им горжусь. Я всегда говорил ему, что его проблема не должна помешать ему в жизни, ум и мастерство помогут ему достигнуть большего, чем простое обладание какими-нибудь фуриями. И тем не менее я надеялся... – Он вздохнул и почтительно поклонился проходившим мимо легионерам-каллидусам, которые возвращались из столовой со своими женами, официально не существовавшими в природе. – Итак, что прислал нам Первый консул?

– Обычные сообщения, а также приглашения тебе и доминусам долины на Зимний фестиваль.

– Он и моей сестре послал такое приглашение? – удивленно спросил Бернард.

– В особенности твоей сестре, – сказала Амара и нахмурилась, когда они вошли в дом командира и начали подниматься по лестнице в личный кабинет Бернарда. – Есть пара вещей, которые тебе следует знать, Бернард. Принцепс просил меня поставить тебя в известность о ситуации, сложившейся в связи с ее визитом. Лично.

Бернард кивнул и открыл дверь.

– Я так и подумал. Она уже собралась и готова отправить-

ся в путь. Я пошлю за ней, и она будет здесь вечером.

Амара вошла и, склонив голову набок, оглянулась на него через плечо:

– Уже вечером?

– Мм. Ну, может, завтра утром. – Он закрыл за собой дверь и как бы случайно задвинул засов, а потом прислонился к двери спиной. – Знаешь, Джиральди прав, Амара. Женщина не должна одеваться в такие обтягивающие кожаные костюмы.

Амара с невинным видом заморгала и взглянула на него:

– Правда? А почему?

– У мужчин возникают самые разные мысли.

Она двигалась очень медленно. В глубине души Бернард был охотником и, когда требовалось, мог продемонстрировать поразительную выдержку. Амара уже давно обнаружила, что она получает удовольствие, проверяя эту самую выдержку.

И еще большее, когда ей удастся сделать вид, что она ему отказывает.

Она начала расплетать свою золотисто-каштановую косу.

– Какие мысли, граф?

– Что тебе следует быть в платье, – сказал он, и в его голосе появилось едва заметное гортанное рычание.

Его глаза сияли, когда он наблюдал за тем, как она выпускает волосы.

Она делала это очень медленно, аккуратно разделяя пря-

ди, а потом принялась расчесывать их пальцами. В прошлом она не любила длинные волосы, но отрастила их, когда поняла, как сильно они нравятся Бернарду.

– Если бы я была в платье, – сказала она, – ветер разорвал бы его в клочья. И когда я опустилась бы на землю, чтобы встретиться с вами, граф, Джиральди и его парни стали бы пялиться на то, что не смогли бы скрыть обрывки.

Амара снова заморгала и тряхнула головой, чтобы волосы окутали мягкой волной лицо и плечи. Она заметила, как у него от удовольствия сузились глаза.

– Пожалуй, – продолжала она, – мне не стоит разгуливать в таком неподобающем виде перед толпой легионеров. Я так и сказала милому центуриону. Мой костюм гораздо удобнее.

Бернард отошел от двери и начал приближаться к ней, медленно, шаг за шагом, затем наклонился и забрал у нее курьерский рюкзак. Кончики его пальцев мимолетно коснулись ее плеча, и ей показалось, что она почувствовала их сквозь кожу своего костюма. Бернард был заклинателем земли невероятной силы, а таких людей постоянно, точно аромат духов, окутывает волна чистого инстинктивного бездумного физического желания. Амара ощутила его, когда впервые встретила Бернарда, и с тех пор оно стало еще сильнее.

А стоило ему захотеть, он мог легко заставить ее первой забыть о выдержке. Это было нечестно, но Амаре приходилось признать, что ей не стоит жаловаться на результат.

Бернард отставил в сторону рюкзак с почтой, продолжая

наступать, прижал ее бедрами к своему столу, а затем вынул ее немного отклониться назад.

– Да, тебе не стоит разгуливать в таком виде, – сказал он очень тихо, и она почувствовала, как его близость медленно пробуждает в ней сильное желание.

Он поднял руку и провел по ее щеке кончиками пальцев. Затем медленно опустил руку ей на плечо, ниже, еще ниже, до самого бедра. Его прикосновение околдовало ее, и Амара начала задыхаться от почти непереносимого желания. Бернард задержал руку у нее на бедре и сказал:

– Если бы твой костюм был удобным, я сумел бы вытащить тебя из него одним движением. Мог бы время сэкономить. Мм. Получить тебя всю и сразу. Вот это было бы удобно.

Он наклонился и мимолетно коснулся губами ее щеки, а затем зарылся носом и губами в ее волосы.

Амара попыталась взять себя в руки, но она не видела Бернарда несколько недель и почти против воли почувствовала, как ее тело поддается удовольствию, сливается с его телом, она согнула ногу и прижалась щиколоткой к внутренней стороне его ноги. Он наклонился и поцеловал ее, и нарастающий жар и чувственное наслаждение, которое она испытала от прикосновения его губ, прогнали все посторонние мысли.

– Так нечестно, – прошептала она мгновение спустя, просовывая руки под его рубашку, чтобы прикоснуться к могучим горячим мышцам его спины.

– Ничего не могу с собой поделатъ, – сказал он и расстегнул ее кожаную куртку, а она выгнула спину, чувствуя прикосновение холодного воздуха к тонкой льняной нижней рубашке. – Я хочу тебя. Мы слишком долго не виделись.

– Не останавливайся, – прошептала она и тихонько застонала. – Слишком долго.

И тут на лестнице послышались громкие шаги, которые направлялись в сторону кабинета Бернарда. Очень громкие. Бернард, не открывая глаз, раздраженно вздохнул.

– Кхе-кхе, – кашлянул Джиральди из-за двери. – Апчхи! Ну и простудился же я. Да, господин, простудился. Придется сходить к лекарю.

Бернард выпрямился, и Амара с трудом заставила себя убрать руки с его спины. Она покачнулась и, чтобы не потерять равновесия, села на край стола. У нее пылали щеки, и она принялась быстро застегивать куртку, приводя себя в порядок.

Бернард не слишком аккуратно заправил рубашку в штаны, в его глазах пылала с трудом сдерживаемая ярость. Он подошел к двери, и Амара вдруг подумала, какой он огромный, когда он остановился на пороге, глядя на центуриона, стоявшего за дверью.

– Извини, Бернард, – сказал Джиральди. – Но...

Он зашептал ему что-то на ухо, и Амара не сумела разобратъ ни слова.

– Вбóроны! – яростно выругался Бернард.

Амара подняла голову, удивленная его тоном.

– Как давно? – спросил граф.

– Меньше часа. Общая тревога? – спросил Джиральди.

Бернард сжал зубы.

– Нет. Пусть твоя центурия соберется у стены. В парадной форме. – (Джиральди нахмурился и склонил голову набок.) – Мы не готовимся к бою. Мы выставаем почетный караул.

– Прекрасно понял, граф, – мрачно ответил Джиральди. – Вы хотите, чтобы у стены собралась наша лучшая центурия в полном боевом снаряжении, чтобы мы могли разбить мара-тов, если они решили устроить драку, а если нет, ваш самый красивый и обаятельный центурион поприветствует их у ворот крепости, чтобы они почувствовали, что мы им рады.

– Молодец.

Улыбка Джиральди погасла, и он заговорил тише, но не выказывая испуга:

– Вы думаете, нас ждет сражение?

Бернард хлопнул старого солдата по плечу:

– Нет. Но я хочу, чтобы ты лично сказал Грегору и другим центурионам, что им стоит проверить состояние оружия в их центуриях на случай, если я ошибаюсь.

– Слушаюсь, граф, – ответил Джиральди, ударил себя кулаком в грудь, салютуя, как это было принято у легионеров, кивнул Амаре и вышел.

Бернард повернулся к большому деревянному шкафу и открыл его. Он достал оттуда потрепанную военную куртку

и уверенным, привычным движением надел ее.

– Что происходит? – спросила Амара.

Он протянул ей короткий надежный клинок в ножнах на поясе:

– Возможно, у нас проблемы.

Гладиус являлся третьей рукой любого легионера и самым распространенным оружием в стране. Амара прекрасно умела с ним обращаться и не глядя надела пояс и застегнула его.

– В каком смысле?

– На равнине появился военный отряд маратов, – ответил Бернард. – Они направляются в нашу сторону.

Глава 4

Амара почувствовала, как напряжение начинает медленно сковывать ей плечи.

– Сколько их?

Бернард надел кольчугу, застегнул и поправил ремень.

– Двести, может, больше, – ответил он.

– Это слишком маленький отряд для враждебных намерений.

– Возможно.

Она нахмурилась:

– Неужели ты думаешь, Дорога на нас нападет, да еще с таким маленьким отрядом?

Бернард пожал плечами, достал из шкафа тяжелый боевой топор и повесил на плечо.

– Может, это не Дорога. Вдруг кто-то сместил его, как он сместил Ацурака, тогда не следует исключать того, что они решили на нас напасть, а я не собираюсь рисковать жизнью своих людей и доминусов. Мы должны быть готовы к худшему. Передай мне мой лук.

Амара повернулась к камину и сняла со стены лук толщиной с ее щиколотку, вырезанный из темного дерева. Она протянула его Бернарду, и тот достал из шкафа колчан, наполненный стрелами. Затем, придерживая лук одной ногой, он соединил его концы, на что потребовались бы усилия двух

мужчин, и натянул на него тетиву.

– Спасибо.

Амара, подняв брови, показала на согнутый лук:

– Думаешь, он понадобится?

– Нет, но, если случится беда, я хочу, чтобы ты немедленно сообщила об этом в Риву.

Амара нахмурилась. Ей не хотелось бросать Бернарда в такой момент, но ее долг посланника Первого консула не оставлял ей выбора.

– Разумеется.

– Собрать тебе почту? – спросил он.

Она покачала головой:

– Я устала. Если придется лететь, не хочу брать с собой лишнего веса.

Бернард кивнул и вышел из кабинета, Амара не отставала. Вместе они миновали восточный двор и направились к высокой мощной стене, выходявшей на равнину и земли, принадлежащие маратам. Стена достигала тридцати футов в высоту и толщину, была выстроена из черного базальта и казалась монолитной. По ее верху шел ровный ряд зубцов. Ворота, достаточно высокие и широкие, чтобы пропустить внутрь самых крупных гаргантов, были сделаны из единого куска темного металла, какого Амара никогда прежде не видела, вызванного из глубин земли самим Первым консулом после сражения, которое состоялось два года назад.

Они поднялись по ступеням на зубчатую стену, где вы-

строились восемьдесят немало повидавших на своем веку ветеранов Джиральди, тех, кто остался в живых после Второй кальдеронской битвы. На их форменных брюках красовалась алая лента ордена Льва, и, хотя они были в парадной форме, каждый из них держал в руках проверенное в бою оружие.

Издалека к крепости приближались движущиеся тени, похожие на темные, едва различимые пятна.

Амара наклонилась между двумя каменными зубцами и подняла руки. Она призвала Цирруса, и тот заметался между ее ладонями, превратив воздух в изогнутую световую линзу, которая увеличила изображение далеких путников.

– Это Дорога, – доложила она Бернарду. – Если я не ошибаюсь, вместе с ним Хашат.

– Хашат? – нахмурившись, переспросил Бернард. – Она нужна ему, чтобы патрулировать их восточные болота и держать клан Волка в узде. Они подвергаются опасности, путешествуя таким маленьким отрядом.

Амара принялась разглядывать маратов:

– Бернард, Хашат идет пешком. Ее лошадь хромает. Кроме того, многие из ее клана идут пешком. А еще у них носилки. Лошади и гарганты без всадников. Раненые животные.

Бернард снова нахмурился.

– Ты был прав, центурион, – сказал он. – Это военный отряд.

Джиральди кивнул:

– Только они не собираются с нами сражаться. Возможно, их кто-то преследует.

– Нет. Для этого они идут слишком медленно, – возразил ему Бернард. – Если бы за ними кто-то гнался, они бы их уже догнали. Спустись и позови целителей.

– Слушаюсь, граф.

Центурион знаком показал своим людям, чтобы они убрали оружие, и принялся выкрикивать приказы. Он распорядился наполнить ванны и призвать гарнизонных заклинателей воды, чтобы те сразу же занялись ранеными.

Обессилевшему отряду Дороги потребовался час, чтобы добраться до крепости. К этому времени в воздухе уже плыли ароматы жарившегося мяса и свежего хлеба, были накрыты столы, для гаргантов приготовлены горы соломы, а около конюшен выставлены поилки с водой и еда для лошадей. Легионеры Джиральди расчистили один из складов, где разложили тюфяки и одеяла для раненых.

Бернард открыл ворота и вышел навстречу отряду маратов. Амара шагала рядом с ним. Они остановились в двадцати футах от громадного, в боевых шрамах черного гарганта Дороги, и она почувствовала сильный земляной запах животного.

Сам марат был высоким мужчиной могучего телосложения, слишком крупным даже для представителя своего народа, под его рубашкой перекачивались мощные мускулы. Жесткие волосы, заплетенные в боевую косу, были откину-

ты назад, а на груди виднелась резаная рана с засохшей кровью. Несмотря на грубые черты лица, в глазах, смотревших на Бернарда из-под нависших бровей, светился ум. Он был в рубашке, подаренной ему гражданами Кальдерона после битвы, хотя он расстегнул ее на груди и оторвал рукава, чтобы могли поместиться руки и плечи. Казалось, холодный ветер его совершенно не беспокоит.

– Дорога, – крикнул Бернард.

Марат кивнул:

– Бернард. – Он показал большим пальцем себе за спину. – Раненые.

– Мы готовы помочь. Заносите их.

Губы Дороги скривились в улыбке, и стали видны его короткие крупные зубы. Он кивнул Бернарду в знак благодарности и отвязал большой мешок от седла гарганта. Затем он ухватился за седельную веревку и соскользнул со спины Ходока. Подойдя к Бернарду, он обменялся с ним приветствием, как это было принято у маратов, ухватившись рукой за его предплечье.

– Я буду очень вам признателен. Мы не в силах справиться с некоторыми ранами. Я подумал, может, вы захотите нам помочь.

– Это честь для нас. – Бернард знаком показал Джиральди, чтобы тот позаботился о раненых маратах, а конюхи занялись лошадьми, гаргантами и парой покрытых кровью волков. – Ты хорошо выглядишь, – сказал Бернард.

– Как твой племянник? – пророкотал Дорога.
– Уехал учиться, – ответил Бернад. – Китай?
– Уехала учиться, – сказал Дорога и посмотрел на Амару. – А, девочка, которая летает. Тебе нужно больше есть, девочка.

Амара рассмеялась:

– Я пытаюсь, но Первый консул постоянно меня посылает с разными поручениями.

– Да, когда слишком много бегаешь, можно легко поху-
деть, – согласился Дорога. – Заведи себе мужчину. Роди парочку детишек. Это всегда помогает.

Внутри у Амары все сжалось от пронзительной, тошно-
творной боли, но она постаралась улыбнуться:

– Я подумаю.

– Ха, – не унимался Дорога. – Бернад, может, у тебя в штанах кое-что испортилось?

Бернард стал пунцовым:

– Хм. Нет.

Дорога увидел замешательство графа и громко расхохотался.

– Да, алеранцы. Все совокупляются, – заявил Дорога. – Всем нравится. Но только твой народ делает вид, якобы это не про вас.

Амара с удовольствием смотрела на пунцового Бернарда, хотя боль, которую ей причинили слова марата, не позволила ей самой покраснеть. Бернад, наверное, подумает, что она

слишком искушена, чтобы легко смутиться.

– Дорога, как ты получил свою рану? – спросила Амара, чтобы сменить тему разговора и спасти Бернарда. – И что случилось с твоими людьми?

Улыбка вождя марафов погасла, и он с мрачным видом оглянулся на равнину.

– Я получил свою рану из-за собственной глупости, – ответил он. – Остальное предназначено только для твоих ушей. Давай куда-нибудь отойдем.

Бернард нахмурился, кивнул Дороге и позвал его за собой. Они вместе вошли на территорию гарнизона и направились в кабинет Бернарда.

– Хочешь чего-нибудь поесть? – спросил Бернард.

– После того как поедят мои люди, – ответил Дорога. – И их чала. Животные.

– Я понимаю. Садись, если хочешь.

Дорога тряхнул головой и принялся молча расхаживать по кабинету, взял несколько книг с маленькой полки и внимательно посмотрел на страницы.

– Ваш народ, – сказал он. – Он так сильно отличается от нашего.

– Кое в чем отличается, – не стал спорить Бернард. – Но во многом мы похожи.

– Да. – Дорога пролистал «Хроники Гая», помедлил, разглядывая иллюстрацию в одной из них. – Мой народ почти ничего не знает из того, что известно твоему народу, Бер-

нард. У нас нет этих... как вы их называете?

– Книги.

– Книги, – повторил Дорога. – И рисунков-слов, которые ваш народ использует в них. Но мы старый народ, и у нас тоже есть знание. – Он показал на свою рану. – Порошок из черного корня и песчаной травы снял боль, высушил кровь и закрыл рану. А вам бы пришлось ее зашивать или воспользоваться заклинаниями.

– Я не сомневаюсь в знаниях и умениях твоего народа, Дорога, – сказал Бернард. – Вы другие. Но это не делает вас хуже нас.

– Не все алеранцы так думают, – улыбнувшись, сказал Дорога.

– Не все.

– У нас есть собственная мудрость, – сказал он, – которая передается из поколения в поколение со времен первого расвета. Мы поем нашим детям, а они своим, и так мы помним то, что было.

Он подошел к камину и поворошил угли кочергой. Оранжевый свет отбрасывал на его могучее тело тени, казавшиеся живыми, и придавал лицу мрачное выражение.

– Я совершил великую глупость. Наша мудрость меня предупреждала, но мне не хватило ума правильно оценить опасность.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Амара.

Дорога сделал глубокий вдох:

– Восковой лес. Ты о нем слышал, Бернард?

– Да, – ответил тот. – Даже бывал около него пару раз. Но никогда не заходил вглубь.

– Ты поступил мудро, – похвалил его Дорога. – Он был смертельно опасным местом.

– Был?

Марат кивнул:

– Теперь это не так. Существа, которые там жили, ушли.

Бернард удивленно заморгал:

– Ушли? Куда?

Дорога покачал головой:

– Я не уверен. Пока. Но наша мудрость говорит нам о них и предупреждает о том, что они сделают.

– Ты хочешь сказать, что твой народ уже видел такое раньше?

Дорога кивнул:

– В далеком прошлом наш народ жил не там, где мы живем сейчас. Мы пришли сюда из другого места.

– Из-за моря? – спросила Амара.

– Из-за моря. Из-за неба, – пожав плечами, ответил Дорога. – Мы были в другом месте, а потом пришли сюда. Наш народ жил в самых разных землях. Мы часто перебираемся на новое место. Устанавливаем связи с теми, кто его населяет. Мы учимся. Мы растем. Мы поем песни мудрости нашим детям.

Амара нахмурилась:

– Ты хочешь сказать... именно по этой причине у вас разные кланы?

Он удивленно посмотрел на нее, как смотрели бы ее наставники в Академии на слишком тупого студента, и кивнул:

– Клянусь чалой. По тотему. Наша мудрость говорит нам, что много лет назад в другом месте мы встретились с чудовищем, которое украло сердца и разум наших людей. Что оно и его выводок расплодилось, и дюжины превратились в миллионы. Они нас поглотили. Уничтожили земли и дома. Это чудовище уводило наших детей, а женщины производили на свет его детенышей.

Бернард опустил на стул, стоявший у камина, и нахмурился.

– Это демон, который может принимать самые разные обличья, – продолжал марат. – Ему достаточно испробовать чьей-нибудь крови, и он обретает внешний вид своей жертвы. Он производит на свет потомство. Он превращает своих врагов... в существа, которые сражаются за него. Он забирает к себе людей. Убивает. Плодится. Пока не останется ничего, что могло бы ему противостоять.

Бернард прищурился и внимательно посмотрел на Дорогу. Амара подошла к графу и встала у него за спиной, положив руку на плечо.

– Это не сказочка, которую вечером после трудного дня рассказывают солдаты, сидя вокруг костра, алеранец, – тихо сказал Дорога. – И я не ошибаюсь. Чудовище, о кото-

ром я рассказал тебе, настоящее. – Могучий марат с трудом сглотнул, и его лицо приобрело пепельный оттенок. – Оно может принимать самые разные обличья, и наша мудрость предупреждает нас, что мы не должны полагаться только на то, что мы видим, чтобы узнать о его присутствии. В этом и заключалась моя ошибка. Я не распознал демона, пока не стало слишком поздно.

– Восковой лес, – сказал Бернад.

Дорога кивнул:

– Когда твой племянник и Китаи вернулись после Испытания, кое-кто последовал за ними.

– Ты имеешь в виду восковых пауков? – спросил Бернад.

Дорога покачал головой:

– Кое-что побольше. Нечто другое.

– Подожди, – вмешалась Амара. – Ты говоришь об одном существе или о нескольких?

– Да, – сказал Дорога. – Это и делает его скверной в глазах Единственного.

Амара с трудом сдержала раздражение. Марат использовал язык не так, как это делали алеранцы, даже когда говорил на их наречии.

– Не думаю, что я когда-нибудь слышала о таком существе, живущем здесь, Дорога.

Марат пожал плечами:

– Ты не слышала. Именно поэтому я и пришел. Чтобы вас предупредить. – Он сделал шаг в их сторону, наклонился и

прошептал: – Сюда пришла скверна. Мудрость назвала нам имена его слуг. Их зовут ворду-ха. – Его передернуло, словно даже от одного этого слова ему стало не по себе. – А еще она назвала нам имя самого существа. Ворд.

На мгновение повисло напряженное молчание, а затем Бернард спросил:

– Откуда ты знаешь, что он пришел?

Дорога кивком показал на двор:

– Вчера на рассвете я сразился с гнездом ворда. У меня было две тысячи воинов.

– И где они сейчас? – спросила Амара.

Марат не сводил взгляда с огня в камине:

– Здесь.

Амара от удивления открыла рот:

– Но у тебя всего двести...

Она не договорила. На лице Дороги застыло мрачное каменное выражение.

– Мы заплатили своей кровью, чтобы уничтожить ворд в его гнезде. Но мудрость говорит нам, что, когда ворд покидает гнездо, он разделяется на три группы и создает новые гнезда. Чтобы размножаться. Мы выследили и уничтожили одну такую группу. Осталось еще две. Я думаю, одна из них находится здесь, в вашей долине, прячется на склонах горы, которая называется Гарадос.

– А где другая? – хмуро спросил Бернард.

В ответ Дорога засунул руку в свою сумку и достал отту-

да потрепанный кожаный рюкзак, который бросил на колени
Бернарду.

Амара почувствовала, как он напрягся, увидев рюкзак.

– Великие фурии, – прошептал Бернард. – Тави.

Глава 5

Тучи пыли наполнили конюшни Исаны, и лучи солнца пробились сквозь крышу мягкими золотыми полосами света. Исана смотрела на огромную упавшую балку. Она сломалась и внезапно рухнула в конюшню именно в тот момент, когда она вошла сюда, чтобы задать корм животным. Если бы она смотрела в другую сторону или немного помедлила, она лежала бы под ней мертвая вместе с окровавленными телами нескольких несчастных куриц, а не дрожала бы от удивления и ужаса.

Ее первая мысль была о своих фермерах. Находился ли кто-нибудь из них в сарае или на сеновале? И, великие фурии, не играл ли здесь кто-нибудь из детей? Исана позвала свою фурию Рилл и с ее помощью создала заклинание, чтобы проверить сарай. В нем было пусто.

Так, скорее всего, и было задумано, решила она. Исана выпрямилась, продолжая дрожать, и подошла к упавшей балке, чтобы ее рассмотреть.

Один конец был сломан, его края были неровными и острыми, другой оказался гладким и чистым. Здесь явно поработали топором или еще чем-то в таком же роде. Дерево, пыльное и рассыпающееся от прикосновения, выглядело так, будто его атаковала огромная стая термитов. «Заклинание фурий, – подумала Исана. – Целенаправленное заклинание

фурий».

Не случайность. Ни в коей мере.

Кто-то пытался ее убить.

Неожиданно Исана остро ощутила, что она здесь одна. Большинство селян уже в поле – осталось всего несколько дней, чтобы вспахать и засеять землю, а им и без того хватало забот со спариванием животных, кроме того, они присматривали за появлением на свет телят, ягнят, детей и парочки детенышей гаргантов. Сейчас даже кухня, ближайшее строение к сараю, пустовала, поскольку работающие там женщины отправились перекусить и отдохнуть в большой зал.

Короче говоря, вряд ли кто-нибудь слышал, как рухнула балка, и, уж конечно, никто бы не пришел, если бы она позвала на помощь. На миг Исана пожалела, что ее брат больше не живет в домене. Но его тут нет, и ей придется самой о себе позаботиться.

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и подошла к стене, где на крюке, вбитом в балку, висели вилы. Она сняла их, стараясь не шуметь, и поручила Рилл еще раз проверить, есть ли кто-нибудь внутри. На фурию в данном случае особенно надеяться не следовало – даже если где-то неподалеку прячется убийца, он может держать свои чувства под контролем, и тогда Рилл не уловит его присутствия. Но это все же лучше, чем ничего.

Заклинатели дерева могли в случае необходимости пользоваться помощью своих фурий, чтобы скрыть от других

людей свое присутствие, если поблизости достаточно растительности. По просьбе такого заклинателя деревья могут спрятать его в тени, трава скроет его, а едва различимая игра света и тени сделает его незаметным даже для очень внимательных глаз. А пол в сарае был почти по колено выложен тростником, чтобы сберечь тепло зимой.

Исана замерла на месте на несколько мгновений, пытаясь уловить хоть какой-то звук, который выдал бы присутствие врага. Терпение и выдержка должны были стать ее помощниками – скоро здесь начнут собираться на обед селяне, возвращающиеся с полей. Если тот, кто собирался ее убить, здесь, он уже напал бы на нее, считая, что она бессильна ему помешать. Худшее, что она сейчас может сделать, – это потерять голову и броситься бежать, тогда она обязательно угодит в какую-нибудь ловушку.

Снаружи донесся стук копыт, который приближался к домену, кто-то въехал в ворота. Животное фыркнуло и остановилось, и Исана услышала молодой мужской голос:

– Эй, домина! Госпожа Исана!

Исана на мгновение затаила дыхание, затем медленно выдохнула и немного расслабилась. Она опустила вилы и сделала шаг в сторону двери, через которую вошла сюда.

Сзади раздался короткий стук, круглый камешек подскочил и упал в солому. Рилл неожиданно предупредила Исану о волне паники прямо у нее за спиной.

Исана повернулась, инстинктивно схватив вилы, и лишь

мимолетом заметила смутные очертания человека в полутени сарая. На стальном клинке вспыхнуло солнце, она почувствовала обжигающую боль в бедре. Она подавила крик ужаса, бросилась вперед и, вложив всю силу в удар, выбросила в сторону своего врага вилы. Она прижала его к двери в стойло и ощутила в мельчайших восхитительных подробностях вспышку боли, удивления и неприкрытого страха.

Вилы с силой воткнулись в деревянную дверь, и магия ее врага рассыпалась в прах – теперь она его прекрасно видела.

Он был не настолько молодым, чтобы считаться юношей, но и не настолько взрослым, чтобы называться мужчиной. Казалось, он находился в таком опасном возрасте, когда сила, опыт и уверенность сталкиваются с наивностью и идеализмом, когда молодого человека, обладающего магией насилия, можно обманом заставить использовать ее без лишних вопросов.

Убийца смотрел на нее пару мгновений широко раскрытыми глазами. Он уже начал бледнеть, рука, держащая клинок, дрожала. Это было необычное, слегка закругленное оружие, а не привычный для алеранцев гладий. Он попытался оттолкнуть от себя вилы, но в его руках уже не осталось силы. «Один из зубцов разорвал сосуд в животе», – с холодным спокойствием подумала Исана. Только это и могло вывести его из строя так быстро. В противном случае, даже несмотря на рану, он бы нанес ей еще один удар своим оружием.

Но остальная часть ее существа была переполнена чистой и всепоглощающей болью. Ее связь с Рилл была такой сильной, что она не могла не обращать на эту боль внимания. Все, что чувствовал враг, проникало в ее мысли, не оставляя места для сомнений и раздумий. Исана ощущала его ужасную боль от раны, дикий страх и отчаяние, когда он понял, что произошло и что его ждет.

Она почувствовала, когда его страх и боль превратились в тусклое, озадаченное удивление, безмолвное сожаление и жуткую, навалившуюся на него усталость. Исана в ужасе попыталась отделить свои ощущения от ощущений молодого человека, мысленно приказав Рилл разорвать связь с убийцей. Она чуть не расплакалась от облегчения, когда перестала его чувствовать и смогла взглянуть ему в лицо.

Он поднял голову и посмотрел на нее. У него были карие глаза и маленький шрам над левой бровью.

Его тело безвольно повалилось на пол, выдернув вилы из деревянной двери. Потом у него опустилась и чуть склонилась набок голова. Глаза стали безжизненными. Исана дрожала, наблюдая за тем, как он умирает. Когда все было кончено, она потянула на себя вилы, но они не желали выходить, и ей пришлось упереться одной ногой в грудь молодого убийцы, чтобы их вытащить. Когда ей это удалось, из отверстий в животе на пол медленно потекла кровь, тело завалилось набок и мертвые остекленевшие глаза уставились на Исану.

Она убила молодого человека. Она его убила. Он был не

старше Тави.

Это было уже слишком. Исана упала на колени, и ее вырвало. Она обнаружила, что смотрит на пол сарая и дрожит, а все ее существо охвачено отвращением, ненавистью и страхом.

В конюшне раздались шаги, но она не обратила на них никакого внимания. Когда ее желудок немного успокоился, она легла на бок и лежала с закрытыми глазами. Она была уверена только в одном: если бы она не убила молодого человека, он бы убил ее.

Кто-то, имеющий возможность нанять профессионального убийцу, желает ей смерти.

Она закрыла глаза, слишком измученная, чтобы сделать что-то другое, и, не обращая внимания на суматоху вокруг, позволила забытью унести ее боль и страх.

Глава 6

– Давно она так лежит? – прозвучал густой мужской голос.

«Брат Бернард приехал», – подумала Исана. Другой голос был старым и немного дрожал. Исана узнала спокойную уверенность своей верной компаньонки Битте.

– Почти с полудня.

– Что-то она бледная, – сказал другой голос, более высокий и чистый. – Вы уверены, что с ней все в порядке?

– Абсолютно уверен, Арик, – ответил Бернард и вздохнул. – Похоже, она потеряла сознание оттого, что использовала слишком много заклинаний. Я уже видел, как она доводила себя до изнеможения.

– Возможно, это реакция на то, что ей пришлось сражаться за свою жизнь, – предположила Амара. – Шок.

– Да, с зелеными легионерами такое случается после их первого сражения, – ворчливо согласился с ней Бернард. – Одни только великие фурии знают, как это ужасно – убить человека.

Исана почувствовала, что брат положил свою большую теплую руку ей на волосы. От него пахло лошадиным потом, кожей и дорожной пылью, а в голосе звучала тихая боль и беспокойство.

– Бедняжка Сана. Мы можем еще что-нибудь для нее сделать?

Исана глубоко вздохнула и заставила себя заговорить, хотя голос ее не очень слушался, и ей удалось лишь прошептать:

– Начни с того, что вымой руки, братишка. От них воняет.

Бернард радостно вскрикнул и сжал ее в своих медвежьих объятиях.

– Я бы хотела сохранить свой позвоночник в целости и сохранности, Бернард, – прохрипела Исана, но в следующее мгновение поняла, что улыбается.

Он тут же, взяв себя в руки, осторожно опустил ее на кровать:

– Извини, Исана.

Она положила руку на его локоть и улыбнулась:

– Со мной все в порядке, честно.

– Хорошо. Прочь, все. Уходите. Вам нужно поесть, а я не сомневаюсь, что Исана хотела бы немного побыть одна, – сказала деловым тоном Битте, крошечная немолодая женщина, седая и сгорбленная, но умнее большинства собравшихся в комнате.

Она пользовалась уважением в долине задолго до Первой кальдеронской битвы, не говоря уже о последних событиях. Она встала и принялась махать руками, словно выгоняла кур.

Исана благодарно ей улыбнулась и сказала Бернарду:

– Я спущусь через пару минут.

– А ты уверена, что тебе следует... – начал он.

Она подняла руку и более твердым голосом сказала:

– Я прекрасно себя чувствую. И умираю от голода.

– Ладно, – не стал спорить Бернард и вышел из комнаты, шагая впереди Битте, словно послушный бык перед пастушьей собакой. – Только давай поедим в кабинете, – сказал он. – Нам нужно кое-что обсудить.

Исана нахмурилась:

– Как скажешь. Я приду туда.

Они ушли, а Исана встала, пытаясь привести мысли в порядок. Внутри у нее все сжалось от отвращения, когда она увидела кровь на юбке и рубашке; она постаралась как можно быстрее сбросить грязную одежду и тут же швырнула ее в огонь камина. Не слишком разумное поведение, но она знала, что никогда не сможет снова это надеть. Ей будет постоянно мерещиться, как мрак медленно застилает глаза молодого человека.

Исана заставила себя не думать о случившемся и сняла нижнее белье, поменяв его на чистое. Затем она расплела длинные темные волосы и рассеянно заметила, что в них появились новые седые пряди. На комодe стояло маленькое зеркало, и она принялась задумчиво себя рассматривать, одновременно расчесывая волосы. Седины много, но, глядя на нее, определить, сколько ей лет, невозможно. Она была стройной (даже слишком стройной по модным меркам), а черты лица как у двадцатилетней девушки – меньше половины тех лет, что она прожила на самом деле. Если она дожи-

вет до возраста Битте, то будет выглядеть как женщина лет тридцати пяти, если забыть о седых волосах, которые она категорически отказывалась красить. Возможно, потому, что на фоне стройного тела и юности, дарованной ей фурией воды, только седые волосы говорили о том, что она взрослая женщина, а не девушка. Довольно сомнительное достоинство, учитывая, сколько ей пришлось выстрадать и потерять за свою жизнь, но другого у нее не было.

Она распустила волосы, решив не заплетать их в косу, и нахмурилась, разглядывая свое отражение в зеркале. Обед в кабинете вместо большого зала? Это может означать, что Бернарда, точнее, Амару беспокоит то, что их могут подслушать. Следовательно, она привезла какое-то послание от Гая.

Внутри у Исаны снова все сжалось, на этот раз от беспокойства. Убийца в сарае все поразительно точно рассчитал. Как могло такое произойти за несколько часов до появления посланника Первого консула в долине? Вряд ли эти события не связаны между собой.

Отсюда возникает вопрос – кто подослал к ней убийцу? Враги Короны?

Или сам Гай?

Не такая уж глупая мысль, как можно подумать, учитывая, что ей известно. Исана встречалась с Гаем и чувствовала его присутствие. Она знала, что у него жесткий характер, достаточно силы воли, чтобы править страной, обманывать, если возникнет такая необходимость, и убивать, чтобы защитить

свое положение и свой народ. Он без колебаний отдаст приказ расправиться с ней, если она будет представлять для него опасность. А насколько ей было известно, она такую опасность представляла.

Исану передернуло, но она заставила себя прогнать все страхи, заменив их чувством уверенности и силой. Она в течение двадцати лет хранила самые разные секреты и не хуже любого другого подданного державы знала, как следует играть в подобные игры. Ей нравилась Амара и нравилось то, что она делает ее брата счастливым, но Амара была курсором и хранила верность Короне.

Исана считала, что ей нельзя доверять.

В каменных залах и коридорах усадьбы становится холодно, когда вечер спускается в долину, поэтому Исана накинула на плечи поверх голубого платья толстую темно-красную шаль, надела туфли и, стараясь не шуметь, направилась по коридорам в кабинет Бернарда – нет, кабинет Исаны. В свой кабинет.

Он был совсем небольшим и расположен в самой глубине дома, поэтому окон здесь не было. Столы заполняли почти все пространство, на стенах висели полки и школьная доска. Зимой, когда у всех было меньше работы и больше свободного времени, дети домена изучали здесь основы арифметики и книги по магии, чтобы лучше использовать своих фурий, и постигали, по крайней мере, основы чтения. Теперь же Бернард, Амара и Арик, самый молодой доминус долины,

сидели за одним из столов, накрытым для вечерней трапезы.

Исана неслышно вошла и закрыла за собой дверь:

– Добрый вечер. Прошу меня простить, что не смогла достойным образом вас приветствовать, господа.

– Чушь, – заявил Арик, встал и улыбнулся ей. – Добрый вечер, Исана.

Бернард тоже встал, они дождались, когда Исана сядет, и лишь после этого сели сами.

Они ели и разговаривали о пустяках, пока ужин не подошел к концу.

– Ты почти все время молчишь, Арик, – сказала Исана, когда они отодвинули тарелки и приступили к горячему чаю. – Как ты и твои родные пережили зиму?

Арик нахмурился:

– Боюсь, именно по этой причине я здесь. Я... – Он слегка покраснел. – Ну, если честно, у меня возникла проблема, и я хотел посоветоваться с тобой, прежде чем беспокоить графа Бернарда.

– Слушай, Арик, – возмутился Бернард, – я тот же самый человек, что и два года назад, и мой титул ничего не меняет. Тебе не следует бояться побеспокоить меня, когда речь идет о деле.

– Да, сиятельный господин, – ответил Арик. – Я и не буду.

– Хорошо.

Молодой человек тут же повернулся к Исане и сказал:

– У меня возникли кое-какие проблемы, и мне кажется, я

должен обратиться к графу за помощью.

Амара прикрыла рот рукой, чтобы спрятать улыбку, и поднесла к губам чашку. Бернард откинулся на спинку стула и ободряюще улыбнулся, но Исана почувствовала, что он обеспокоен.

Арик налил себе еще вина и отодвинулся от стола. Он был худым – одни сплошные конечности. Слишком молод, чтобы иметь мускулы и телосложение взрослого мужчины. Несмотря на все это, его считали исключительно умным, а за прошедшие два года он положил немало сил на приведение в порядок двух вверенных ему доменов, делая все возможное, чтобы полностью изменить способ ведения дел своего покойного отца Корда, который натворил много бед.

– Кто-то охотился в восточном домене, – сказал он мрачно. – Мы потеряли примерно треть скота, который отпустили на зимние выпасы. Мы думали, что их утащили танаденты или овцерезы. После этого мы привели скот в загоны, но потеряли еще двух коров.

– Ты хочешь сказать, их убили? – нахмурившись, спросила Исана.

– Я хочу сказать, что они пропали, – ответил Арик. – Ночью они были на пастбище. Утром мы обнаружили, что они исчезли. Никаких следов. Крови нет. Тел нет. Ничего.

– Это... странно, – удивленно приподняв брови, сказала Исана. – Кто-то ворует скот?

– Я так думал, – сказал Арик. – Я взял двоих заклинате-

лей дерева, и мы отправились на холмы, чтобы выследить того, кто это делает. Мы искали лагерь – и нашли его. – Арик сделал большой глоток вина. – У нас сложилось впечатление, будто там было человек двадцать, но они ушли. Костры затоптаны, над одним мы обнаружили вертел, на котором остался кусок сгоревшего мяса. Повсюду лежали одежда, оружие, постели и инструменты, словно они встали и ушли, ничего не взяв с собой.

Бернард нахмурился еще сильнее, и Арик повернул к нему серьезное лицо:

– Это было... неправильно. И страшно. Не знаю, как еще описать то, что мы увидели, но волосы у нас встали дыбом. Становилось темно, я собрал своих людей, и мы постарались как можно быстрее вернуться в домен. – Он немного побледнел. – Один из них, Гримард... помните его, сударь, у него еще шрам через весь нос?

– Да, кажется, легионер из Аттики, ушел в отставку вместе со своим кузеном. Я видел, как он прикончил пару воинов из клана Волка около второго гарнизона.

– Это он, – подтвердил Арик. – Он не добрался до домена.

– Почему? – спросила Исана. – Что случилось?

Арик покачал головой:

– Мы растянулись в линию, и я шел посередине. Он находился в пяти ярдах от меня. Я его видел, потом на мгновение отвернулся, а он исчез. Просто... исчез. Без единого звука. Никаких следов. Так, словно его и не было вовсе. – Арик

опустил голову. – Я испугался и побежал. Мне не следовало этого делать.

– Бóроны, мальчик, – пробормотал Бернард, продолжавший хмуриться. – Разумеется, тебе именно это и следовало сделать. Я бы от такого до смерти перепугался.

Арик взглянул на него и снова опустил голову, не в силах справиться со стыдом:

– Не знаю, что я скажу жене Гримарда. Мы надеемся, что он еще жив, но... – Арик покачал головой. – Только я не думаю, что это так. Мы имеем дело не с бандитами или мара-тами. Не знаю, почему мне так кажется. Просто...

– Интуиция, – подсказал Бернард. – Никогда не отмахивайся от ее подсказок. Когда это произошло?

– Прошлой ночью. Я приказал не выпускать детей за стены домена и велел покидать его только группами не меньше четырех человек. Сегодня утром я сразу же отправился к Исане, чтобы с ней поговорить.

Бернард вздохнул и взглянул на Амару. Та кивнула, встала и подошла к двери. Исана услышала, как она что-то прошептала, прикоснувшись к двери, на мгновение у нее заболели уши, а потом все прошло.

– Теперь мы можем говорить свободно, – сказала Амара.

– О чем говорить? – спросил Арик.

– О том, что мы сегодня утром узнали от Дороги, – ответил Бернард. – Он говорит, у нас появилось какое-то чудовище, которое называется вордом. Оно жило в Восковом лесу,

но произошло что-то, заставившее его покинуть свой дом.

Исана с мрачным видом выслушала Бернарда, рассказавшего о том, что им поведал Дорога о необычном существе.

– Ну, не знаю, граф, – с сомнением сказал Арик. – Я ни о чем таком не слышал. Чудовище, пьющее кровь и меняющее свое обличье? Мы бы непременно о таком знали, разве нет?

– Если верить Дороге, к тому времени, когда ты о нем узнаешь, возможно, будет уже слишком поздно, – сказал Бернард. – Если он не ошибся относительно гнезда на Гарадосе, это может объяснить исчезновение твоих людей, Арик.

– А вы уверены, что он это не выдумал? – спросил Арик.

– Нашим целителям пришлось потратить немало сил, чтобы хоть как-то помочь двум сотням маратов и по меньшей мере такому же количеству животных. Такое в шутку не делается. Если Дорога говорит, что он потерял почти две тысячи человек, я ему верю.

И он рассказал конец истории Дороги.

Исана сложила на груди руки, и ее передернуло.

– А как насчет третьего гнезда?

Бернард и Амара переглянулись, и Исане не понадобилось прибегать к помощи своей фурии, чтобы понять, что ее брат врет.

– Дорога отправил за ним своих людей. Как только мы его найдем, мы нанесем по нему удар. Но я хочу сосредоточить все наше внимание на гнезде, о котором нам известно.

– Две тысячи человек, – пробормотал Арик. – Как мы мо-

жем напасть на их гнездо? У нас во всей долине нет такого количества людей, Бернард.

– У маратов не было рыцарей. У нас они есть. Думаю, мы сможем по крайней мере удерживать на месте этот ворд, пока не прибудет подкрепление из Ривы.

– Если помощь из Ривы прибудет, – сказала Исана.

Бернард резко вскинул голову и посмотрел на нее:

– В каком смысле?

– Ты видел, как Арик отреагировал, когда ты сказал ему, от кого узнал про необычное существо, а он с Дорогой знаком. Пусть тебя не удивит, если консул Ривы не пожелает серьезно отнестись к словам варвара.

Амара прищурилась и прикусила губу:

– Возможно, она права. Рива ненавидит маратов по целому ряду причин.

– Но алеранцы умирают, Амара, – напомнил ей Бернард.

– Твои слова звучат разумно, – сказала Амара, – но это не значит, что консул Ривы поведет себя так, как мы рассчитываем. У него и без того весьма ограниченные средства после перестройки гарнизона и помощи в восстановлении доменов. И у него совсем опустеют карманы, если ему придется мобилизовать легион. Он постарается этого избежать, если не будет абсолютной необходимости, и он, вне всякого сомнения, сделает все, что в его силах, чтобы не тратить деньги на страшилки, рассказанные каким-то варваром, не имеющим в своем распоряжении фурий. Кроме того, вполне

возможно, он уже уехал в столицу, чтобы присутствовать на Зимнем фестивале.

– А возможно, и нет.

Амара подняла руку в успокаивающем жесте:

– Я только хочу сказать, что нам будет трудно получить помощь на основании наблюдений вождя марафов. Консул Ривы презирует Дорогу.

– Я предпочитаю делать что-нибудь, а не сидеть сложа руки. Да и в любом случае я уже отправил туда гонца. Мы не можем позволить себе терять время.

– Почему? – спросил Арик.

– Дорога говорит, что гнездо будет размножаться и через неделю разделится на три. Если мы не разберемся с тем гнездом, которое находится в долине, ворд размножится быстро и нам не удастся его поймать и уничтожить. В этом случае, если Рива не ответит немедленно, нам придется рассчитывать только на свои силы.

Арик кивнул, хотя вид у него был совсем не радостный:

– Чем я могу помочь?

– Возвращайся в свой домен, – сказала Амара. – Начни наполнять емкости питьевой водой, готовь ванны для целителей, бинты и все такое. Используй свой домен в качестве базы, пока мы не найдем гнездо.

– Хорошо, – ответил Арик, вставая из-за стола. – В таком случае я должен немедленно вернуться домой.

– Путешествовать после наступления темноты может быть

опасно, – предупредила его Амара.

– Я обойду гору по большому кругу, – ответил Арик. –
Мое место с моими людьми.

Бернард несколько мгновений смотрел на него, затем кивнул:

– Будь осторожен, доминус.

Они попрощались, и Арик вышел из кабинета. Когда дверь за ним закрылась, Амара повернулась к Исане и протянула ей конверт.

– Что это? – спросила Исана.

– Приглашение на Зимний фестиваль от Короны.

Исана удивленно подняла брови:

– Но он состоится через несколько дней.

– Мне дали понять, что правитель уже отправил нескольких рыцарей Воздуха, чтобы они доставили тебя в столицу.

Исана покачала головой.

– Боюсь, это невозможно, – сказала она. – В особенности до того, как будет решена проблема с вордом. Здесь потребуются целители.

– Это не просьба, домина Исана, – нахмурившись, сказала Амара, взглянув на нее. – Ты нужна в столице. Ты стала настоящим яблоком раздора.

Исана удивленно заморгала:

– Правда?

– Правда. Сделав тебя доминой, Гай довольно недвусмысленно установил своего рода равенство между мужчинами

и женщинами. В результате многие посчитали это разрешением предоставить женщинам кое-какие права, в которых прежде им было отказано. А другие воспользовались новой ситуацией самым бесстыдным образом. В различных городах за рабынь стали назначать такую же цену, как и за мужчин-рабов. Консорциум работорговцев в ярости и требует от Короны закона, восстанавливающего прежнее положение, а Лига Дианы выступает против этого.

– Я не вижу, какое все это имеет отношение к моему присутствию на фестивале.

– В Сенате равновесие власти начало нарушаться. Гаю требуется поддержка Лиги Дианы, если он хочет, чтобы Сенат не вышел из-под контроля. Поэтому ты нужна ему в столице, на фестивале, чтобы все в стране видели тебя и то, как сильно ты его поддерживаешь.

– Нет, – холодно сказала Исана. – Здесь у меня более важные обязанности.

– Важнее стабильности государства? – спросила Амара мягко. – Да уж, ты, наверное, очень занятой человек.

Исана резко поднялась на ноги, прищурилась и сердито сказала:

– Я не желаю, чтобы девчонка вроде тебя объясняла мне, каков мой долг.

Потрясенный, Бернард встал и посмотрел на сестру:

– Сана, прошу тебя.

– Нет, Бернард, – сказала она. – Я не дрессированная со-

бачка Гая и не собираюсь сидеть у его ног или прыгать через кольцо, когда он щелкнет пальцами.

– Ясное дело, – вмешалась Амара. – Но ты единственный человек, который может дать столь необходимое ему преимущество, чтобы предотвратить гражданскую войну в стране. Вот почему кто-то приказал тебя убить – или такая мысль не приходила тебе в голову?

Бернард положил теплую руку на плечо Исане, чтобы успокоить ее, но слова Амары отрезвили ее, точно ведро ледяной воды.

– Гражданская война? Неужели дошло до этого?

Амара сердитым движением отбросила с лица волосы:

– И с каждым днем ее вероятность становится все сильнее. Консорциум работорговцев поддерживают несколько южных городов, а северные и города у Защитной стены выступают на стороне Лиги Дианы. Сейчас просто необходимо, чтобы Гай сумел удержать в руках большинство в Сенате, а Лига Дианы – тот рычаг, в котором он нуждается. Мне приказано сообщить тебе это, а затем сопроводить тебя и твоего брата в столицу.

Исана снова медленно села:

– Но ситуация изменилась.

– Если Дорога прав насчет ворда, – кивнув, сказала Амара, – тот может оказаться страшным врагом и представлять для нас серьезную опасность. С ним нужно покончить безотлагательно, поэтому мы с Бернардом останемся здесь и при-

соединимся к тебе, как только сможем.

– А еще нам кажется, мы знаем, куда направляется третья группа ворда, – глухо сказал Берnard.

Исана подняла брови.

Бернард потянулся за мешком, который привез с собой, и вытащил из него старый потрепанный рюкзак из кожи.

– Разведчики Дороги нашли его около дороги, ведущей в столицу.

Исана удивленно посмотрела на рюкзак:

– Разве это не старый рюкзак Линялого?

– Именно, – ответил Берnard. – Но Линялый отдал его Тави перед тем, как он вошел в Восковой лес. Тави потерял его там во время сражения. Его запах пропитал весь рюкзак.

– Кровь и вóроны! – выругалась Исана. – Ты хочешь сказать, что чудовище преследует Тави?

– Судя по всему, – подтвердила Амара. – Рыцари Воздуха прибудут утром. Исана, ты должна добраться до столицы и добиться аудиенции у Гая как можно скорее. Расскажи ему про ворд и сделай так, чтобы он тебе поверил. Необходимо найти гнездо и остановить чудовище.

– А почему ты не можешь отправить к нему гонца вместо меня?

– Слишком рискованно, – ответил Берnard. – Гонец может по какой-то причине задержаться, или Гай будет слишком занят подготовкой к празднику, а нам здесь совсем не помешала бы помощь.

– Он тебя обязательно примет, домина Исана, – добавила Амара. – Возможно, ты единственная, кто сможет нарушить протокол и пробиться к нему сразу по прибытии в столицу.

– Хорошо. Я все сделаю. Я с ним поговорю, – сказала Исана. – Но лишь после того, как буду уверена, что Тави ничего не угрожает.

Амара поморщилась, но кивнула:

– Спасибо. В мои намерения не входило отправлять тебя в это осиное гнездо в одиночестве и без поддержки. Там будет много людей, которые станут проявлять к тебе интерес. Некоторые из них могут быть очень фальшивыми и опасными. Я обеспечу тебя сопровождением – человеком, которому я доверяю. Его зовут Недус. Он встретит тебя в цитадели и сумеет помочь.

Исана молча кивнула и встала:

– Спасибо, Амара. Я справлюсь.

Она сделала шаг к двери и, покачнувшись, чуть не упала, но Бернارد успел ее подхватить:

– Эй, с тобой все в порядке?

Исана закрыла глаза и покачала головой:

– Просто мне нужно отдохнуть. Завтра придется рано встать. – Она открыла глаза и с мрачным видом посмотрела на брата. – Ты будешь осторожен?

– Я буду осторожен, – пообещал он. – Если ты мне обещаешь то же самое.

Она слабо улыбнулась в ответ:

– Договорились.

– Не волнуйся, Сана, – пророкотал он. – Мы позаботимся о том, чтобы никому ничто не угрожало. В особенности Тави.

Исана кивнула и направилась к двери, на сей раз увереннее.

– Непременно.

Если, конечно, они еще не опоздали.

Глава 7

С того момента, когда он увидел, как люди домины Исаны нашли ее, и до захода солнца Фиделиас успел пробежать более ста миль и покинуть долину Кальдерон. Фурии мощенной камнем дороги отдали свою силу его фурии земли, а через нее самому Фиделиасу. Хотя ему было уже под шестьдесят, он почти не устал после столь продолжительного бега. Он побежал медленнее, когда показался постоянный двор, и последние несколько сотен ярдов прошел, тяжело дыша и чувствуя, как слегка ноют от усталости руки и ноги. Серые тучи тут и там закрывали огненный закат, и вскоре пошел дождь.

Фиделиас набросил на голову капюшон плаща. За последние годы у него осталось совсем мало волос, и, если он не прикрывал голову, дождь мог доставить ему неприятные ощущения, да и навредить здоровью. Ни один уважающий себя шпион не позволит себе простудиться. Он представил себе, какие опасные последствия могли бы возникнуть, если бы он чихнул или кашлял, находясь в сарае вместе с Исаной и потенциальным убийцей.

Он не имел ничего против того, чтобы погибнуть, выполняя задание, но добровольно отдал бы себя на растерзание вóронам, если бы причиной неудачи стала такая ерунда, как простуда.

Постоялый двор был самым обычным для северной части страны – стена высотой в десять футов, окружающая общий зал, конюшня, пара низких жилых домов и скромная кузница. Фиделиас прошел мимо зала, где путники сидели за столами, поглощая горячую еду. В животе у него заурчало. Музыка, танцы и выпивка появятся позднее, а до тех пор он не станет рисковать, чтобы его случайно не узнал кто-нибудь из скучающих посетителей, которым ничего не остается, как глазеть по сторонам да болтать со своими приятелями.

Фиделиас вошел во второй дом, тихо поднялся по лестнице, открыл дверь комнаты, расположенной дальше всего от входа, и задвинул за собой засов. Пару мгновений он рассматривал кровать, поскольку у него отчаянно болели все мышцы, но решил, что долг превышает всего. Он вздохнул, развел огонь в камине, отбросил в сторону плащ и налил в широкую миску воды из графина. Затем он достал из своей сумки маленький флакончик, открыл его и вылил в нее немного воды из глубоких источников под цитаделью в Аквитании.

Вода в миске почти сразу же заволновалась, по ней пошли круги, на поверхности появился удлинённый пузырь, который начал раскачиваться из стороны в сторону, превращаясь в миниатюрную фигурку женщины лет тридцати в вечернем платье. Она была не столько красивой, сколько эффектной.

– Фиделиас, – сказала женщина, и ее мягкий голос прозвучал едва слышно, словно издалека. – Ты поздно.

– Госпожа Инвидия, – ответил Фиделиас и поклонился. – Боюсь, наши противники не слишком считаются с нашим временем.

Она улыбнулась:

– Агент убит. Тебе удалось узнать о нем что-нибудь определенное?

– Ничего конкретного, но у него был каларанский разделочный нож, и он знал свое дело, – ответил Фиделиас.

– Каларанский мясник, – сказала женщина. – Значит, слухи подтверждаются. У Калара имеются собственные курсы.

– Очевидно.

Она рассмеялась:

– Только человек, наделенный прямотой и целостностью, сможет удержаться и не сказать: «Я же вам говорил».

– Спасибо, госпожа.

– Что произошло?

– Ему почти удалось добиться успеха, – доложил Фиделиас. – Когда его первый план провалился, он запаниковал и напал на нее со своим разделочным ножом.

– Домина убита?

– Нет. Она почувствовала его присутствие за мгновение до того, как он ее атаковал, и убила его вилами.

Брови женщины удивленно поползли вверх.

– Впечатляюще.

– Она потрясающая женщина, госпожа, даже если забыть

на время о том, что она заклинательница воды. Могут ли я спросить, каковы результаты собрания Лиги?

Изображение женщины склонило голову набок, задумчиво разглядывая его.

– Они приняли решение поддерживать и поощрять новый статус домины Исаны.

– Понятно, – кивнув, сказал Фиделиас.

– Тебе понятно? – переспросила женщина. – Ты правда понимаешь, что это может означать? И как повлияет на нашу историю?

Фиделиас поджал губы:

– Полагаю, со временем это будет означать установление легального и политического равенства полов. Я пытаюсь не думать с точки зрения истории. Меня интересует лишь практическая сторона вопроса и какие она будет иметь последствия.

– В каком смысле?

– А в том смысле, что первым делом это скажется на экономике, а затем на политике. Признание женщины в качестве полноправного гражданина мгновенно повлияет на торговлю рабами. Если женщины-рабыни будут стоить столько же, сколько и рабы-мужчины, это нанесет огромный ущерб экономике южных городов. Вот почему, судя по всему, Калар отправил человека с приказом убить Исану из Кальдерона.

– Консул Калар развратная свинья, – сказала Инвидия

спокойно. – Я уверена, у него случился припадок, когда он услышал новости про домину Исану.

Фиделиас прищурился:

– А Первый консул совершенно точно знал, как отреагирует консул Калар.

Ее губы искривились в насмешливой улыбке.

– Именно. Гай очень умело разделил своих врагов при помощи данного назначения. Интересы и союзники моего мужа находятся на севере, а интересы Калара – на юге. Если домина будет поддерживать Первого консула, он может сделать так, что Лига Дианы перестанет выступать на стороне моего мужа.

– А разве они не пойдут за вами, госпожа?

Инвидия помахала рукой:

– Ты мне льстишь; к сожалению, я не до такой степени контролирую Лигу. Никому это не под силу. Просто мой муж понимает, какие преимущества ему дает поддержка Лиги, а члены Лиги видят, что могут получить в ответ. Наши отношения строятся на взаимной выгоде.

– Насколько я понимаю, ваши союзники и соратники знают, что происходит.

– Разумеется, – ответила Инвидия. – Судьба женщины будет демонстрацией компетентности моего мужа. – Она устало покачала головой. – Разрешение этой ситуации имеет огромное значение. Наш успех укрепит союзы моего мужа и одновременно ослабит веру тех, кто пошел за Каларом.

Неудача самым фатальным образом может повлиять на будущее.

– Мне кажется, время для конфронтации с Каларом еще не пришло.

Она кивнула:

– Вне всякого сомнения, я бы не стала выбирать это время и место, но, даровав гражданство женщине, Гай вынудил Калара действовать. – Она помахала рукой, показывая, что разговор закончен. – Однако конфронтация с фракцией Калара была неизбежна.

Фиделиас кивнул:

– Что я должен делать, госпожа?

– Отправиться в столицу на Зимний фестиваль.

Фиделиас несколько мгновений не сводил с нее глаз:

– Вы шутите.

– Нисколько, – сказала она. – Исана будет официально представлена стране и Сенату во время завершения фестиваля в качестве акции публичной поддержки Гая. Мы должны этому помешать.

Фиделиас мгновение смотрел на водное изображение, и его охватило такое бессилие и раздражение, что он не смог скрыть этого, и оно прозвучало в его голосе.

– На меня объявлена охота. Если кто-нибудь увидит меня в столице, где многие знают меня в лицо, меня обязательно схватят, подвергнут допросу и убьют. Не говоря уже о том, что эта женщина тоже меня видела.

– И что? – удивленно посмотрела на него Инвидия.

Он постарался изгнать все эмоции из своего голоса:

– Это может помешать мне передвигаться по городу.

– Фиделиас, ты один из самых опасных людей из всех, кого я знаю, – мягко сказала Инвидия. – И вне всякого сомнения, самый изобретательный. – Она наградила его очень откровенным, почти страстным взглядом. – Именно это делает тебя таким привлекательным. Ты справишься. Таков приказ моего мужа – и мой.

Фиделиас стиснул зубы и кивнул:

– Слушаюсь, сударыня. Я... постараюсь что-нибудь придумать.

– Замечательно, – ответила женщина. – Если Исана поддержит Гая, это может стоить моему мужу союза с Лигой Дианы. Ты должен помешать этому любой ценой. Наше будущее – и твое – зависит от твоих действий.

Изображение скользнуло на дно миски и исчезло. Фиделиас некоторое время мрачно смотрел на воду, затем выругался и швырнул миску в противоположный угол комнаты. Керамическая миска разбилась на мелкие осколки, ударившись о камни камина.

Фиделиас потер мокрыми руками лицо. Невозможно. То, о чем его просили консул Аквитейн и его жена, было невозможно сделать. Это его убьет.

Фиделиас поморщился. Пытаться заснуть бессмысленно, от напряжения, охватившего его после разговора с Инвиди-

ей, у него даже аппетит пропал. Он переоделся в сухую одежду, схватил плащ и свои вещи и вышел в темную ночь.

Глава 8

У Тави отчаянно болели ноги из-за того, что он сидел скорчившись на крыше дома, откуда был хорошо виден Домус маллеус – здание, в котором когда-то находилась огромная кузница, а теперь одна из самых популярных таверн в Купеческом квартале города Алера. День отступал под натиском сумерек, и по улицам поползли тени. Лавочники и мелкие торговцы закрывали на ночь окна и двери и убирали свои товары до утра, когда рынок откроется снова. Аромат свежего хлеба и жарившегося мяса наполнял воздух.

У Тави свело ногу, и он понял, что она затекла. Неподвижность и терпение – необходимые качества любого охотника, а дядя научил Тави всему, что знал сам про выслеживание и охоту. На скалистых тропинках Тави умел разыскать огромных овец, которых выращивал его дядя, находил заблудившихся лошадей и телят, умел идти по следу и изучил повадки диких котов и танадентов, нападавших на скот.

А в качестве заключительного урока дядя научил его выслеживать оленей, бесшумных, пугливых и таких быстрых, что только очень умелый и настойчивый охотник мог рассчитывать на удачу. Вор не был горным оленем, но Тави пришел к выводу, что коварный преступник, которого не смогли поймать даже опытные гражданские legionеры, наделен многими его качествами. Он исключительно осторожен, об-

ладает быстротой и ловкостью. Поймать такого можно, только поняв, чего он хочет и куда направится, чтобы это получить.

Поэтому Тави полдня разговаривал с офицерами легиона, расспрашивая их о том, где побывал вор и что он там взял. У преступника были весьма эклектичные вкусы. Ювелир лишился ценной серебряной булавки для плаща и набора гребней из черного дерева – но вор не тронул более дорогие украшения, имеющиеся в лавке. У портного он украл три очень дорогих плаща. У сапожника – пару сапог из кожи гарима. Однако главным образом пострадали таверны, продуктовые лавки и пекарни, куда вор регулярно наведывался по ночам.

Кем бы он ни был, деньги его не интересовали. На самом деле, если проанализировать список того, что он украл, создавалось впечатление, будто он делал это только ради удовольствия, исключительно повинувшись порыву. Однако постоянные набеги на кухни и кладовые указывали на то, что у него было нечто общее с горными оленями из родных мест Тави.

Вор был голоден.

Как только Тави это понял, остальное было уже не так трудно. Он просто дождался момента, когда в тавернах начнут готовить ужин, а затем отправился, следуя указаниям своего носа, туда, где пахло соблазнительнее всего. Он отыскал удобное место для наблюдения за входом на кухню и устроился там, дожидаясь момента, когда олень явится за до-

бычей.

Тави не слышал и не заметил, как пришел вор, но на шее у него зашевелились волосы, а по спине пробежал диковинный холодок. Он замер на месте, не решаясь даже дышать, а через мгновение увидел осторожную безмолвную тень, закутанную в темный плащ, которая скользнула через конек крыши Домус маллеус и легко спрыгнула на землю рядом с дверью на кухню.

Тави спустился на улицу и бросился в переулок, расположенный позади таверны. Он прошел несколько шагов и спрятался в глубокой тени, дожидаясь, когда появится вор.

Он вышел из кухни всего через пару мгновений, пряча что-то под плащом. Тави задержал дыхание, когда вор бесшумно зашагал по переулку в его сторону и прошел совсем рядом с ним. Тави дождался, когда тот окажется чуть впереди, затем выскочил из тени, ухватился за плащ вора и резко потянул на себя.

Тот отреагировал с быстротой дикой кошки. Он развернулся, когда Тави схватился за его плащ, и швырнул ему в голову горшок с обжигающе горячим супом. Тави метнулся в сторону, и тогда вор бросил в него тарелку с жареным мясом, которая угодила Тави в грудь. Он покачнулся и сделал шаг назад, потеряв равновесие. Вор же мгновенно развернулся и помчался прочь.

Тави быстро восстановил равновесие и устремился в погоню. Вор летел вперед с безумной скоростью, и Тави едва

за ним поспевал. Они молча бежали по темным улицам и аллеям, тут и там освещенным теплым сиянием разноцветных заговоренных ламп. Вор отшвырнул в сторону бочонок, когда они пробежали мимо лавки бондаря, и Тави пришлось через него перепрыгнуть. Почувствовав под ногами твердую почву, он бросился на спину вору, промахнулся, но сумел схватить его за ногу, потянул на себя, и тот, покачнувшись, упал на землю.

Безмолвная и отчаянная схватка продолжалась всего несколько секунд. Тави хотел прижать к земле руку вора, но его противник оказался слишком изворотливым и попытался стукнуть Тави локтем в лоб. Тави увернулся, но вор сумел сильно ударить ребром ладони ему по челюсти. У Тави искры посыпались из глаз, он невольно выпустил вора, тот вскочил на ноги и исчез в темноте прежде, чем Тави успел прийти в себя.

Он бросился за ним, но вор сумел сбежать. Тави громко выругался, выскочил из темного переулка и помчался в сторону Домус маллеус. По крайней мере, решил он, за свои старания он заслужил хороший ужин.

Он свернул на освещенную улицу и тут же налетел на высокого прохожего.

– Тави? – удивленно спросил Макс. – Что ты здесь делаешь?

– А ты что здесь делаешь? – удивленно моргая, поинтересовался Тави.

– На меня напал хмурый студент из Кальдерона, – ответил Макс, ухмыляясь и поправляя плащ.

Вокруг них собирался густой холодный туман. Тави почувствовал, что дрожит, когда вечерний воздух коснулся его разгоряченной кожи.

– Извини. Похоже, я слишком рассеян сегодня, – сказал он, качая головой. – Правда, что ты здесь делаешь?

– Неподалеку отсюда живет симпатичная вдовушка, – улыбнувшись, сказал Макс. – Когда на город опускается туман, она очень сильно страдает от одиночества.

– В это время года туман опускается на город каждую ночь, – сказал Тави.

– Я тоже это заметил, – широко ухмыляясь, заявил Макс.

– Да, не зря тебя многие не переносят.

– Зависть часто встречается среди мелких людишек, – с важным видом сказал Макс. – Ладно, теперь моя очередь. А ты что здесь делаешь? Золотому мальчику Гая не годится расхаживать по улицам после наступления комендантского часа.

– Я тут кое с кем встречаюсь, – ответил Тави.

– Ясное дело, – добродушно заявил Макс. – С кем?

– Не ты один потихоньку выбираешься из Академии после наступления темноты.

Макс громко расхохотался.

– Что тут смешного? – с мрачным видом поинтересовался Тави.

– Нет сомнений, что ты встречаешься не с девушкой.

– Откуда ты знаешь? – спросил Тави.

– Потому что даже девственник вроде тебя постарается выглядеть поприличнее, чем ты выглядишь сейчас. Ванна, чистая одежда, расчесанные волосы и все такое. А у тебя такой вид, будто ты валялся по земле.

Тави смущенно покраснел:

– Заткнись, Макс, и иди к своей вдовушке.

Но Макс прислонился к стене таверны и сложил на груди руки.

– Я ведь мог хорошенько треснуть тебя по голове. Тогда ты не только не налетел бы на меня, но даже не понял бы, что произошло, – сказал Макс. – Это на тебя не похоже. С тобой все в порядке?

– Просто я очень занят, – ответил Тави. – Я весь день делал домашнее задание по математике после сегодняшнего теста у Киллиана...

– Мне очень жаль, что у тебя не слишком хорошо получилось, Тави, – поморщившись, сказал Макс. – Киллиан, конечно, пользуется помощью фурий, чтобы слепота не мешала ему передвигаться в пространстве, но вот твоих достоинств он разглядеть не сумел.

Тави пожал плечами:

– Я ничего другого и не ожидал. А сегодня ночью мне нужно идти к Гаю.

– Опять? – удивленно спросил Макс.

– Угу.

– В таком случае почему же ты не пытаешься хотя бы немного поспать?

Тави уже собрался отмахнуться от него, но в следующее мгновение прищурился и улыбнулся:

– Ага. А чего же ты не бежишь к своей нетерпеливой вдовушке, Макс?

– Еще рано. Она подождет, – ответил Макс.

– Подождет, пока ты не покончишь с тестом для Киллиана? – спросил Тави.

Плечи Макса напряглись.

– Ты это о чем?

– О твоём личном тесте, – ответил Тави. – Киллиан дал тебе персональное задание. Отправил тебя узнать, чем я занимаюсь.

Макс не смог скрыть своего удивления, затем закатил глаза:

– Киллиан, судя по всему, велел тебе хранить свои дела в тайне, уж не знаю, что это такое.

– Разумеется. И я тебе ничего не скажу.

– Вбóроны, Кальдерон! Ты такой умный, что мне иногда хочется как следует тебе врезать.

– Зависть часто встречается среди мелких людишек, – заявил Тави и улыбнулся. Макс сделал вид, будто собирается его ударить, и Тави слегка сдвинулся в сторону. – И как давно ты за мной следишь?

– Пару часов. Потерял тебя, когда ты слез с крыши.

– Если бы Киллиан узнал, что я тебя видел, он бы тут же поставил тебе «неуд.».

Макс приподнял одно плечо.

– Это всего лишь тест. Мне приходится иметь дело с самыми разными испытаниями с тех пор, как я научился ходить.

– Консул Антиллус был бы недоволен твоей неудачей.

– Ну, теперь меня замучает бессонница, – протянул Макс.

– А вдова и в самом деле имеется? – снова улыбнувшись, спросил Тави.

– Даже если бы таковой не было, я могу легко найти подходящую кандидатуру, – ухмыльнувшись, заявил Макс. – Или в случае необходимости сделать кого-нибудь вдовой, – добавил он.

Тави фыркнул:

– И какие у тебя планы на сегодняшнюю ночь?

– Я могу еще немного походить за тобой, – поджав губы, ответил Макс, – но мне кажется, это будет нечестно. – Он быстро изобразил букву «Х» на своем животе. – Клянусь, я оставлю тебя в покое вместо того, чтобы отнимать час сна, когда ты будешь пытаться от меня оторваться.

Тави кивнул и благодарно улыбнулся другу. Макс поклялся, что говорит правду, прибегнув к древнему северному обычаю.

– Спасибо, – сказал Тави.

– Но я непременно узнаю, чем ты тут занимался, – заявил Макс. – Не ради Киллиана, а потому, что кто-нибудь должен тебе показать, что ты не такой умный, как тебе кажется.

– В таком случае тебе лучше отправиться спать, Макс. Такое может случиться только в твоих снах.

В темноте блеснули белые зубы Макса, когда Тави принял его вызов. Он тихонько стукнул себя кулаком по груди, изображая легионерский салют, и исчез в туманной ночи.

Как только Макс ушел, Тави потер грудь, которая еще болела в том месте, куда в нее угодила тарелка, и решил, что синяка ему не избежать. Большого синяка. Но по крайней мере, он получит приличный ужин за свои мучения. И он шагнул на порог таверны.

Громадные часы на башне цитадели начали отбивать время, и каждый удар наполнял воздух низким вибрирующим грохотом, от которого вода в котелках, наверное, принялась волноваться, а следом раздался перелив высоких пронзительных звуков, прекрасных и одновременно печальных.

Часы пробили девять раз, и Тави выругался. Времени на ужин не осталось. Если он поторопится, у него уйдет еще примерно час на то, чтобы добраться по улицам Алеры до цитадели Первого консула, а затем спуститься в подземелье под ней. Он придет туда грязный и потный, да еще почти на час позже приступит к исполнению своих обязанностей перед Первым консулом.

А утром у него контрольная по истории.

А еще ему не удалось поймать вора, о котором рассказал Киллиан.

Тави покачал головой и помчался по улицам столицы. Не успел он пробежать и двести ярдов, как в небе загрохотал гром и начался проливной дождь.

– Да, ты настоящий герой государства, – пробормотал Тави и отправился к Первому консулу.

Запыхавшийся, грязный, опоздавший на свой пост, Тави остановился у двери комнаты Первого консула. Он решил было привести в порядок плащ и тунику, но тут же оставил все попытки, понимая, что от них не будет никакой пользы. Только отряд опытных чистильщиков и прачек мог привести его одежду в приличный вид. Он прикусил губу, убрал с лица мокрые пряди волос и вошел внутрь.

Гай снова стоял на мозаичных плитках, окутанных переплетающимися разноцветными лентами. Он сгорбился, словно от невероятной усталости или боли. Его лицо приобрело пепельный оттенок, а щетина на небритом лице была совершенно седой. Но страшнее всего были его глаза. Они ввалились, превратившись в темные ямы, белки покраснели, а зрачки потускнели и словно выцвели. В них горел свирепый нездоровый огонь – не решимость, гордость и сила, к которым Тави привык, а нечто более хрупкое и пугающее.

Гай хмуро на него посмотрел и сердито рявкнул:

– Ты опоздал!

Тави низко склонил голову и, не поднимая ее, сказал:

– Да, принцепс. У меня нет оправданий.

Гай молчал несколько мгновений, а потом снова закашлялся. Он раздраженно махнул рукой в сторону плиток на полу, разрушив цветной рисунок, и сел у маленького бюро, стоявшего у стены, дожидаясь, когда приступ кашля пройдет. Первый консул сидел с закрытыми глазами и делал короткие быстрые вдохи.

– Принеси мне из шкафа мое вино со специями, мальчик.

Тави тут же выпрямился и подошел к шкафу, стоявшему около скамейки в прихожей. Тави налил вино и протянул Гаю. Тот выпил его и поморщился. После этого он уставился на Тави с мрачным выражением лица:

– Почему ты опоздал?

– Зачетные испытания, – ответил Тави. – Они отняли у меня больше времени, чем я планировал.

– Понятно, – сказал Гай. – Когда я учился, со мной такое тоже случалось. Но это не может служить оправданием опозданию на службу, мальчик.

– Да, принцепс.

Гай снова закашлялся, поморщился и протянул Тави бокал, чтобы тот его снова наполнил.

– Правитель, с вами все в порядке?

Горечь и гнев снова вспыхнули в глазах Гая.

– Вполне.

Тави нервно облизнул губы:

– Но, правитель, мне кажется... вы обеспокоены.

На лице Гая появилась гримаса отвращения.

– Что ты можешь об этом знать? Мне кажется, Первому консулу лучше уродского подпaska известно, хорошо он себя чувствует или нет.

Слова Гая ранили Тави сильнее, чем если бы он ударил его кулаком. Он отступил на шаг назад и отвернулся:

– Прошу меня простить, принцепс. Я не хотел вас обидеть.

– Конечно не хотел, – ответил Гай и с такой силой стукнул своим бокалом о стол, что у него отбилась ножка. – Никто никогда не обижает того, кто наделен властью. Но твои слова указывают на полное отсутствие у тебя уважения к моему положению, моей способности принимать решения и ко мне.

– Нет, правитель, я не имел в виду...

Голос Гая зазвенел от гнева:

– Помолчи, мальчик! Я больше не намерен спокойно переносить то, что ты меня перебиваешь. Ты понятия не имеешь о том, что я должен сделать. Сколько я должен принести жертв, чтобы защитить государство, в котором консулы кружат около меня, точно стая шакалов! Или вóронов! Без малейшей благодарности! Без жалости! Без уважения!

Тави молчал, но Первый консул так кричал, что он с трудом разбирал слова. Еще никогда Тави не видел, чтобы тот до такой степени лишился выдержки.

– Вот, – сказал Гай, схватил Тави за воротник с неожиданной и пугающей силой и потащил его за собой в центр комнаты, где переплетающиеся цвета мозаики метались и пульси-

ровали, создавая облака света и тени, которые тут же сформировали карту государства.

Над центром мозаики Гай резко взмахнул свободной рукой, и цвета на карте потускнели, превратившись в изображение жуткого урагана, налетевшего на какой-то несчастный прибрежный городок.

– Видишь? – спросил Гай.

Тави был так зачарован этой картиной, что страх немного отступил. Изображение городка стало четче, словно они к нему приблизились. Он увидел людей, убежавших подальше от берега, но черная вода дотягивалась до них своими длинными руками. Море поглотило городок и его жителей, и вскоре все исчезло.

– Вбóроны, – прошептал Тави, и внутри у него все сжалось, он даже порадовался, что не успел поестъ. – А вы можете им помочь? – едва слышно спросил он.

Гай закричал, и его крик был похож на рев дикого зверя. Заговоренные лампы ярко вспыхнули, и воздух в комнате заволновался, превратившись в маленький циклон. Каменное сердце горы содрогнулось и задрожало, отвечая на ярость Первого консула, пол вспучился, и Тави упал.

– Как ты думаешь, что я делаю? – взревел Гай. – День и ночь! И все равно этого недостаточно!

Он резко развернулся и что-то выкрикнул диким голосом. Стул и стол, стоявшие в одном из углов комнаты, не просто охватило пламя – раздался оглушительный взрыв, потом

возникла вспышка света, волна обжигающего жара, и обуглившиеся обломки деревянной мебели заметались по комнате, отскакивая от стен и оставляя в воздухе пепельный след.

– Все пропало! Я пожертвовал всем, но этого все равно мало!

Голос Первого консула сорвался, и он упал на одно колено. Ветер, пламя и камень снова успокоились, и он вдруг превратился в пожилого человека – слишком быстро и сильно постаревшего в этом жестоком мире. Глаза еще больше запали, он задрожал и, схватившись обеими руками за грудь, закашлялся.

– Правитель, – с трудом выдавил из себя Тави и подошел к нему. – Прошу вас, позвольте мне позвать кого-нибудь, чтобы они вам помогли.

Кашель прекратился, но Тави решил, что это произошло из-за того, что у Гая отказали легкие, а не потому, что ему стало лучше. Старик затуманенными глазами посмотрел на изображение прибрежного городка, а потом сказал:

– Я не могу. Я попытался их защитить. Помочь им. Я пытался изо всех сил. Но я слишком много потерял. И потерпел неудачу.

Тави почувствовал, как на глаза ему навернулись слезы:

– Правитель.

– Потерпел неудачу, – прошептал Гай. – Я проиграл.

У него закатились глаза, из груди вырывалось неровное, тяжелое дыхание. Губы выглядели сухими, потрескавшимися.

ся, жесткими.

– Принцепс? – позвал его Тави. – Принцепс?

В наступившей тишине Тави пытался привести в чувство Первого консула, звал его по имени и титулу. Но Гай ему не отвечал.

Глава 9

И в это мгновение Тави осознал бесспорный и ужасающий факт – судьба Первого консула и таким образом всей Алеры оказалась полностью в его руках.

Он знал: то, что он сделает в следующее мгновение, будет иметь такие последствия, которые эхом отдадутся во всем государстве. Его первым побуждением было выскочить из комнаты с криками о помощи, но, следуя урокам мастера Киллиана, он заставил себя успокоиться, отрешиться от всех чувств и попытаться решить проблему с помощью холодной логики.

Он не мог позвать стражников. Они, вне всякого сомнения, тут же примчатся на помощь и приведут с собой целителей, которые позаботятся о Первом консуле, но тогда все узнают, что случилось. А если всем станет известно, что здоровье подвело Первого консула, это может обернуться катастрофой.

Тави не присутствовал на закрытых советах Первого консула, но прекрасно умел слушать и совсем неплохо соображал. Из обрывков разговоров, подслушанных им во время несения службы, он примерно знал, что происходит в стране. Положение Гая было довольно шатким из-за амбиций нескольких консулов. Он был пожилым человеком, не имеющим наследника, и, если они станут относиться к нему как

к слабому старику без наследника, могут начаться восстания, все, что угодно, – от официальных процессов в Сенате до полномасштабной вооруженной борьбы. В конце концов, именно по этой причине Гай провел реформу Коронного легиона – чтобы обеспечить безопасность своему правлению и снизить вероятность гражданской войны.

А еще это означало, что тот, кто решит отнять у Гая власть, будет вынужден за нее сражаться. Сама мысль о том, что легионеры и патриции Алеры могут начать друг с другом войну, была для Тави невозможной до событий Второй кальдеронской битвы. Однако Тави видел результаты применения фурий против солдат и граждан Алеры, и эти картины до сих пор являлись ему в ночных кошмарах.

Тави вздрогнул. Вброды и фурии, только не это!

Тави проверил состояние Гая. Его сердце билось, хотя и не слишком уверенно, дыхание было поверхностным. Тави ничего не мог для него сделать, а это означало, что ему потребуется чья-то помощь. Но кому он мог довериться в такой ситуации? Кому доверяет Гай?

– Дон Майлс, идиот, – услышал он собственный ответ. – Майлс, командир Коронного легиона. Первый консул ему доверяет, иначе не поручил бы командование пятью тысячами вооруженных людей, находящихся в стенах цитадели.

У Тави не было иного выбора, кроме как оставить лежащего без сознания старика и помчаться за опытным командиром. Он скатал свой плащ и положил его Гаю под голову,

затем схватил подушку с кресла и подsunул ему под ноги. Потом он развернулся и помчался по лестнице во второе ка-
раульное помещение.

Но, подойдя поближе, он услышал громкие голоса. Тави остановился, чувствуя, как громко колотится в груди сердце. Неужели кому-то уже стало известно, что случилось? Он осторожно прокрался вперед и вскоре смог разглядеть спины стражников на втором посту: легионеры, все до единого, стояли, положив руки на свое оружие. В следующее мгновение Тави услышал дружный топот ног, и стражники, которые отдыхали в соседней комнате, выскочили из нее, на ходу надевая кольчуги.

– Мне очень жаль, господин, – говорил Бартос, командир поста, – но принцепс никого не принимает, когда находится в своих личных покоях.

Голос, ответивший ему, не принадлежал человеку. Он был слишком глубоким и глухим, а слова диковинным образом растянуты и переплетены, словно они с трудом вырывались из рта с клыками.

Один из канимов начал спускаться по лестнице и навис над легионерами, собравшимися на посту.

Тави видел одного из самых опасных врагов Алеры всего раз за два года, и то издалека. Разумеется, он слышал самые разные истории о канимах, но они не подготовили его к впечатлению, которое тот на него произвел. Ни в малейшей степени.

Каним выпрямился во весь свой рост, почти доставая головой до потолка в десять футов высотой. Покрытое темным мехом существо стояло на двух ногах, но обладало массой трех могучих легионеров. Плечи казались слишком узкими для такого роста, а руки длиннее человеческих. Длинные толстые пальцы заканчивались черными когтями. Голова канима вызвала у Тави неприятные ассоциации с дикими волками, сопровождавшими клан Волка марафов, хотя она оказалась шире, а нос короче. Тави обратил внимание на массивные мышцы челюстей, он знал, что их острые, сверкающие желто-белые зубы могут легко перекусить человеку руку или ногу. Глаза канима сверкали янтарно-желтым огнем на алом фоне, поэтому создавалось впечатление, будто он смотрит на мир сквозь пелену крови.

Тави внимательно разглядывал диковинное существо. Каним был одет в костюм, похожий на те, какие носили алеранцы, хотя на него пошло гораздо больше ткани. Он предпочел серый и черный цвета, а поверх надел необычный круглый плащ, закрывавший спину и половину груди. Там, где проглядывал мех, белые полосы и пятна указывали на боевые шрамы. В одном треугольном ухе с рваными краями от старой раны висело блестящее золотое кольцо с черепом, вырезанным из какого-то камня цвета крови. Такое же кольцо сверкало в шерсти, покрывавшей левую руку, а на боку канима висел громадный кривой меч – с такими канимы идут в сражение.

Тави прикусил губу, узнав канима по одежде, манере держаться и внешности. Это был посол Варг, местный вождь канимов, выступавший здесь от имени своего народа.

– Возможно, ты меня не слышал, легионер! – прорычал Варг и оскалился, показав всем свои зубы. – Мне нужно встретиться с Первым консулом и поговорить с ним. И ты немедленно проведешь меня к нему.

– Со всем моим уважением, посол, – ответил Бартос, стиснув зубы. – Принцепс не предупредил меня о вашем визите, а я получил приказ позаботиться о том, чтобы его никто не беспокоил во время медитации.

Варг зарычал. Все до одного легионеры слегка от него отодвинулись – а они были лучшими солдатами государства. Тави сглотнул. Если боевые ветераны, сражавшиеся с канимами, боятся посла Варга, значит на то есть причины.

– Естественно, Гай не знал о моем визите, поскольку он не запланирован, – с презрением и яростью заявил Варг. – Вопрос, который я собираюсь с ним обсудить, имеет огромную важность для вашего и моего народов. – Он сделал глубокий вдох и снова показал всем свой арсенал зубов. Его когтистая рука с грохотом опустилась на стол. – Командир первого поста был исключительно вежлив. С твоей стороны также будет проявлением вежливости отойти в сторону и пропустить меня.

Бартос оглядел комнату, словно пытался найти выход из создавшегося положения.

– Это совершенно невозможно, – сказал он.

– Маленький человечек, – заявил Варг, и его голос опустился до едва различимого рычания. – Не испытывай мое терпение.

Бартос ответил не сразу, и Тави интуитивно понял, что это была ошибка. Колебания legionера говорили о его слабости, а вести себя так перед лицом агрессивного хищника равнялось приглашению к нападению. Если до этого дойдет, ситуация станет только хуже.

Тави понял, что должен действовать. Сердце отчаянно билось у него в груди от страха, но он заставил себя надеть холодную маску уверенности и быстро вошел в комнату стражи.

– Legionер Бартос, – сказал он звенящим голосом, – Первый консул требует к себе командира Майлса, немедленно.

В комнате мгновенно повисла напряженная тишина. Бартос повернул голову и, удивленно моргая, уставился на Тави. Тави никогда не разговаривал таким тоном с legionерами. Он решил, что извинится перед Бартосом позже.

– В чем дело, legionер? – сурово поинтересовался Тави. – Что ты тянешь? Немедленно отправь кого-нибудь за Майлсом.

– Хм, – проворчал Бартос. – Тут посол желает срочно встретиться с Первым консулом.

– Прекрасно, – заявил Тави. – Я сообщу принцепсу об этом, когда приведут Майлса.

Варг издал глухое рычание, которое ударило Тави в грудь.

– Неприемлемо. Ты проводишь меня в комнату Гая и скажешь ему, что я хочу его видеть.

Тави довольно долго молча смотрел на Варга, а затем чуть приподнял одну бровь:

– А вы кто?

Это было рассчитанное оскорбление, учитывая тот факт, что в цитадели все знали посла канимов, и Варг, естественно, все понял. В его янтарных глазах вспыхнула ярость, и он прорычал в ответ:

– Посол Варг из Кании!

– Понятно, – сказал Тави. – Боюсь, я не видел вашего имени в списке тех, кому на сегодня назначена аудиенция.

– Хм, – протянул Бартос.

Тави закатил глаза и сердито на него посмотрел:

– Первый консул желает немедленно видеть Майлса, легионер.

– О да, конечно, – пробормотал Бартос. – Нильс.

Один из его людей стороной обошел разъяренного канима и неспешно начал подниматься по лестнице. Тави знал, ему совсем не просто делать это в доспехах, следовательно пройдет некоторое время, прежде чем появится Майлс.

– Пусть дон Майлс пройдет к Первому консулу сразу, как только появится, – сказал Тави и развернулся, собираясь уйти.

Варг зарычал, и Тави повернулся, успев увидеть, как тот

отбросил Бартоса в сторону, точно тряпичную куклу. Каним двигался с невероятной скоростью, в один прыжок он оказался рядом с Тави и схватил его рукой с длинными пальцами и когтями. Варг приблизил свой рот к лицу Тави так, что тот видел только его громадные клыки. Дыхание канима было горячим, влажным, с запахом сырого мяса. От самого канима пахло очень непривычно, чем-то едва различимым и горьким, ничего подобного Тави до сих пор встречать не приходилось.

– Отведи меня к нему немедленно, мальчишка, а не то я разорву тебе глотку. Я устал от...

Тави одним ловким уверенным движением вытащил кинжал из-за пояса, прикрытого плащом, и с силой прижал его острие к горлу посла Варга.

Каним на мгновение удивленно замолчал, и его янтарные глаза превратились в кровавые щелочки.

– Я могу разорвать тебя на куски.

– Можете, – ответил Тави тем же уверенным, жестким, холодным и вежливым голосом. – После этого вы сразу же умрете, господин посол. – Тави говорил это и смотрел в глаза Варгу. Он был напуган до полусмерти, но знал, что ни в коем случае не должен показывать свой страх. – Вряд ли вы достойно послужите своему правителю, если умрете таким позорным образом. От руки человеческого детеныша.

– Отведи меня к Гаю, – настаивал на своем Варг. – Немедленно.

– Здесь правитель Гай, – ответил Тави. – А не вы, посол.

– Но не его когти находятся около твоего сердца, человеческий детеныш.

Тави почувствовал, что Варг надавил на его грудь сильнее. Тави сердито оскалился и нажал на кинжал под челюстью канима.

– Я, как и legionеры принцепса, повинуюсь приказам Гая, и нас не очень интересует, нравится вам это или нет. Сейчас вы меня отпустите, господин посол. Я передам вашу просьбу принцепсу, как только представится подходящая возможность, и принесу вам лично его ответ, когда он позволит мне это сделать. Или, если хотите, я перережу вам горло, вы разорвете меня на куски – и мы оба умрем без всякой уважительной причины. Выбирать вам.

– Ты думаешь, я боюсь смерти? – спросил каним.

Его темные ноздри раздувались, и он, оскалив зубы, продолжал внимательно изучать лицо Тави.

Тави не отводил глаз, моля всех святых, чтобы у него не дрожали руки, и продолжая давить на кинжал.

– Думаю, если вы умрете здесь, да еще вот так, это вряд ли принесет пользу вашему народу.

– Что ты знаешь про мой народ? – прорычал Варг.

– Что у них изо рта плохо пахнет, если судить по вашему дыханию.

Варг сжал кулаки, и Тави увидел, как у канима зашевелились когти.

Ему захотелось завопить, выругать себя за глупость, но он продолжал сохранять холодное, спокойное выражение лица и не опустил кинжала.

Варг вскинул голову и издал лающий звук. А потом выпустил Тави, который отступил на шаг.

– Зато от тебя пахнет страхом, мальчишка, – заявил Варг. – А еще ты карлик, даже с точки зрения твоего народа. И дурак. Но, по крайней мере, ты знаешь, что такое долг.

Каним склонил голову набок, обнажив часть своего горла. Жест выглядел невероятно странным, но Тави решил, что это что-то вроде уважительного кивка.

Он слегка склонил голову в ответ, не опуская глаз, и убрал кинжал в ножны на поясе. Каним с презрением оглядел легионеров:

– Вы об этом пожалеете. И очень скоро.

С этими словами Варг закутался в плащ и вышел из караульной комнаты, направившись к винтовой лестнице, ведущей вверх. Он издал тот же лающий звук, но не оглянулся.

У Тави отчаянно дрожали ноги, и он, с трудом добравшись до деревянной скамьи, рухнул на нее.

– Что, вороны тебя заberi, это было? – через секунду, заикаясь, спросил Бартос. – Тави, ты в какие игры решил поиграть?

Тави помахал рукой, стараясь, чтобы она не дрожала:

– Дон Бартос, прошу меня простить. Мне не следовало так с вами разговаривать. Я приношу вам свои извинения, но я

почувствовал, что должен сделать вид, будто я ваш начальник.

Легионер переглянулся со своими товарищами, а потом спросил:

– Зачем?

– Вы колебались. Он обязательно напал бы на вас.

– С чего ты взял? – нахмурившись, спросил Бартос.

– Я многому научился в своем домене, – с трудом подбирая слова, ответил Тави. – И среди прочего – как следует вести себя с хищниками. Им нельзя показывать страх или колебания, иначе они обязательно нападут.

– И ты считаешь, что я показал ему свой страх? – сурово поинтересовался Бартос. – Так? Что я вел себя как трус?

Тави покачал головой, стараясь не смотреть легионеру в глаза:

– Просто я думаю, что каним именно так трактовал ваше поведение. Язык тела, манера держаться, поза, зрительный контакт – это для них очень важно. Не только слова.

Бартос покраснел, но тут вмешался один из легионеров:

– Мальчик прав, Барт. Ты всегда пытаешься притормозить, когда чувствуешь, что может возникнуть бессмысленная потасовка. Стараешься найти обходной путь. Возможно, сегодня этого делать не следовало.

Легионер мрачно посмотрел на своего товарища, вздохнул и подошел к бочонку с элем, наполнил пару кружек и поставил одну перед Тави. Юноша с благодарностью кивнул,

надеясь, что эль поможет ему успокоиться.

– А что он имел в виду? – спросил Тави. – Когда сказал, что мы об этом пожалеем?

– Ну, тут все просто, – ответил Бартос. – Некоторое время мне придется соблюдать осторожность, если я окажусь один на улице.

– Мне нужно возвращаться к Первому консулу, – сказал Тави. – Мне показалось, что он чем-то обеспокоен. Будьте любезны, попросите Майлса поторопиться.

– Конечно, малыш, – сказал Бартос и глухо рассмеялся. – Вóроны и фурии, а ты крепкий парень! Ножик вытащил!

– Плохо пахнет изо рта, – добавил другой легионер, и комната наполнилась дружным хохотом.

Тави улыбнулся, стерпел, когда полдюжины легионеров по очереди взъерошили ему волосы, выбрался из караульной и помчался вниз по лестнице к Первому консулу.

Он не успел добраться до его покоев, когда услышал громкий топот у себя над головой. Он пошел медленнее и вскоре увидел командира Майлса, который спешил изо всех сил, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. Тави с трудом сглотнул. Такая скорость наверняка причиняла Майлсу страшную боль в раненой ноге, но он был сильным заклинателем, владевшим секретами металлов, а способность не обращать внимания на боль была присуща самым могущественным из них.

Тави тоже поспешил вниз и все же оказался в комнате

Первого консула на мгновение позже Майлса, который потрясенно замер на месте, глядя на неподвижное тело Гая на полу. Он бросился к нему, нащупал пульс на шее, затем приподнял веко и посмотрел на зрачок. Гай даже не пошевелился.

– Кровавые вóроны! – выдохнул Майлс. – Что произошло?

– Он упал, – задыхаясь, доложил Тави. – Сказал, что старался изо всех сил, но этого оказалось недостаточно. Он показал мне городок на берегу океана, который буквально разорвал на части страшный ураган. Он был... Я никогда его таким не видел, дон Майлс. Он кричал. Словно был не...

– Словно не мог себя контролировать, – тихо сказал Майлс.

– Да, сударь. А еще он кашлял. И пил вино со специями. Майлс поморщился:

– Это не вино со специями.

– А что?

– Он принимает укрепляющий тоник. Снадобье, которое притупляет боль и заставляет не чувствовать усталости. Он переступил границу своих возможностей и знал это.

– А он поправится?

Майлс пожал плечами:

– Я не знаю. Возможно, с ним все будет в порядке после того, как он немного отдохнет. Или он не переживет эту ночь. Но даже если он и останется в живых, он может не

проснуться.

– Вóроны, – пробормотал Тави, и внутри у него все сжалось. – Я все сделал неправильно. Мне следовало сразу же послать за целителем.

Майлс вскинул брови:

– Что? Нет, парень, ты все правильно сделал. – Опытный солдат провел рукой по волосам. – Никто не должен знать о том, что здесь произошло, Тави.

– Но...

– Я не шучу – никто, – повторил Майлс. – Ты меня понял?

– Да, господин.

– Киллиан, – пробормотал Майлс. – И... во`роны заberi, я не знаю, кто еще может помочь.

– Помочь?

– Нам нужен целитель. Киллиан не является заклинателем воды, но обладает опытом целителя, и ему можно доверять. Но мне нужно подготовить легион к Зимнему фестивалю. Мое отсутствие вызовет слишком много вопросов. А Киллиан не сможет помочь Гаю в одиночку.

– Я помогу, – вызвался Тави.

Майлс мимолетно ему улыбнулся:

– Я знал, что ты захочешь помочь. Но ты не можешь неожиданно исчезнуть из Академии во время экзаменационных испытаний. Отсутствие любимого пажа Первого консула не останется незамеченным.

– В таком случае нам понадобится кто-то еще, – сказал

Тави.

– Я понимаю, – нахмурившись, сказал Майлс. – Только вот не знаю, кому мы можем безоговорочно доверять.

– Неужели никого нет? – спросил Тави.

– Они все умерли двадцать лет назад, – с горечью в голосе ответил Майлс.

– А как насчет курсоров? – предложил Тави. – Им же наверняка можно доверять.

– Например, Фиделиасу? – сердито спросил Майлс. – Только одному человеку я мог бы рискнуть довериться – графине Амаре, но ее сейчас нет в городе.

Тави посмотрел на Первого консула, который по-прежнему был без сознания.

– А мне вы доверяете? – (Майлс удивленно на него посмотрел.) – Скажите мне, что вам нужно, возможно, я знаю кого-то, кто сможет оказаться полезным.

Майлс медленно выдохнул:

– Нет, Тави. Ты умен, и Гай тебе доверяет, но ты слишком молод, чтобы понимать, как это опасно.

– А какие опасности нам грозят, если мы не найдем никого, кто сумел бы нам помочь? Мы что, оставим его здесь лежать и будем надеяться на лучшее? Разве это менее опасно, чем рискнуть и довериться моему мнению?

Майлс открыл рот, затем закрыл его и стиснул зубы:

– Вброды. Ты прав. Мне это совсем не нравится, но ты действительно прав.

– Итак, что вам нужно?

– Сиделка. Человек, который будет находиться рядом, кормить его и присматривать за ним. А еще двойник, если мы сможем такого найти.

– Двойник?

– Человек, который мог бы появляться на разных мероприятиях, где должен присутствовать Гай. Чтобы все видели его. Чтобы он завтракал, изображая Первого консула, и все такое. Чтобы все думали, будто дела идут своим чередом и у нас полный порядок.

– Значит, вам нужен сильный заклинатель воды. Кто-то, кто умеет изменять внешность.

– Да. Но совсем немногие являются сильными заклинателями воды. Даже если у них есть способности. Это... считается не мужским делом.

Тави сел на корточки лицом к Майлсу:

– Я знаю двоих, кто мог бы помочь.

Майлс удивленно приподнял брови.

– Первый – это раб. Его зовут Линялый. Он работает на кухне и в садах Академии, – сказал Тави. – Я знаю его с самого рождения. Он не производит впечатления очень сообразительного человека, почти никогда не разговаривает и отлично умеет оставаться незаметным. Гай привез его сюда вместе со мной, когда я поступил в Академию.

Майлс поджал губы:

– Правда? Очень хорошо. Я заберу его к себе, будто бы

для мелкой работы. Никто не обратит на это внимания, учитывая, что идет подготовка к фестивалю. А кто второй?

– Антиллар Максимус, – сказал Тави. – У него на форме водяных бусин больше, чем у кого бы то ни было в Академии, а он еще часть из них потерял.

– Бастард консула Антиллуса?

– Да, – кивнул Тави.

– Ты и в самом деле считаешь, что мы можем ему доверять?

Тави сделал глубокий вдох:

– Готов поставить на это свою жизнь, дон.

Майлс хрипло рассмеялся:

– Да. Именно об этом и идет речь. А ему хватит умения, чтобы изменить внешний вид?

Тави поморщился:

– Вы обращаетесь не к тому человеку с вопросом касательно заклинаний. Но он почти не использует на занятиях свои умения и при этом получает самые высокие оценки. Вы также могли бы обдумать мое предложение встретиться с...

– Нет, – прервал его Майлс. – И без того слишком много народу будет знать о том, что происходит. Этого достаточно, Тави.

– Вы уверены?

– Уверен. Ты не должен никому ничего рассказывать. И позаботься о том, чтобы никто не сумел подобраться к Гаю настолько близко, чтобы понять, что произошло. А также в

случае необходимости будь готов пойти на самые крайние меры. — Он повернулся к Тави, и его холодный взгляд словно пронзил юношу. — Я сделаю то же самое. Ты меня понял?

Тави вздрогнул и опустил голову. Майлс не положил руку на рукоять меча, чтобы подчеркнуть свои слова. В этом не было никакой нужды.

— Я все понял, командир.

— Ты уверен, что хочешь втянуть в это своих друзей?

— Нет, — едва слышно ответил Тави. — Но государство в них нуждается.

— Да, приятель. Это правда. — Майлс вздохнул. — Хотя, кто знает, может, нам повезет и все благополучно разрешится само.

— Да, господин.

— Итак, я останусь здесь. А ты приведи Киллиана и остальных. — Он снова опустился на колени рядом с Первым консулом. — Возможно, судьба всей страны сейчас зависит от нас, дружище. Постарайся никого к нему не подпускать. И никому ничего не говори.

— Я постараюсь никого к нему не подпускать, — пообещал Тави. — И никому ничего не скажу.

Глава 10

– Перестань волноваться, – сказал Бернард. – Если ты сразу же поговоришь с Гаем, с нами все будет в порядке.

– Ты уверен? – спросила Исана. – Уверен, что до сражения дело не дойдет?

– Абсолютно, – заверил сестру Бернард, стоя на пороге ее спальни. Утреннее солнце, проникавшее сквозь узкое окно, разрисовало пол янтарными полосами. – Я совсем не стремлюсь к тому, чтобы снова пострадали хорошие люди. Я хочу только одного: чтобы ворд оставался там, где он сейчас находится, пока не прибудут легионеры.

Исана закончила заплетать волосы в тугую косу и посмотрела на себя в зеркало. И хотя она надела свое лучшее платье, ей было ясно, что оно покажется до смешного простым и совсем не модным, когда она прибудет в столицу Алеры. Она решила, что выглядит худой, неуверенной в себе и обеспокоенной.

– Ты думаешь, они не нападут на вас первыми?

– Мне показалось, Дорога довольно уверенно говорил, что у нас есть немного времени до того, как они будут готовы на нас напасть, – ответил Бернард. – Он послал за новым отрядом своих соплеменников, но они находятся в южных предгорьях и появятся здесь только недели через две или три.

– А если Первый консул не пошлет к нам на помощь ле-

гионеров?

– Пошлет, – уверенно заявила Амара, которая вошла в комнату. – Твой эскорт прибыл, Исана.

– Спасибо. Ну, как я выгляжу?

Амара поправила рукав платья Исаны и смахнула пушинку:

– Очень славное платье. Гай уважает Дорогу, а также твоего брата. Он серьезно отнесется к их словам.

– Я сразу же постараюсь с ним встретиться, – ответила Исана, хотя ей совсем не хотелось разговаривать с Гаем. Глаза старика слишком много видели и понимали, чтобы она чувствовала себя уверенно и уютно в его присутствии. – Но мне известно, что существует множество протокольных правил для того, чтобы получить у него аудиенцию. Он ведь Первый консул. А я всего лишь домина. Ты уверена, что мне удастся к нему попасть?

– Если у тебя возникнут проблемы, поговори с Тави, – сказала Амара. – Никто не может лишить тебя права повидаться со своим племянником, а он паж принцепса. Он знает слуг и стражу Первого консула. Он сумеет тебе помочь.

Исана искоса посмотрела на Амару и кивнула.

– Понятно, – сказала она. – Два года. Я смогу его узнать?

Амара улыбнулась:

– Тебе придется встать на две ступеньки выше, чтобы оказаться одного с ним роста. Он вырос и стал крепче.

– Мальчики растут, – сказала Исана.

Амара взглянула на нее, а потом сказала:

– Иногда Академия меняет человека в худшую сторону. Но с Тави этого не произошло. Он остался таким же, каким был. Очень хорошим человеком, Исана. Думаю, у тебя есть все основания им гордиться.

Исана почувствовала, как ее охватывает благодарность к Амаре. И хотя она никогда не говорила этого и не делилась своими ощущениями прежде, Исана ощущала ее искренность так же ясно, как видела улыбку на лице. Пусть она и курсор, но Исана не сомневалась, что ее слова означают ровно то, что означают, – честную похвалу и желание ее успокоить.

– Спасибо, графиня.

Исана наклонила голову, и этот жест подчеркнул чувство уважения, которое она испытывала к Амаре.

– Бернارد, – сказала Амара, – ты не возражаешь, если я поговорю с доминой?

– Нисколько, – дружелюбно ответил Бернارد.

Исана с трудом сдержала смех, рвущийся наружу.

Через мгновение Амара добавила:

– Наедине.

Бернارد тут же встал:

– О да, конечно. Разумеется. – Он с подозрением посмотрел на одну, потом перевел взгляд на другую. – Ну, я буду в сарае. Нам нужно двинуться в путь через час. Мне необходимо проследить, чтобы Фредерик... прошу прощения, гос-

подин Фредерик не отправился куда-нибудь, забыв обо всем на свете.

– Спасибо, – поблагодарила его Амара.

Бернард подмигнул ей и вышел из комнаты.

Амара закрыла за ним дверь и приложила к ней пальцы. Затем она на мгновение прикрыла глаза, и Исана снова почувствовала то самое диковинное ощущение, которое охватило ее в кабинете. У нее заболели уши, впрочем боль тут же прошла.

– Ну вот, – сказала Амара. – Прошу меня простить, но я должна быть уверена, что нас никто не подслушает.

– Ты думаешь, в моем доме появились шпионы? – удивленно спросила Исана.

– Нет-нет, домина. Но я хочу поговорить с тобой кое о чем личном.

Исана встала и слегка склонила голову набок:

– Я тебя слушаю.

Амара кивнула. Тени у нее под глазами стали темнее, чем были раньше, и Исана нахмурилась, разглядывая молодую женщину. Амара всего лишь пару лет назад окончила Академию, хотя Исана не сомневалась, что, став курсором, она вела гораздо более трудную и напряженную жизнь, чем многие другие. Амара повзрослела быстрее, чем следовало женщине ее лет, и Исана почувствовала к ней жалость. За всем, что происходило, она иногда забывала, как молода еще графиня.

– Домина, – начала Амара, – я не знаю, как задать этот

вопрос, знаю только, что должна.

Она поколебалась пару мгновений.

– Продолжай, – сказала Исана.

Амара сложила руки на груди и, не поднимая головы, спросила:

– Чем я тебя обидела, Исана?

Ощущение почти невыносимой боли и отчаяния, охватившее девушку, окутало Исану, точно облако из сверкающих углей. Она отвернулась и отошла в дальний угол комнаты. Ей потребовалось приложить усилия, чтобы контролировать выражение своего лица и успокоить мысли.

– Ты о чем?

Амара пожала одним плечом, и Исана почувствовала ее смущение.

– О том, что я тебе не нравлюсь. Ты никогда плохо со мной не обращалась. И ничего не говорила. Но я знаю, ты не рада видеть меня в своем доме.

Исана вздохнула:

– Я не понимаю тебя, Амара. Естественно, я всегда рада тебя здесь видеть.

Амара покачала головой:

– Спасибо за то, что попыталась меня переубедить. Но я побывала у тебя несколько раз за прошедшие два года. И ты ни разу не повернулась ко мне спиной. Ты никогда не сядишь за один стол со мной – вместо этого ты всех обслуживаешь. Ты не встречаешься со мной взглядом, когда мы

разговариваем. И до настоящего момента никогда не оставалась со мной наедине.

Слова девушки заставили Исану нахмуриться. Она собралась ей ответить, но промолчала. Может быть, курсор права? Она попыталась вспомнить их встречи за последние два года.

– Фурии! – Она вздохнула. – Неужели я действительно так себя вела?

Амара кивнула:

– Я подумала, может... я сделала что-то такое, что повлекло твою неприязнь. Надеюсь, время все сгладит, но этого не произошло.

– Два года маловато для того, чтобы некоторые раны затянулись, – мимолетно улыбнувшись, сказала Исана. – Иногда для этого требуется гораздо больше времени. Например, целая жизнь.

– Я не хотела тебя обидеть, Исана. Поверь мне, прошу тебя. Бернارد тебя обожает, и я никогда сознательно не причиню тебе вред и не оскорблю тебя. Если я сказала или сделала что-то не то, пожалуйста, не скрывай от меня правду.

Исана сложила руки на коленях и нахмурилась, глядя в пол:

– Ты ничего такого не сделала, Амара. Дело не в тебе.

В голосе Амары прозвучало удивление:

– Тогда в чем?

Исана сжала губы, а потом ответила:

– Ты очень преданный человек, Амара. Ты служишь Гаю. Ты поклялась ему в верности.

– А почему это тебя оскорбляет?

– Это само по себе меня не оскорбляет. Но вот с Гаем дело обстоит иначе.

Амара поджала губы:

– А что ты видела от него, кроме великодушия и благодарности?

Горькая, горячая ненависть вспыхнула в сердце Исаны, и она не смогла прогнать ее из своих слов.

– Сегодня меня чуть не убили из-за его великодушия и благодарности. Я всего лишь деревенская девушка, Амара, но я не дура. Гай использует меня в качестве оружия, чтобы разделить своих врагов. Назначение Бернарда графом Кальдерона через головы благородных Домов Ривы является прямым напоминанием им, что Алерой правит Гай, а не Ривус. Мы всего лишь инструменты в его руках.

– Это несправедливо, Исана, – сказала Амара, но ее голос прозвучал очень тихо.

– Ты говоришь о справедливости? – возмутилась Исана. – Разве он повел себя справедливо? Положение и признание, которое он подарил нам два года назад, вовсе не являлось наградой. Он создал маленькую армию врагов для меня и моего брата, затем забрал Тави в Академию и взял его под свое крыло, и я уверена, что мой племянник уже понял, что в его окружении полно людей, которые его не любят и готовы

причинить ему зло.

– Тави получает самое лучшее образование в Алере, – напомнила ей Амара. – Неужели ты против этого? Он здоров, у него все хорошо. Какой ему от всего этого вред?

– Я уверена, что он здоров. И все у него хорошо. И он получает образование. Великолепный, очень тактичный способ удерживать Тави в заложниках, – ответила Исана и сама почувствовала горечь своих слов. – Гай знает, как сильно Тави хотел учиться в Академии. И знает, что он будет буквально раздавлен, если его отошлют из Академии назад. Гай нами манипулирует. Он не оставил нам выбора. Мы вынуждены поддерживать его изо всех сил, если хотим выжить.

– Нет, – возразила Амара. – Нет, я не верю, что он именно так все рассчитал.

– Конечно не веришь. Ты же ему предана и верна.

– Но не бездумно, – сказала Амара. – И не без причины. Я его видела. Я его знаю. Он хороший человек, а ты трактуешь его действия в самом худшем свете.

– У меня есть на то причина, – заявила Исана, и какая-то отстраненная часть ее существа пришла в ужас от собственного ледяного тона и яда, прозвучавшего в голосе. – Есть причина.

Амару охватила тревога, и это отразилось у нее на лице, но голос продолжал звучать мягко и ласково.

– Ты его ненавидишь.

– Ненависть слишком слабое слово.

Амара удивленно заморгала:

– Почему?

– Потому что Гай убил мою... младшую сестру.

Амара покачала головой:

– Нет, он совсем не такой. Он могущественный правитель, но он не убийца.

– Он не сам это сделал, – сказала Исана. – Но вина лежит на нем.

Амара прикусила нижнюю губу:

– Ты винишь его за то, что с ней случилось.

– Да, это полностью его вина. Если бы не он, у Тави сейчас была бы мать. И отец.

– Я не понимаю. Что с ними произошло?

Исана пожала плечами:

– Моя семья была бедной, и сестра не вышла замуж к двадцати годам. Ее отправили в лагерь Коронного легиона, чтобы она отслужила срок в отряде, занимавшемся готовкой, стиркой, и все такое. Там она познакомилась с солдатом, любила его и родила ему ребенка – Тави.

Амара медленно кивнула:

– Как они погибли?

– Политика, – ответила Исана. – Гай приказал Коронному легиону отправиться в долину Кальдерон. Таким образом он хотел напомнить Риве, кто в доме хозяин во время возникших беспорядков, и одновременно пытался успокоить Сенат, поскольку легион должен был остановить и остановил орду

маратов, собравшихся захватить страну. Одновременно он показал консулу Ривусу, что его солдаты находятся рядом и могут начать действовать в любой момент.

Амара вздохнула:

– Первая кальдеронская битва.

– Да, – спокойно подтвердила Исана. – Родители Тави были там. Оба погибли.

– Но, Исана, – сказала Амара, – Первый консул не отдавал приказа убить их. Он отправил легион туда, где возникло сложное положение. Именно для этого и существуют легионы. Конечно, их гибель настоящая трагедия, но ты не можешь винить Гая за то, что он не предвидел, насколько велика будет армия маратов, которая удивила своей численностью даже собственных командиров Гая.

– Они были там, выполняя его приказ. И он виноват в их смерти.

Амара расправила плечи и выставила вперед подбородок:

– Великие фурии, домина. Его собственный сын тоже погиб там.

– Я знаю, – сердито сказала Исана. Она собралась еще что-то добавить, но тряхнула головой и промолчала. Ей пришлось сражаться с рвущимися наружу словами, так сильна была ненависть, затопившая ее сердце. – Это не все, в чем я его виню. – Она закрыла глаза. – Есть и другие причины.

– Какие? – спросила Амара.

– Личные.

Амара помолчала несколько мгновений, а потом кивнула:

– В таком случае... нам придется согласиться с тем, что мы не достигли взаимопонимания в данном вопросе, домина.

– Я и раньше знала, что так будет, Амара, – сказала Исана. Неожиданно ненависть отступила, оставив ей лишь боль и усталость.

– Я знаю его как дисциплинированного и способного правителя. А также честного и прямого человека. Он многим пожертвовал ради блага страны – даже собственным сыном. И я горжусь, что служу ему, насколько это в моих силах.

– А я никогда его не прощу, – сказала Исана. – Никогда.

Амара сдержанно кивнула, и Исана почувствовала ее огорчение, которое пряталось за вежливым выражением ее лица.

– Мне очень жаль, домина. После того что тебе пришлось пережить вчера... Извини меня. Мне не следовало затевать этот разговор.

Исана покачала головой:

– Все в порядке, графиня. Хорошо, что мы откровенно об этом поговорили.

– Наверное, – не стала спорить Амара, прикоснулась к двери, и напряжение исчезло из воздуха. – Я прослежу, чтобы твои носилки были готовы, а рыцарей, которые будут тебя сопровождать, покормили.

– Подожди, – сказала Исана. Амара остановилась, поло-

жив руку на дверь. — Благодаря тебе Бернард очень счастлив, — тихо сказала Исана. — Я не видела его таким уже много лет. И я не хочу вставать между вами, Амара. Нам вовсе не нужно иметь общее мнение по поводу Первого консула, чтобы ты оставалась с ним.

Амара кивнула, молча улыбнулась и вышла.

Исана несколько мгновений рассматривала себя в зеркале, а потом встала, подошла к сундуку, стоявшему в изножье кровати, и открыла его. Она достала постельное белье, запасную пару туфель и маленькую деревянную шкатулку с серебряными украшениями, собранными ею за прошедшие годы. Затем сильно надавила на дно в одном углу, приказав Рилл убрать воду из дощечек, они тут же стали меньше и поддались под ее рукой. Исана вынула их, открыв небольшой тайник.

Она достала маленький мешочек для украшений, сшитый из шелка. Развязав, она раскрыла его и перевернула, вытряхнув содержимое себе на ладонь.

Изящное кольцо из сияющего серебра на тонкой серебряной цепочке, тяжелое и холодное, легло ей на ладонь. Камень менял свой цвет от сверкающего голубого алмаза до кроваво-красного рубина. Его держали на плечах два серебряных орла, один чуть больше другого, летящие навстречу друг другу.

Исану наполнила давняя боль и чувство потери, но она не стала просить Рилл, чтобы та остановила ее слезы.

Она надела цепочку на шею и спрятала ее под платьем, затем посмотрела на себя в зеркало, пытаясь прогнать красноту из глаз. У нее не было времени для того, чтобы оглядываться назад.

Исана подняла голову, заставила себя успокоиться и вышла из комнаты, чтобы помочь семье, которую любила, и человеку, которого ненавидела всей душой.

Глава 11

Амара ждала, когда рыцари Воздуха, посланные сюда верховной властью, спустятся с неба, затянутого тяжелыми серыми тучами. Весна здесь, так далеко к северу от столицы, могла быть неприятно сырой и холодной, но дождь, о приближении которого говорили раздававшиеся время от времени раскаты грома, еще не начался. Амара узнала человека, возглавлявшего отряд, и ей вдруг захотелось, чтобы наполненные водой тучи пролились дождем чуть раньше. На его проклятую голову.

Дон Горацио мчался впереди закрытых носилок, и его роскошные доспехи сверкали, озаряя черные тучи, красный бархатный плащ развевался за спиной. Четверо рыцарей в дорожных костюмах летели у четырех углов носилок, поддерживая их вес, и еще четверо окружали их в качестве эскорта. Отряд опустилсЯ гораздо стремительнее, чем требовалось, и их фурии устроили миниатюрный циклон, который разметал волосы Амары и заставил овец в соседнем загоне в страхе столпиться в дальнем углу. Слуги, готовившие припасы и все необходимое для отряда Бернарда, быстро прикрыли глаза от поднятой в воздух пыли и клочьев соломы.

– Идиот, – вздохнув, проворчала Амара и приказала Цирусу, чтобы он заслонил ее от мечущегося в воздухе мусора.

Горацио легко опустилсЯ на землю. Будучи трибуном и

рыцарем Коронного легиона, он имел право украсить свои доспехи золотой и серебряной филигранью, а шлем и рукоять меча – драгоценными камнями, но золотая вышивка на плаще – это было уже слишком. Дон Горацио нажил себе состояние благодаря своим многочисленным победам на Гонках ветра, ежегодных состязаниях заклинателей воздуха, которые устраивались во время Зимнего фестиваля, и ему хотелось, чтобы все это знали.

Конечно, ему меньше всего хотелось, чтобы они узнали, что он потерял львиную долю своего богатства в первый год, когда Амара приняла участие в соревнованиях. Он не позволял ей об этом забыть, хотя она не видела никакой необходимости соблюдать правила вежливости с этим человеком. Она дождалась, когда рыцари спустятся во двор домена, а затем подошла к ним.

– Добрый день, господин! – пророкотал могучий баритон Горацио. – О, секунду. Вы не господин вовсе. Это же вы, графиня Амара. Прошу меня простить, но сверху вы очень похожи на юношу.

Пару лет назад оскорбление по поводу ее телосложения причинило бы ей боль. Но это было до того, как она стала курсором. И до Бернарда.

– Все в порядке, дон Горацио. Неудивительно, что мужчина вашего возраста испытывает определенные трудности в данном вопросе.

Она отвесила ему вежливый поклон, отметив про себя

сдавленные смешки остальных рыцарей.

Горацио со сдержанной улыбкой поклонился в ответ, бросив сердитый взгляд на своих подчиненных. Все восемь рыцарей, напустив на себя скучающий вид, изучали двор.

– Разумеется. Полагаю, наша пассажирка готова отправиться в путь?

– Скоро будет готова, – ответила Амара. – Не сомневаюсь, что на кухне найдется горячая еда, чтобы ваши рыцари могли подкрепиться, пока вы ее ждете.

– В этом нет необходимости, графиня, – сказал Горацио. – Прошу вас, сообщите домине Исане, что мы ее ждем, чтобы немедленно отправиться в путь.

– Вы подождете до тех пор, пока домина Исана не будет готова, – сказала Амара так, чтобы ее услышали все во дворе. – А поскольку вы являетесь гостем в ее домене, трибун, я рассчитываю, что вы будете вести себя так, как подобает рыцарю и солдату Коронного легиона по отношению к гражданину.

Горацио прищурился, он явно с трудом сдерживал ярость, но едва заметно кивнул в ответ.

– Далее, – продолжала Амара, – я настойчиво советую вам позволить вашим людям отдохнуть и поесть, когда у них есть такая возможность. Если погода ухудшится, им потребуются все их силы.

– Я не обязан повиноваться вашим приказам относительно того, как мне следует командовать моими людьми, графиня.

ня! – рявкнул Горацио.

– Ну и ну! – послышался женский голос из закрытых носилок. – Может, стоит дать каждому из вас по дубинке, тогда вы сможете забить друг друга до смерти. Не вижу другого способа прекратить эту безобразную сцену. Рольф, прошу тебя!

Один из рыцарей немедленно подошел к дальнему краю носилок, открыл дверцу и предложил руку крошечной женщине, которая выбралась наружу. В ней было футов пять роста, и она была хрупкой и изящной, тонкокостной, точно парсианская ласточка. Кожа у нее была цвета темного меда, а роскошные блестящие волосы – чернее влажного угля. Платье из великолепного шелка приглушенных тонов коричневого и серого цвета было гораздо более открытым, чем пристало бы женщине любого положения. Ее красота казалась пугающей, а черные глаза слишком большими для лица. Две нитки жемчуга цвета закатного солнца, добытого где-то в море на ее родине, украшали волосы, и еще две – обвивали шею.

Жемчужное ожерелье было прекрасным и очень дорогим, но не скрывало, что под ним находится ошейник рабыни.

– Амара, – проворковала женщина и широко улыбнулась. – Ты всего пару лет назад покинула цивилизованный юг, а уже превратилась в дикарку. – Она протянула Амаре обе руки. – Ты, наверное, меня совсем забыла.

Амара улыбнулась.

– Серай, – сказала она и, шагнув вперед, взяла обе протянутые руки.

Как и всегда, стоя рядом с Серай, наделенной изысканной красотой, она почувствовала себя неуклюжей и слишком высокой, но ее это ничуть не беспокоило.

– А что ты здесь делаешь?

В глазах Серай зажегся веселый огонек, и она слегка покачнулась:

– Знаешь, милая, я просто с ног валюсь от усталости. Я думала, что справлюсь, но в последнее время стала заметно слабее. – Она оперлась о руку Амары и посмотрела на Горацио таким взглядом, от которого растаяло бы даже сердце амарантского купца. – Трибун, я прошу вас простить меня за слабость. Но, надеюсь, вы не возражаете, если я немного посижу и, возможно, подкреплюсь чем-нибудь, прежде чем мы снова отправимся в путь?

Горацио не сумел справиться с раздражением, он наградил Амару мрачным взглядом, а затем сказал:

– Разумеется, госпожа.

Серай смущенно улыбнулась ему:

– Благодарю вас, дон Горацио. Мне совсем не хочется доставлять вам и вашим людям неудобства. Вы не присоединитесь ко мне за столом?

Горацио закатил глаза и вздохнул:

– Думаю, это долг настоящего рыцаря.

– Естественно, – сказала Серай и похлопала его по ру-

ке своей крошечной ручкой, затем коснулась жемчуга, украшавшего ее шею. – Временами наше положение накладывает на нас суровые обязательства. – Повернувшись к Амаре, она спросила: – Я могу где-нибудь привести себя в порядок, дорогая?

– Конечно, – ответила Амара. – Следуйте за мной, сударыня.

– О, я так тебе признательна, – сказала Серай. – Трибун, я присоединюсь к вам и вашим людям в столовой через пару минут.

Она вышла, продолжая держать Амару за руку и успев наградить всех рыцарей ослепительной улыбкой. Они улыбались в ответ, провожая рабыню задумчивыми взглядами.

– Ты злая женщина, – пробормотала Амара, когда они отошли на достаточное расстояние, чтобы их никто не услышал. – Горацио никогда не простит тебе того, что ты сейчас устроила, да еще при свидетелях.

– Горацио продолжает командовать своим отрядом только потому, что у него исключительно способные подчиненные, – ответила Серай со смехом, и в ее глазах вспыхнули озорные искры. – Взять, например, Рольфа, он очень талантлив.

Амара почувствовала, что краснеет:

– Серай!

– Но, милая, чего ты ожидала? Нельзя быть куртизанкой и прилично себя вести. – Она провела языком по губам. –

В случае с Рольфом я веду себя не совсем прилично. Достаточно сказать, что я не боюсь Горацио, и ему это прекрасно известно. — Ее улыбка погасла. — Мне иногда хочется, чтобы он что-нибудь такое выкинул. Это было бы приятным разнообразием.

— В каком смысле?

Серай задумчиво посмотрела на нее и сказала:

— Не здесь, дорогая.

Амара нахмурилась и молча провела Серай в комнату для гостей, расположенную над большим залом. Она ненадолго оставила гостью, затем скользнула внутрь и попросила Цирруса закрыть комнату от желающих подслушать их разговор. Как только воздух вокруг них сгустился, Серай села на табурет и сказала:

— Я рада снова видеть тебя, Амара.

— А я тебя, — ответила Амара и опустилась на колени рядом с Серай, чтобы их глаза оказались на одном уровне. — Что ты здесь делаешь? Я думала, легат-курсор отправит сюда Миру или Кассандру.

— Миру убили около Калара три дня назад, — сказала Серай и сложила на груди руки, но Амара успела заметить, что у той дрожат пальцы. — Кассандра пропала из Парсии несколько дней назад. Все считают, что она мертва или ей грозит смерть.

Амаре показалось, будто кто-то нанес ей сильный удар в живот.

– Великие фурии! – выдохнула она. – Что происходит?

– Война, – ответила Серай. – Тайная война в темных переулках и дворцовых коридорах. За нами, курсорами, охотятся, нас убивают.

– Кто? – еле слышно спросила Амара.

Серай пожала плечами.

– Кто? Мы думаем, Калар, – сказала она.

– Но как он узнаёт, где нанести удар?

– Предательство, разумеется. наших убивают в постелях и даже в ваннах. Кем бы ни были эти люди, тот, кто хорошо нас знает, говорит им, где следует нанести удар.

– Фиделиас, – с горечью сказала Амара.

– Возможно, – не стала спорить Серай. – Но не следует исключать того, что предатель находится среди курсоров, а это означает, что мы не можем никому доверять – ни курсорам, ни кому бы то ни было еще.

– Великие фурии, – пробормотала Амара. – А что Первый консул?

– Связь с ним нарушена во всех южных городах. Наши каналы, ведущие к Первому консулу, перекрыты.

– Что?!

– Я знаю, – сказала Серай и вздрогнула. – Сначала я получила приказ легата-курсора отправить в твоё распоряжение агента, чтобы он сопровождал домину Исану на фестиваль. Но как только начали происходить эти события, попытки связаться с другими курсорами стали опасными. Я долж-

на была поговорить с тем, кому полностью доверяю. Поэтому я прилетела сюда.

Амара взяла руки Серай в свои и сильно их сжала:

– Спасибо тебе.

Серай едва заметно улыбнулась:

– Будем надеяться, новость о том, что происходит, еще не дошла до Первого консула.

– Ты собираешься с помощью Исаны получить прямой доступ к Первому консулу, – сказала Амара.

– Именно. Другого, более безопасного пути я не вижу.

– Возможно, это не такой уж безопасный путь, – сказала Амара. – Наемный убийца напал на Исану утром. У него был каларанский нож.

Глаза Серай широко раскрылись.

– Великие фурии!

Амара поморщилась и кивнула:

– А она всю свою жизнь прожила в провинции. Она не может появиться в столице без охраны и сопровождения. Тебе придется представить ее в политических кругах. – Она вздохнула. – А еще тебе следует соблюдать осторожность, Серай. Они попытаются убрать ее до церемонии представления.

Серай прикусила губу:

– Я не трусиха, Амара, но и не телохранитель. Я не смогу защитить ее от наемных убийц. Если ситуация настолько серьезна, тебе нужно лететь с нами.

Амара покачала головой:

– Я не могу. Здесь возникли большие проблемы. – Она рассказала Серай о том, что поведал им Дорога про ворд. – Мы не можем допустить, чтобы это чудовище размножилось и захватило долину. Местному гарнизону потребуются все заклинатели, которых им только удастся заполучить, чтобы помешать этой твари снова сбежать.

– Дорогая, а ты уверена, что все так и есть? – спросила Серай. – Я знаю, ты входила в контакт с этими варварами, но ты не думаешь, будто они слегка преувеличивают опасность?

– Нет, – тихо сказала Амара. – Насколько я их знаю, они не умеют преувеличивать. Дорога пришел сюда с отрядом, который насчитывал меньше двухсот человек. Столько их осталось от двухтысячного отряда.

– Послушай, – настаивала на своем Серай, – это может быть чистой воды вранье. Такие выдумки могут поколебать моральный дух даже легионеров.

– Мараты не легионеры, – возразила Амара. – Они совсем на нас не похожи. Но подумай вот о чем – они сражаются, мужчины, женщины и дети, все вместе, рядом со своими семьями и друзьями. Они никогда их не бросят, даже если это будет означать для них смерть. Они считают ворд угрозой – не только для своих земель, но и для своих семей и самой жизни.

– И все равно, – не соглашалась Серай. – Ты не владеешь боевой магией, Амара. Ты курсор. Пусть этим занимаются

те, чей долг делать солдатскую работу. А ты должна служить своему призванию. Давай вернемся вместе в столицу.

– Нет, – сказала Амара.

Она подошла к окну и несколько мгновений смотрела на двор. Бернард и Фредерик поднимали пару громадных бочек с продуктами на специальные подставки, приделанные к упряжи гарганта, который зевнул, явно не замечая груза весом в полтонны, поднятого двумя заклинателями земли с помощью своих фурий ему на спину.

– Местный гарнизон потерял своих рыцарей Воздуха во время Второй кальдеронской битвы, и заменить их достаточно трудно. Возможно, я понадобится Бернарду, чтобы доставлять сообщения или делать разведку с воздуха.

Серай тихонько вскрикнула.

Амара повернулась и нахмурилась, обнаружив, что куртизанка смотрит на нее, раскрыв от удивления рот.

– Амара, – обвиняющим тоном заявила она, – ты его любовница.

– Что? – удивленно спросила Амара. – Дело вовсе не в...

– Даже не пытайся ничего отрицать, – сказала Серай. – Ты сейчас смотрела на него, так ведь?

– А какое это имеет отношение к делу? – спросила Амара.

– Я видела твои глаза, – сказала Серай. – Когда ты назвала его Бернардом. Он там занимается какой-то мужской работой, верно?

Амара почувствовала, что снова краснеет:

– Как ты...

– Я в таких вещах разбираюсь, милая, – ответила она. – Я же сама этим занимаюсь. – Она прошлась по комнате, выглянула из окна во двор, а затем спросила: – Ну и который из них?

– В зеленой тунике, – ответила Амара, отходя от окна. – Около гарганта. Темные волосы, борода с сединой.

– О! – выдохнула Серай. – Он не старый. Просто слишком рано поседел, я бы сказала. Это всегда привлекательно в мужчине. Это означает, что у него достаточно власти, чтобы нести ответственность за своих людей, и достаточно совести, чтобы беспокоиться о них. И... – Она помолчала и прикрыла на мгновение глаза. – Он довольно сильный, так?

– Сильный, – не стала спорить Амара. – И потрясающе стреляет из лука.

Серай искоса на нее посмотрела:

– Знаю, это прозвучит банально, но в сильном мужчине есть неоспоримая первобытная привлекательность. Ты со мной не согласна?

Лицо Амары горело от смущения.

– Ну да. Это про него. – Она сделала глубокий вдох. – А еще он умеет быть таким нежным.

Серай бросила на нее встревоженный взгляд:

– Ой-ой, это даже хуже, чем я думала. Ты не просто его любовница, ты его любишь.

– Ничего подобного, – возразила Амара. – Ну, понима-

ешь, я его довольно часто вижу. Ведь я являюсь посланником Первого консула в долине со времен Второй кальдеронской битвы и... — Она замолчала. — Не знаю. Не думаю, что я когда-нибудь была влюблена.

Серай повернулась спиной к окну. Через ее плечо Амара видела, как Бернард дает указания паре работников, которые запрягали в фургон с припасами двух тяжеловесов, а сам проверяет их подковы.

— Значит, вы с ним видите достаточно часто? — спросила Серай.

— Я... я бы не возражала, если бы мне удавалось видеть его чаще.

— Мм, — протянула Серай. — А что тебе нравится в нем больше всего?

— Его руки, — мгновенно, не успев подумать, ответила Амара и снова покраснела. — Они у него сильные. Кожа немного грубая. Но теплые и нежные.

— Ага, — сказала Серай.

— И еще губы, — выпалила Амара. — Ну, понимаешь, у него, конечно, красивые глаза, но губы... я хочу сказать, он может...

— Он умеет целоваться, — помогла ей Серай.

Амара замолчала и просто кивнула.

— Так-так, — сказала Серай. — Думаю, можно сказать, ты знаешь, что такое любовь.

— Ты и в самом деле так считаешь? — прикусив губу, спро-

сила Амара.

Куртизанка улыбнулась, и в ее улыбке проскользнула грусть.

– Разумеется, милая.

Амара посмотрела на двор, где пара мальчишек лет шести-семи выскочила из своих укрытий в фургоне, за спиной Бернарда. Он притворно зарычал на них, быстро развернулся, словно собираясь их схватить, они потеряли равновесие и с громким смехом попадали на землю. Бернард улыбнулся, взъерошил им волосы и взмахом руки показал, чтобы они отправлялись по своим делам. Амара вдруг обнаружила, что улыбается.

Голос Серай прозвучал тише и мягче:

– Разумеется, ты должна его оставить.

Амара почувствовала, как у нее напряглась спина, и она посмотрела мимо своей собеседницы в окно.

– Ты курсор, – продолжала Серай. – Тебе отдано доверие Первого консула. И ты поклялась служить ему до конца своих дней.

– Мне это известно, – сказала Амара, – но...

Серай покачала головой:

– Амара, ты не можешь так с ним поступить, если ты действительно его любишь. Теперь Бернард является графом. У него есть собственные обязательства и долг. Один из них взять себе жену, для которой его интересы будут превыше всего.

Амара посмотрела на Бернарда и двух мальчишек и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

– У него есть и другие обязательства, – сказала Серай с сочувствием, но твердо. – Среди прочего он должен произвести на свет детей, чтобы магия, живущая в его крови, укрепила могущество нашего государства.

– А я бесплодна, – прошептала Амара, прижала руку к низу своего живота, и ей показалось, что она ощущает почти невидимые шрамы, оставшиеся после тяжелой болезни. Она почувствовала горечь во рту. – Я не смогу дать ему детей.

Серай покачала головой и выглянула в окно. Фредерик вывел вторую пару громадных гаргантов и вместе с Бернардом начал надевать на них упряжь, в то время как остальные обитатели домена сновали между усадьбой и двором почти непрерывным потоком, складывая мешки и ящики на землю, чтобы их затем погрузили на спины животных. Серай поднялась на цыпочки и медленно задернула штору:

– Мне очень жаль, милая.

– Я никогда об этом не думала, – сказала Амара, по щекам которой катились слезы. – Понимаешь, я была так счастлива, и я никогда...

– Любовь – это огонь, Амара. Подойдешь к нему слишком близко и соришь. – Серай подошла к Амаре и прикоснулась к ее щеке тыльной стороной ладони. – Ты знаешь, что должна сделать.

– Знаю.

– Тогда сделай это быстро. И чисто. – Серай вздохнула. – Я знаю, о чем говорю. Мне правда очень жаль, дорогая.

Амара закрыла глаза и с несчастным видом прижалась щекой к руке Серай. Она не могла остановить слезы. Да и не пыталась.

– Столько всего происходит, и сразу, – через некоторое время сказала Серай. – Это не может быть совпадением, верно?

– Не думаю, – покачав головой, ответила Амара.

– Фурии! – вздохнула Серай, и в ее выразительных глазах промелькнула тоска.

– Серай, – тихо сказала Амара, – я действительно думаю, что именно отсюда державе грозит серьезная опасность. Я намерена остаться.

– Милая, разумеется, ты останешься, – удивленно сказала Серай. – Мне не нужна телохранительница, которая чахнет по мужчине, ты для меня совершенно бесполезна.

Амара с трудом сдержала смех и крепко обняла куртизанку:

– С тобой все будет в порядке?

– Конечно, дорогая, – ответила Серай, но, хотя ее голос был теплым и веселым, Амара почувствовала, как она дрожит.

Скорее всего, та тоже ощутила, что Амару бьет дрожь. Амара отодвинулась от нее, не убирая рук с ее плеч, и посмотрела Серай в глаза:

– Долг. Возможно, ворд находится в столице. Новые убийцы могут прямо сейчас искать домину Исану. Курсоров убивают. А если Корона не пришлет местному гарнизону подкрепление, погибнут мирные граждане и легионеры. И скорее всего, я вместе с ними.

Серай на мгновение закрыла глаза, а потом едва заметно кивнула:

– Я знаю. Но... Амара, я боюсь... боюсь, что не гожусь для подобной ситуации. Я работаю в роскошных залах и спальнях, с вином и духами. А не в темных переулках, с черными плащами и кинжалами. Я ненавижу кинжалы. У меня его и нет. А мои плащи слишком дорого стоят, чтобы пачкать их кровью.

Амара мягко сжала ее плечи и улыбнулась:

– Ну, возможно, до этого дело не дойдет.

Серай неуверенно улыбнулась в ответ:

– Надеюсь. Это было бы очень неприятно. – Она тряхнула головой и прогнала беспокойство с лица. – Ты посмотри на себя, Амара. Ты такая высокая и сильная. Ничего общего с деревенской девчонкой, которая у меня на глазах летала над морем.

– Мне кажется, это было так давно, – заметила Амара.

Серай кивнула, прикоснулась к выбившейся пряди волос на щеке Амары и деловым тоном сказала:

– Идем?

Амара подняла руку, и давление защиты Цирруса исчезло.

– Исана скоро будет готова отправиться в путь. Будь осторожна и поторопись. Мы уже и так потеряли много времени.

Глава 12

Тави потребовалось три часа, чтобы найти Макса, который и в самом деле был в доме молодой вдовы. Он потратил еще час, чтобы найти вход в ее дом, и еще полчаса на то, чтобы привести друга в чувство, заставить его одеться и доставить по освещенным заговоренными лампами улицам столицы в цитадель. К тому времени, когда впереди замаячили огни Академии, наступил самый глухой и холодный час ночи – перед рассветом.

Они вошли через один из потайных входов, предназначенных для курсоров, проходящих обучение в Академии. Тави сразу же потащил друга в помещение бань и без особых церемоний засунул в большой бассейн с холодной водой.

Макс, разумеется, обладал феноменальной способностью приходить в себя, присущей тем, кто был наделен такой необузданной силой заклинателя фурий, как он, но ему удалось развить в себе невероятную склонность к пьянству – в качестве компенсации. Тави не впервые приходилось приводить его в чувство после ночей, проведенных им в городе. Оказавшись в холодной воде, Макс дико завопил и принялся размахивать руками, но, когда он выбрался из бассейна и бросился к лестнице, Тави его поймал и снова столкнул в воду.

Через дюжину погружений в ледяную воду Макс со сто-

ном прижал руки к голове:

– Великие фурии, Кальдерон, я пришел в себя. Выпусти меня из этой поганой ледяной воды.

– Только после того, как ты откроешь глаза, – твердо сказал Тави.

– Ладно, – проворчал Макс и посмотрел налившимися кровью глазами на Тави. – Доволен?

– Счастлив, – ответил Тави.

Макс заворчал, выбрался из ледяной воды и принялся стягивать одежду, затем нырнул в теплую, освещенную заговоренными огнями воду соседнего бассейна. Как всегда, Тави не мог оторвать глаз от шрамов, пересекавших спину друга, – отметин, оставленных хлыстом или когтями дикой кошки, которые он мог получить только до того, как обрел способность вызывать фурий. Тави сочувственно поморщился. Сколько бы раз он ни смотрел на шрамы, они оставались для него чем-то поразительным и ужасным.

Он огляделся по сторонам. Помещение было огромным, с несколькими бассейнами и водопадами, с белыми мраморными стенами, полами, колоннами и потолком. Кадки с растениями и даже деревья смягчали суровый холодный мрамор, тут и там имелись уголки для отдыха, где посетители могли посидеть и поболтать с друзьями, дожидаясь своей очереди. Мягкий свет заговоренных ламп, голубой, зеленый и золотистый, окрашивал воду в бассейнах, указывая на ее температуру. Шум падающей воды отражался от равнодуш-

ного камня, наполняя воздух звуками, заглушавшими голоса. Одно из немногих мест в столице, где можно было поговорить так, чтобы вас не подслушали.

В это время здесь было пусто – рабы, служившие в бане, должны были прийти лишь через час. Тави и Макс оказались в полном одиночестве.

Тави разделся, смущаясь гораздо больше, чем его друг. Когда он жил в домене, мытье являлось делом частным и необходимым. Тави пришлось привыкать к обычаям большого города, но ему так и не удалось избавиться от неловкости, когда он раздевался в присутствии других людей.

– Не смущайся, дружок, – сказал Макс, не открывая глаз. – Это мужская баня. Здесь никого нет, а у меня закрыты глаза. – Он наградил Тави очередным мрачным взглядом, хотя уже не таким сердитым. – Если бы ты оставил меня там, где нашел, мог бы наслаждаться тут в полном одиночестве.

Тави забрался в бассейн, где плескался Макс, и заговорил очень тихо, так что шум воды почти заглушал его голос:

– Возникла проблема, Макс.

Макс перестал хмуриться, и в его покрасневших глазах загорелся интерес.

– Какая проблема?

И Тави ему все рассказал.

– Кровавые вóроны! – взревел Макс. – Ты хочешь, чтобы меня прикончили?

– Да. По правде говоря, мне от тебя никогда не было осо-

бой пользы, Макс.

Тави наблюдал за тем, как его друг удивленно заморгал, а потом нахмурился.

– Ха-ха! Очень смешно! – заявил Макс.

– Ты и сам прекрасно понимаешь, если бы я знал кого-нибудь, кто сможет с этим справиться, я не стал бы втягивать тебя, – ответил Тави.

– Не стал бы? – обиженным тоном спросил Макс. – Это еще почему?

– Ибо ты знаешь о том, что происходит, – всего десять секунд, а уже начал жаловаться и стонать.

– Я люблю жаловаться. Это священное право каждого солдата, – проворчал Макс.

Тави почувствовал, что против воли улыбается:

– Ты больше не легионер, Макс. Ты курсор. Точнее, будущий курсор.

– И все равно я оскорблен, – объявил Макс и через мгновение добавил: – Тави, ты мой друг. Если тебе нужна помощь, ты должен понимать, я всегда буду рядом, хочешь ты этого или нет.

Тави прикусил губу, разглядывая Макса:

– Правда?

– Так будет проще, – протянул Макс. – Итак, я должен стать двойником Гая, верно?

– А ты сможешь? – спросил Тави.

Макс вытянулся в горячей воде и, улыбнувшись, ответил:

– Понятия не имею.

Тави фыркнул, подошел к водопаду, взял мочалку и принялся тереть тело, стараясь смыть пот и усталость прошедшего дня. Потом он ополоснулся в прохладной воде, дрожа от холода, выбрался из бассейна и принялся вытираться полотенцем. Макс присоединился к нему через пару мгновений, тоже вытерся, и они переоделись в чистую одежду, которую в прошлый раз оставили слуге, а грязную положили на соответствующие полки.

– Что я должен делать? – спросил Макс.

– Отправиться в цитадель, пройти по южной галерее в западный зал и спуститься по лестнице.

– Там караулка, – заметил Макс.

– Верно. На первом посту попроси позвать дона Майлса. Он тебя ждет. Скорее всего, Киллиан уже там.

Макс удивленно приподнял брови:

– Майлс захотел призвать на помощь курсоров? Я думал, он на это не пойдет.

– Думаю, Майлсу неизвестно, что Киллиан продолжает оставаться на службе, – сказал Тави. – И уж конечно, он вряд ли знает, что Киллиан в настоящий момент является легатом.

Макс возмущенно хлопнул себя по голове, и во все стороны полетели брызги.

– Я сойду с ума, пытаюсь запомнить, кому и что позволено знать.

– Ты же сам согласился пройти обучение и стать курсором, – напомнил ему Тави.

– Прекрати попирать мои священные права, Кальдерон. Тави ухмыльнулся:

– А ты делай то, что делаю я. Никому ничего не говори.

– Да уж, это надежнее всего, – кивнув, согласился с ним Макс.

– Пошли. Я должен привести еще кое-кого. Встретимся в цитадели.

Макс поднялся, собираясь последовать за ним, но в последнюю минуту остановился.

– Тави, – сказал он, – я не жалею, но это вовсе не означает, что дело не опасное. Очень опасное.

– Я знаю.

– Я только хотел быть уверен, что ты это понимаешь, – сказал Макс. – Если у тебя появятся проблемы... ну, если тебе понадобится моя помощь... Надеюсь, твоя гордость не помешает тебе обратиться ко мне. Если возникнет ситуация, когда кто-нибудь прибегнет к боевой магии, я тебя прикрою.

– Спасибо, – спокойно ответил Тави. – Но если возникнут такие проблемы, это будет означать, что мы потерпели такое сокрушительное поражение, что меня не спас бы даже мой личный легион.

Макс грустно рассмеялся, соглашаясь с ним, расправил плечи и, не оглядываясь, вышел из бани.

– Береги свою спину.

– Ты тоже.

Тави подождал пару минут и, быстро выбежав из бани, поспешил к помещениям для слуг. К тому времени как он туда добрался, небо на востоке приобрело голубой оттенок, сообщая о приближении рассвета, и Академия начала просыпаться. Тави осторожно шагал по коридорам и узким лестницам для слуг, стараясь никому не попадаться на глаза. Он бесшумно шел по темным коридорам, не взяв с собой фонарь, и полагался на редкие слабые огни, которые их освещали. Он пробрался по последнему тесному коридору и остановился около маленькой двери, ведущей в нору в стене – комнатку Линялого.

Тави внимательно прислушался, не идет ли еще кто-нибудь, и, убедившись, что его никто не видит, открыл дверь и скользнул внутрь.

В комнате раба пахло плесенью, было холодно и сыро. Она была даже не настоящей комнатой, а ошибкой, случившейся во время строительства: две оштукатуренные стены, потолок всего пять футов высотой; внутри – выдавший виды сундук без крышки и спальный тюфяк.

Тави, стараясь не шуметь, подошел к тюфяку и протянул руку, собираясь разбудить того, кто на нем спал.

Лишь в следующее мгновение он сообразил, что под одеялом лежит постельное белье, свернутое так, чтобы казалось, будто это человек. Тави повернулся и принял боевую стойку, а его рука метнулась к кинжалу, но кто-то быстро и бес-

шумно подскочил к нему в темноте, ловко вытащил кинжал у него из-за пояса, сильно ударил Тави плечом, и тот, потеряв равновесие, упал на пол. Его противник тут же поставил колено ему на грудь, а затем прижал острие своего оружия к его шее.

– Свет, – тихо сказал он, и древняя тусклая заговоренная лампа на стене вспыхнула пурпурным сиянием.

Человек, напавший на Тави, был небольшого роста и среднего телосложения. Каштановые волосы с множеством седых прядей спадали на плечи и закрывали почти все лицо, и Тави едва удалось разглядеть за их завесой карие глаза. Зато он отлично видел отвратительный шрам, клеймо, которым легион отмечал тех, кого обвинял в трусости. Его руки были длинными, жилистыми и жесткими, совсем как старый кожаный ошейник раба на шее, а еще их покрывало множество белых шрамов. Некоторые из них, крошечные, от ожогов у кузнечного горна, другие были ровными и тонкими, такие Тави видел на руках старого Джиральди в гарнизоне и у дона Майлса.

– Линялый, – выдохнул Тави, в груди у которого все сжалось от неожиданного и такого стремительного нападения. – Линялый, это я.

Линялый на мгновение приподнял его подбородок, чтобы хорошенько рассмотреть, затем расслабился и отодвинулся.

– Тави, – пробормотал он сонным голосом, – обидел тебя?

– Со мной все хорошо, – заверил его Тави.

– Пробрался, – хмуро проворчал Линялый. – В мою комнату.

Тави сел:

– Да. Извини, если я тебя напугал.

Линялый ловким движением перевернул кинжал, взял его за клинок и протянул Тави. Тот взял свое оружие и убрал на место.

– Спал, – сказал Линялый и зевнул, тихонько фыркнув в конце.

– Линялый, – сказал Тави, – я помню зубчатые стены гарнизона. Я знаю, что ты притворяешься. Ты совсем не умственно отсталый, не идиот.

Линялый одарил Тави широкой бессмысленной улыбкой.

– Линялый, – заявил он весело.

Тави мрачно посмотрел на него и сказал:

– Не делай этого. Никто не посягает на твои тайны. Можешь оберегать их сколько пожелаешь. Но не оскорбляй меня дурацкими розыгрышами. Мне нужна твоя помощь.

Линялый замер и долго сидел неподвижно. Затем склонил голову набок и заговорил тихим мягким голосом:

– В каком смысле?

– Не здесь, – покачав головой, ответил Тави. – Идем со мной. Я тебе все объясню.

Линялый вздохнул:

– Гай.

– Да.

Раб на мгновение закрыл глаза, затем подошел к сундуку и достал оттуда несколько предметов и запасное одеяло. Затем он с силой надавил на дно, и послышался глухой треск. Линялый вынул из сундука ножны и короткий прямой меч, гладий легионера. Он несколько секунд рассматривал его в тусклом свете, потом убрал в ножны, набросил на плечи просторную тунику из старой мешковины и спрятал оружие под ней.

– Я готов.

Тави провел его по коридорам Академии, направляясь к ближайшему потайному маршруту, который вел в верхнюю часть подземелий, и вскоре они вышли на улицу около цитадели. Вход в подземелья, строго говоря, не был потайным, спрятанным от посторонних глаз, но он скрывался в глубокой тени очень узкого извивающегося переулка, и, если не знать, куда смотреть, низкая щель, ведущая на лестницу, была незаметной.

Тави провел Линялого по сырым, холодным коридорам, где редко кто бывал. Вскоре они оказались на одном из первых уровней подземелий, а затем прошли под стенами цитадели. Подойдя к лестнице, ведущей в покои для медитаций Первого консула, они стали спускаться вниз, и на каждом уровне их останавливали стоящие на посту легионеры. В ногах Тави отчаянно пульсировала боль, отзываясь на каждый удар сердца, но он заставил себя не обращать внимания на жалобы уставшего тела и продолжал идти вперед.

Тави заметил, что Линялый изучает и запоминает дорогу, хотя он ни разу не поднял головы. Волосы падали ему на лицо, смешиваясь с грубой тканью туники. Он вел себя как старый человек – шел осторожно, время от времени останавливаясь, словно страдал от артрита. По крайней мере, когда они проходили через караульные помещения. Как только они оказывались за очередным витком винтовой лестницы, он начинал двигаться уверенно, с кошачьей грацией и совершенно бесшумно.

У подножия лестницы Тави обнаружил, что черная стальная дверь в покои Первого консула заперта. Тави вытащил кинжал и постучал по ней рукоятью в определенном ритме. Через некоторое время дверь распахнулась и на пороге появился сердитый Майлс.

– Где, вóроны тебя забери, ты болтался, мальчишка? – поинтересовался он.

– Хм. Ходил за человеком, о котором я вам говорил, дон Майлс. Это Линялый.

– Долго же ты за ним ходил! – прорычал Майлс и холодно посмотрел на раба. – Через четыре часа Гай должен появиться в своей ложе на предварительных состязаниях Гонок ветра. У Антиллара пока плохо получается изображать Первого консула, а Киллиан не может ему помочь, пока не убедится в том, что за Гаем присматривают. Тебе следовало привести сначала раба.

– Да, дон Майлс, – сказал Тави. – Я постараюсь это запом-

нить – на следующий раз.

Офицер еще сильнее помрачнел.

– Входите, – сказал он. – Значит, Линялый? Я приказал принести сюда постель и кровать. Ты должен помочь мне все приготовить и уложить Гая.

Линялый замер на месте, и Тави увидел в его глазах, прячущихся за длинными прядями волос, потрясение.

– Гай?

– Судя по всему, он потратил слишком много сил на заклинание фурий, – пояснил Тави. – Возможно, подорвал здоровье. Он потерял сознание несколько часов назад.

– Жив? – спросил Линялый.

– Пока жив, – ответил Тави.

– Но будет лучше, если мы положим его в нормальную постель и займемся им по-настоящему! – прорычал Майлс. – Тави, тебе нужно будет передать парочку распоряжений. Самых обычных. Но сделай так, чтобы все им поверили. Ты понял?

«Ну вот, прощай, надежда хоть немного поспать», – подумал Тави. Судя по тому, с какой скоростью развиваются события, вполне может случиться так, что он вообще пропустит заключительные экзамены. Он вздохнул.

Линялый, с трудом передвигая ноги, прошаркал в комнату и отправился к постели, на которую показал Майлс. Кровать оказалась совсем простой, такой, на которых спали легионеры, и Линялый быстро ее собрал.

Майлс подошел к рабочему столу Гая, стоявшему около одной из стен, и взял маленькую стопку конвертов. Он молча отдал их Тави, и тот уже собрался спросить, который из них следует доставить первым, но тут Майлс неожиданно прищурился, на лбу у него появились морщины.

– Эй, ты, – сказал он. – Линялый. Повернись ко мне.

Тави увидел, как Линялый облизнул губы и встал, а затем повернулся к Майлсу, не поднимая головы.

Майлс подошел к нему:

– Покажи мне лицо.

Линялый жалобно захныкал и принялся испуганно кланяться.

Майлс протянул руку и отбросил волосы, закрывавшие одну сторону лица Линялого, открыв уродливое клеймо труса. Майлс смотрел на него и хмурился.

– Дон Майлс, – спросил его Тави, – с вами все в порядке?

Майлс провел рукой по своим коротко остриженным волосам.

– Устал, – ответил он. – Мерещится всякое. Мне показалось, будто я его где-то видел.

– Может, видели, как он работал во дворе Академии, – предположил Тави, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Скорее всего, – не стал спорить Майлс, сделал глубокий вдох и расправил плечи. – Мне еще нужно заняться новым легионом. Я уйду на утренние учения.

– Обычные дела, – сказал Тави.

– Именно. Киллиан здесь за всем присмотрит до моего возвращения. Повинуйся ему беспрекословно. Ты понял?

Майлс повернулся и вышел, не дожидаясь ответа.

Тави вздохнул и подошел к Линялому, чтобы помочь ему застелить постель. В другом конце комнаты Гай лежал на спине, его кожа приобрела серый оттенок. Киллиан стоял около него на коленях, готовя чай, в жаровне пылали угли, от которых в воздух поднимался пар с отвратительным запахом.

– Тави, – тихо сказал Линялый, – я не могу это сделать. Не могу находиться рядом с Майлсом. Он меня узнает.

– А это плохо? – шепотом спросил Тави.

– Тогда мне придется с ним драться. – Слова были совсем простыми, он произнес их мягко, с грустью и сожалением. – Я должен уйти.

– Нам нужна твоя помощь, Линялый, – сказал Тави. – Гай в ней нуждается. Ты не можешь его бросить.

Линялый покачал головой:

– Что Майлс обо мне знает?

– Твое имя. Что я тебе доверяю. Что Гай приказал, чтобы ты отправился в Академию вместе со мной.

– Проклятые фурии, – вздохнув, сказал Линялый. – Тави, я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Пожалуйста.

– Все, что угодно, – мгновенно ответил Тави.

– Ничего больше не говори Майлсу про меня. Даже если он спросит. Наври, придумай что-нибудь – все, что угодно.

Мы не можем допустить, чтобы он сейчас впал в ярость.

– Что? – спросил Тави. – Почему он должен впасть в ярость?

– Потому что он мой брат, – ответил Линялый.

Глава 13

Хотя Исана пролежала без сознания большую часть дня, к тому времени, когда она собрала вещи и устроилась в закрытых носилках, она чувствовала себя совершенно измученной.

Исана никогда еще не летала на носилках, ни открытых всем стихиям, ни закрытых, и предстоящий полет приводил ее в ужас. Сами носилки почти не отличались от обычного дивана, по крайней мере внутри, и от этого ей становилось особенно не по себе, когда она видела в окно проносившихся мимо птиц или пушистые облака, окрашенные в темно-золотой цвет близившегося заката. Она некоторое время смотрела в сгущавшиеся сумерки и на землю далеко внизу и чувствовала, как отчаянно бьется сердце.

– Как долго темнеет, – пробормотала Исана, не отдавая себе отчета, что заговорила вслух.

Серай подняла голову от вышивки, лежавшей у нее на коленях, и взглянула в окно. Закатное солнце окрасило жемчужины у нее на шее в розовые и золотые тона.

– Мы летим в сторону заката, домина, очень высоко и очень быстро. Солнце через некоторое время нас обгонит. Хотя лично я люблю вечера.

Исана взглянула на нее, изучая ее профиль. Эмоционального присутствия Серай почти не ощущалось – всего лишь

нечто туманное и легкое, точно перышко. Когда рабыня заговорила, Исана не уловила в ее интонациях чувств и переживаний, к которым привыкла, когда имела дело с другими людьми. Она могла на пальцах одной руки сосчитать тех, кому удавалось скрывать от нее свои эмоции.

Исана подняла руку к вороту своего платья и прикоснулась к спрятанной под ним цепочке. Судя по всему, Серай совсем не так проста, как можно подумать.

– Вы часто летаете? – спросила Исана.

– Время от времени, – ответила Серай. – Наше путешествие может продлиться до вечера завтрашнего дня или даже дольше. Мы остановимся только на время, когда люди Рольфа должны будут поменяться местами в упряжи, а это может произойти глубокой ночью. Вам следует отдохнуть.

– Я выгляжу больной? – спросила Исана.

– Амара рассказала мне, что с вами произошло сегодня утром, – ответила Серай. Выражение ее лица не изменилось, а иглолка продолжала так же уверенно делать стежки на ткани, но Исана уловила едва заметную тревогу в ее словах. – Такое у кого хочешь отнимет силы. Но сейчас вы в безопасности.

Исана пару мгновений молча смотрела на Серай, а затем спросила:

– Правда?

– Как в вашем собственном доме, – заверила ее Серай, но в ее словах, произнесенных совершенно спокойно, чувство-

валась напряженность. – Я покараулю и разбужу вас, если что-нибудь случится.

Голос Серай, ее наружность и манера держаться излучали правдивость – мало кто из честных людей умел успешно это скрывать, – и Исана немного расслабилась, по крайней мере на время. Эта женщина собиралась ее защищать – в этом у нее не было никаких сомнений. И Серай была права. Страх и потрясение на лице юноши, которого Исана убила, все еще преследовали ее, не давая окончательно успокоиться. Она откинула голову на подушку и закрыла глаза.

Исана не ожидала, что сможет уснуть, но, когда она снова открыла глаза, из противоположного окна в носилки вливался бледный свет, а шея и плечи у нее затекли от неудобного положения, в котором она спала. Ей даже пришлось открыть и закрыть глаза несколько раз, чтобы прогнать сон.

– О, доброе утро, домина, – сказала Серай.

– Утро? – удивленно переспросила Исана и с трудом сдержала зевотку. Под головой у нее лежал свернутый плащ, и она была накрыта мягким одеялом. – Я заснула?

– Крепко-прекрепко, – заверила ее Серай. – Вы даже не пошевелились, когда мы остановились ночью, а Рольф оказался таким милым, что одолжил вам свой плащ, когда мы снова тронулись в путь.

– Извините, – сказала Исана. – Надеюсь, вы тоже отдохнули?

– Пока нет, – ответила куртизанка. – Я сидела тут, как

и обещала, если не считать нескольких моментов, когда мне требовалось ненадолго отлучиться, и тогда вас охранял Рольф.

– Извините, – повторила Исана смущенно и протянула плащ Серай. – Вот, возьмите, пожалуйста. Вам необходимо отдохнуть.

– И оставить вас без собеседницы? – спросила Серай. – Если я так поступлю, получится, что я плохая спутница. – Она мимолетно улыбнулась Исане. – У меня в крови есть способности к заклинанию металла. Я могу несколько дней обходиться без отдыха.

– Но это для вас не слишком полезно, – заметила Исана.

– Должна признаться, что, как правило, вещи, которые для меня не слишком полезны, оказываются наиболее привлекательными, – ответила Серай. – К тому же мы прибудем в столицу в течение часа.

– Но вы говорили, будто путь туда займет еще целый день.

Серай нахмурилась и выглянула в окно. Бело-голубое пламя рассвета, чистое и ясное, пролилось на ее кожу, и она засияла собственным мягким светом, от этого темные глаза стали еще темнее и глубже.

– Так должно было быть. Рольф сказал, что нам повезло, ибо нам в спину дул невероятно сильный и быстрый ветер. Но я никогда ничего подобного не видела, даже между двумя городами, не говоря уже о дальних провинциях.

Исана попыталась собраться с мыслями. Новый поворот

дела все менял. У нее осталось меньше часа, чтобы подготовиться к появлению в столице, и, скорее всего, другой возможности поговорить с Серай наедине не представится. Со-
всем мало времени, чтобы узнать из разговора с ней как мож-
но больше, а следовательно, не было никакого смысла ходить
вокруг да около.

Исана вздохнула и обратилась к куртизанке:

– Вы часто летаете этой дорогой?

– По несколько раз в сезон. Мой хозяин находит множе-
ство причин отпралять меня с визитами в другие города.

– Хозяин? Вы имеете в виду Гая? – спросила Исана.

Серай задумчиво поджала губы.

– Я верная подданная Короны, разумеется, – сказала
она. – Но мой хозяин патриций Форциус Руфус. Он кузен
консула Форции, и его владения находятся в северной части
долины.

– Вы живете в долине Амарант?

– В настоящий момент да, – ответила Серай. – К сожа-
лению, мне придется пропустить момент, когда начнут цвести
сады. В это время в долине благоухает, как в раю. Вы там
бывали?

Исана покачала головой:

– Там действительно так красиво, как все говорят?

Серай кивнула и вздохнула:

– И даже красивее. Я люблю бывать в разных местах, но
скучаю по своему дому в долине. Однако я рада, что могу

путешествовать, и еще счастливее себя чувствую, когда возвращаюсь. Наверное, мне повезло вдвойне.

– Похоже, это прекрасное место. – Исана сложила руки на коленях. – А еще это прекрасная тема для легкого разговора.

Серай улыбнулась и взглянула на Исану:

– Правда?

– Значит, вы курсор?

– Дорогая, я всего лишь красивая рабыня, доставляющая удовольствие своему хозяину и оказывающая услуги Гаю от его имени. Но даже если бы я была свободна, не думаю, что у меня подходящий характер для того, чтобы быть курсором. Героизм и долг и все такое... Это очень выматывает.

– Полагаю, Короне вряд ли была бы польза от шпионки, которая повсюду сообщала бы, кто она такая, – заявила Исана.

– Звучит разумно, дорогая, – улыбаясь, сказала Серай.

Исана кивнула, по-прежнему не улавливая чувств куртизанки. Ей это ощущение совсем не нравилось. Ее спутница была верной подданной Первого консула – в этом она ни секунды не сомневалась. Иначе зачем бы курсоры выбрали Серай, чтобы она сопровождала Исану в столицу? А это означало, что она не могла позволить себе расслабиться и чувствовать себя в полной безопасности. Долг Серай защищать интересы Гая, а не Исаны.

Но, с другой стороны, Исана была не настолько глупа, чтобы не понимать – в столице ей потребуется человек, который

будет ее сопровождать. Она никогда не бывала в больших городах, являвшихся средоточием высшего общества Але-ры. Кроме того, она прекрасно знала, что Зимний фестиваль – это время, когда создаются самые разные политические и экономические фракции. Она слышала рассказы о шантажах, вымогательствах, убийствах и вещах похуже, а жизнь в провинции не подготовила ее к такому.

Исана полностью отдавала себе отчет в том, что, приехав в столицу, она наверняка столкнется со смертельной опасностью. Враги Гая готовы с ней расправиться не потому, что она что-то совершила, а из-за того, что она собой представляла. Исана являлась символом поддержки Первого консула. Его враги уже попытались уничтожить этот символ. Вне всякого сомнения, они не оставят своих попыток.

Внутри у Исаны все сжалось от неприятного, тошнотворного чувства.

Ибо Тави тоже был символом.

Исане потребуется знающий человек, который будет ее сопровождать и поможет справиться с подводными течениями в столице. Серай была таким человеком и ее главным союзником. Если она собирается защитить Тави от козней, которые строят враги Гая, ей нужна помощь и поддержка куртизанки, и она сделает все, чтобы ее получить. И одной искренности будет мало.

– Серай, у вас есть семья? – спросила Исана.

Лицо и манеры куртизанки мгновенно стали непроница-

емыми.

– Нет, дорогая.

Рилл ничего не подсказала Исане, но неожиданно ее посетило прозрение, и она удивленно раскрыла глаза:

– Вы хотите сказать, у вас больше никого нет?

Серай удивленно вздернула подбородок, но не отвернулась:

– Больше никого нет.

– А что произошло? – мягко спросила Исана.

Серай помолчала немного, а потом ответила:

– Однажды наш домен захлестнула болезнь. Страшная болезнь. Она унесла жизнь моего мужа и дочери. Ей было всего три недели. Мой брат и родители тоже умерли. И другие поселенцы. Из всех осталась я одна, но у меня больше никогда не будет семьи.

Серай отвернулась и выглянула в окно. Она положила одну руку себе на живот, и Исану, точно ведром холодной воды, окатила неприкрытая, почти невыносимая боль.

– Мне очень жаль, – сказала она куртизанке и покачала головой. – Я даже представить себе не могла, что вы были свободной гражданкой.

Серай улыбнулась, не глядя на Исану:

– Я добровольно стала рабыней после того, как выздоровела. Чтобы пристойно их похоронить. Именно там я стала... – она сделала короткую, но исполненную значения паузу, – куртизанкой. Многих находят точно так же, как нашли

меня.

– Мне правда жаль, – повторила Исана, – что я заставила вас вспомнить о вашей боли.

– Не стоит сожалеть, дорогая. Это было очень давно.

– Глядя на вас, этого не скажешь.

– Моя семья обладала... мы были заклинателями воды, – сказала Серай, и в ее голосе появились радостные интонации, но Исана знала, что это все напускное. – Конечно, я не так сильна, как вы, домина, но с парой морщин справиться могу.

Носилки накренились, и у Исаны слегка закружилась голова. Она в ужасе выглянула в окно, но увидела только густой белый туман. Одна ее нога слегка заскользила по полу, и она задохнулась от страха.

– Все в порядке, – заверила ее Серай и положила руку ей на колено.

Ее пальцы показались Исане слишком горячими, а собственная рука ледяной.

– У нас мало времени.

– Что вы имеете в виду?

Исана заставила себя оторваться от головокружительного вида и посмотрела на свою спутницу.

– Серай, – сказала она, и голос у нее дрогнул, – если бы вы могли их вернуть, вы бы сделали это?

Глаза Серай широко раскрылись от изумления, которое тут же превратилось в холодный, цвета агата, гнев.

– Ну и вопрос вы мне задали, милая, – ответила она ровным голосом. – Разумеется, я бы это сделала.

Исана взяла обе ее руки в свои и наклонилась вперед, глядя ей в глаза:

– Именно ради этого я и согласилась лететь на фестиваль. Мне плевать на Гая. Мне все равно, кто будет сидеть на троне. Меня не интересует политика или заговоры. Меня беспокоит только то, что ребенку, которого я вырастила, угрожает опасность, а мой брат может погибнуть, если я не сделаю все, чтобы ему послали помощь. Они все, что есть у меня в мире.

Серай склонила голову набок в безмолвном вопросе.

У Исаны дрогнул голос, когда она произнесла два слова:

– Помогите мне.

Серай медленно выпрямилась, и в ее глазах появилось понимание.

Исана сильнее сжала ее руки:

– Помогите мне.

Она почувствовала боль Серай, но ее лицо и глаза оставались совершенно спокойными.

– Помочь вам? Ценой долга перед моим хозяином?

– Если потребуется, – сказала Исана. – Я готова сделать все, чтобы им помочь. Но я не знаю, смогу ли справиться в одиночку. Прошу вас, Серай. Они моя семья.

– Мне очень жаль, домина, что ваши родные в опасности. Но слуги Короны – это единственная семья, которая у меня есть. Я выполняю свой долг.

– Как вы можете такое говорить? – спросила Исана. – Как можете быть такой равнодушной?

– Меня нельзя обвинить в равнодушии, – сказала Серай. – Я знаю, что стоит на кону, лучше многих других. Будь моя воля, я забыла бы о более важных проблемах государства, чтобы спасти вашу семью.

В ее словах прозвучала чистая серебряная правда, а еще твердость и решимость. Новый укол страха за своих родных пронзил грудь Исаны. Она опустила голову и закрыла глаза, пытаясь разобраться в сложном переплетении чувств куртизанки, которые та так старательно скрывала.

– Я не понимаю.

– Если бы решения принимала я, я бы вам помогла. Но это не так, – ответила Серай, и ее голос был полон сострадания и одновременно твердости. – Я поклялась в верности Короне. Мир Карны – холодное, жестокое место, госпожа. Он наполнен опасностями и врагами нашего народа. Именно государство – это то, что обеспечивает его безопасность.

Неожиданно пропитанное горечью презрение опалило Исану, она вздохнула и сдавленно рассмеялась:

– Какая ирония! Человек, которого государство не смогло защитить, готов пожертвовать другими семьями, служа ему.

Серай отняла у Исаны свои руки, и в ее голосе появился холодный, с трудом сдерживаемый гнев.

– Без государства не было бы никаких семей.

– Без семей, – резко сказала Исана, – государству будет

некого защищать. Как вы можете такое говорить, когда, вероятно, способны им помочь?

Голос и манеры Серай оставались холодными и непроницаемыми.

– Вы воспользовались своими возможностями, чтобы вытащить на свет самый тяжелый момент моей жизни и с его помощью заставить меня действовать так, как вам этого хочется, Исана. Не думаю, что вы имеете право меня осуждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.